

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО

О

Б

В

По сибирской реке —
в пространстве
и во времени



А. Омельчук

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО

О Б Ъ

По сибирской реке —
в пространстве и во времени

СВЕРДЛОВСК
Средне-Уральское
книжное издательство
1991

ББК 26.22
О-57

Редактор А. И. Акимов

О $\frac{4700000000-029}{M 158(03)-91}$ 76-91

ISBN 5—7529—0332—7

© А. Омельчук, 1991.

...И вот в небе проявляется парящий орел. Он, как неуловимо недостающее слово в поэтической строчке, как завершающе точный мазок на живописном полотне, делает полной картину вечного речного простора.

Его высочество — орел.

Его сиятельство — солнце.

А река, по которой я плыву? Конечно же — ее величество.

Ее величество Обь.

Искренне почтительны к реке были давние наши предки. «Вверх тоя же реки великия Оби...» Это из повести «О человецах незнаемых в восточной стране», содержащей едва ли не первое русское упоминание об Оби.

Просвещенная Европа впервые услышала о ней как о «великой реце» — так титуловал ее посланник австрийского императора в Москве — в тот же год, когда получила известие о Колумбовом открытии Америки.

В «Книге Большому Чертежу» определено географически точно, поэтически и почтительно:

«Обь Великая пала в море в летнюю в раннюю зарю...»

Именно так государственно величалась — почтенно-заглавной буквой — сибирская река в первые годы после официального присоединения Сибири к России. Видимо, позднее к ее величю попривыкли и громкий титул поминать забывали. А жаль... О величии природы следует помнить неизменно.

Я хотел бы, чтобы мой читатель не забывал: все описываемое происходит на **великой** реке, ее обское величие осеняет все неизбежным своим вечным течением.

Живущие по берегам и притокам Оби, все, кому не безразличны судьбы Сибири, все, кто не равнодушен к судьбам отечественной природы, со вздохом облегчения приняли Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о прекращении работ по проекту переброса вод сибирских рек в Среднюю Азию.

Сейчас, когда сокрушительные кошмары сего прожекта позади (естественный здравый смысл не уступил безудержному наступлению экологических экстремистов), можно, подумав, пожалуй, сказать, что при всех своих глобальных несовершенствах, при всей чудовищной непродуманности проект имел один несомненный плюс. Ясно, безжалостно и реально мы осознали, что можем потерять. Река как близкий человек, который всегда рядом, рядом постоянно — так постоянно, что мы забываем, насколько он важен и ценен для нас. Глобальный проект, реальнейшая угроза его конкистадорского осуществления — та болезнь, та смертельная опасность, которая заставила нас призадуматься и ужаснуться: господи! Да мы же его можем потерять!

Угроза переброса — настоящий шрам в памяти народа, шрам вечный, и вряд ли уже столь просто могут пробиться подобные закулисные проекты.

Как-то осенью из Норильска я летел на самолете в Новосибирск. Утром видел Енисей в могучем разливе его устья, а к вечеру мелькнула под нами узенькая, какая-то удрученная ниточка меженной Оби. И подумалось мне (а было это в пору, когда секира глобального водного переброса с фатальной неотвратимостью нависла над сибирскими реками) — вот есть же мощный Енисей, которому и не грех вроде поделиться своим неукротимым потоком. Но почему и жалкая эта обская ниточка должна оборваться?

Но тут же спохватился: можно ли, если Обь мне роднее, бестрепетно поступаться Енисеем? Ведь для кого-то его берега — родные. Впрочем, подход — жалко, не жалко — не просто не научен, он несправедлив в принципе. Реки — великий дар природы. Так оставим же их потомкам; они будут мудрее и совершеннее нас и решат сами, сами сделают выбор: жить в природе или переделывать ее.

Что же мы могли потерять? Обь — что она? Голубая жилка на карте? Водная дорога? Бассейн? Обь — это чудеснейший комплекс неистощимых при разумном пользовании месторождений — драгоценной влаги, вкуснейшей рыбы. А пойма ее — настоящее месторождение зеленой жизни. Великая река — это не только поток воды, это еще и мощный поток тепла, насквозь прошивающий Сибирь от Алтая до Арктики. Хотели перебрасывать воду, но ведь попутно отнимали бы

6 тепло. Неужели его в Сибири так много? А все это вместе, да еще кра-

сота, да сибирский простор... И разве наш далеко не совершенный разум вправе распоряжаться такой великой жизнью?

Я родился и вырос на обских берегах, практически никогда не покидал реку, но сорок лет понадобилось, чтобы собраться с духом, настроиться на лад долгого путешествия и проехать ее всю сразу — от алтайского истока до арктического устья.

Думаю, каждому «речному» человеку, родившемуся на берегу малого ли, великого ли потока, надо хотя бы однажды собраться, выцарапать время из вечного лимита и двинуться по речной волне, по родной реке.

И вот когда день за днем едешь, меняя корабли и капитанов, вдруг ловишь себя на мысли: с рекой, наверное, как в давней юности — с первой твоей возлюбленной. Ты неистово ищешь тайну, секрет ее прелести, очарования и притягательности. Терпение! Вот еще одна минута, и ты все поймешь. Вот этот поворот... Нет, за тем мысом. Вон у того плеса... Но и там, за очередным поворотом, все столь же маняще, притягательно, но просто. Просто...

И за тем изгибом, и за тем поворотом нет ничего особо впечатляющего, но по-прежнему дразнит река и тянет вперед — что же там дальше, за той излучиной-излукой? Река прихотливо текуча и влечет, колдовски-просто вовлекает, как в жизнь, как в любовь — бесповоротно, страстно, безудержно; она заставляет поверить, что будет, будет же это особо необычное.

И — было... Было же!

Было твое ожидание счастья — и за тем поворотом, и за этим изгибом.

Твое нетерпение, страсть неизведанного.

И ее убегание.

Спокойное, естественное убегание, текущий ход, потому что течение — это ее жизнь, течь вперед — манить тебя.

В этом ее тайна, ее секрет, которого она сама не знает, не ведает. И, может, красота даже не в ней, нет, точно не в ней, а только в твоём стремлении. Красота убегающей жизни.

Ты стремился. И жил.

А река тебя звала. И текла вперед, к океану.

И под речными сентябрьскими звездами вдруг внезапно понималось: как вода течет в океан, так и время впадает в вечность. И в этом вечном времени человечества останется ли твоя, наша частичка?

ИМЯ ДЛЯ

РЕКИ

С чего начать долгое путешествие по реке?

Наверное, с имени-названия.

Считается (в последнее время эта версия особенно укрепилась в популярной литературе), что Обь — русифицированное зырянское **об-ва** — «снежная вода». Действительно, проводниками русских первопроходцев через Северный Урал шли знающие коми-зыряне; еще в начале нынешнего тысячелетия они вывели вольных новгородских ушкуйников через Камень на обские берега. Несложно предположить, что они и подсказали имя неизвестной новгородцам реки. Есть и другая «зырянская» версия — «об» на языке коми означает «бабушка». Мы помним, что Волгу у нас величают «матушкой», Амур — «батюшкой». Вполне вероятно и обская «бабушка». Но чтобы так назвать реку, наверное, нужно на себе испытать бабушкину нежность и ласку, а для этого необходимо хотя бы жить на этих берегах. А ведь проводники были здесь тоже пришельцами, да и вряд ли Обь для тогдашних мореходцев с их утлыми челнами казалась ласковой бабушкой.

Поэтические версии возникают всегда, когда ученым не хватает исходного топонимического материала.

Смущает простота объяснения со «снежной водой». Почему именно «снежная»? Не дождевая, не озерная? Имя-эпитет присваивают обычно небольшим речушкам. Что касается великих водных потоков, то чаще всего их первоначальное имя просто и почтительно означало — Река, Вода. Зачем давать особое имя, когда и так ясно, что это — Река? Большая, главная, великая, у которой в здешней местности конкурентов быть не может и какой-то ее характерной особенностью, чтобы отличить от других, и искать не нужно.

Имеется еще одна поэтическая версия. Памятуя, что Обь сливается из Бии и Катуня, в ее имени нетрудно услышать знакомое русское «обе». Обь — обе реки. Кстати, первым эту версию высказал один из первоисследователей Алтая, профессор Тартуского университета Карл Фридрих Ледебур. Он в истории науки известен как крупный ботаник, но «вылазка» в топонимику представляется дилетантской, а объяснение вряд ли научным — совершенно точно известно, что знакомство русского человека с Обью началось с севера. В 1364 году новгородский воевода

8 Александр Абакумович рассказал летописцу-земляку о своем «зака-

менном» походе, и безымянный монах-писатель впервые начертал на своих пергаментах вроде и простое, но в то же время странное имя — Обь. К верховьям, к слиянию Бии и Катунн, русские доберутся куда позже и увидят, как сливаются в Обь «обе» реки, только в семнадцатом веке. Коренные же насельники обских истоков — алтайцы — в дорусской старине такого имени не ведали.

Но ниспровержение версий еще ничего не проясняет. Простое имя так и остается загадочным.

Может быть, мы не с того конца начали?

Во-первых, Обь — самое позднее имя, до недавнего времени река этих имен имела несколько. Что ни новое племя на берегу, то и новое имя. Ханты именовали ее Ас, селькупы — Куай, Квай, ненцы, которые знали эту реку только в ее низовьях, — Сале-ям («Река мысов»). Алтайские племена в верховьях Оби уже в наше время продолжали считать, что они живут на берегу реки Умар. Все имена — и Ас, и Куай, и Умар — в этих языках переводятся одинаково: река. В значении — Большая Река. Всего учеными зафиксировано почти три десятка ходовых имен нашей героини, от таких длинных, как «Ньяк-жел колд» или «Умар-дьюмар», до самого короткого — «Ю».

Но что же делать с Обью, если толкование со «снежной водой» вряд ли может удовлетворить? Не поможет ли нам взгляд на географическую карту, скажем, Средней Азии в ее горной части? Да, там можно обнаружить больше десятка рек, в названии которых присутствует корень «об» — Сурх-об, Варз-об и т. п. Можно вспомнить, что крупнейшая река Приаралья Амударья раньше была известна как Оби-Аму.

Уж не сестрица ли она сибирской Оби?

Кто знает? В таджикском языке (он относится к иранской языковой группе) «об» означает все ту же «воду». Только как эта таджикская «вода» притекает в Сибирь? Но еще русский академик Иоганн Фишер, который в конце восемнадцатого века задумался над происхождением имени Оби (он, кстати, придерживался «зырянской» версии), уже задавался осторожным вопросом, не перешло ли зырянам иранское слово «аб» — «об» (вода).

Каким кружным путем шло оно сюда?

Современные ученые-угроведы (например, С. П. Толстов, В. Н. Чернецов) придерживаются той точки зрения, что угорские племена (а к их числу принадлежат ханты и коми) исторический путь на Север начинали из Приаралья, где в незапамятные времена могли соседство-

вать с иранскими племенами. Лингвисты находят интересные параллели в угорских и иранских языках, неслучайные созвучия даже в таких основных словах, как «жена», «хлеб», «железо», «богатырь». А почему бы не унести с собой на Север и «воду» — «об»?

Вполне можно представить картину поименования Оби примерно так. Исход угорских племен с юга, из Приаралья, естественно, длился не один век, они продвигались медленно. В лексике одного из этих племен было и слово «об» — характерное для ираноязычных народов. И когда племя вышло на берег неизвестной и невиданно большой реки, то назвало ее без всяких эпитетов — Об. Это название закрепилось, понятно, за небольшим участком реки. Другие угры называли реку иначе. Но либо первое название знали и помнили, либо отряд воеводы Александра Абакумовича вышел как раз на тот берег, где реку называли именно так — Об. Возможно, шустрый зырянин-проводник поторопился пояснить, что же означает это непонятное «Об», приставив понятное ему — «ва» («река») и получив свою «снежную реку». Хотя ясно, что Об-ва — классическая тавтология, это «река-река» на двух языках.

Все эти предположения я делаю только для того, чтобы доказать единственно приемлемый для меня перевод имени — Большая Река.

Это не авторская прихоть. Тому есть немало примеров («большая вода» — это и Енисей, Волга, Нигер, Ганг, Замбези, Дон), да и логика географии подсказывает, что общим правилом для древних народов являлось именовать великие объекты природы просто, без всяких украшательств, и в этой-то простоте и являлось естественное величие.

Река Вода?

Вас это не удовлетворяет? А я полагаю, это нас даже немного возвышает, отделяет от суетной обыденности, оставляет наедине с природой, с той Природой, где течет река Вода, вдаль виднеется Гора, светит Солнце, а нам в ее естественном величии отведена роль Человека.

Откуда берет начало река?

Из озера, из горного истока?

Только ли?

Человек познает мир — открывает материки, горные вершины, новые моря. Большие реки для него открываются постепенно. Может быть, по течению, может — встречу волне несется отчаянная, несокрушимая ладья познания.

На Алтае мне пришлось послушать немало легенд о рождении Оби. Опытный сказитель-кайчи Боронтой, подыгрывая себе на мелодичной икили, скупым, мерным голосом повествовал о легендарном старом богатыре Сартакпае.

К рождению Оби богатырь имел самое непосредственное отношение. Днями и ночами слышал он плач алтайских рек, зажатых каменистыми ущельями. Надоело Сартакпаю смотреть на их слезы, надоело слушать их надрывный стон. Решил богатырь дать дорогу алтайским водам в Ледовитое море.

Я задумался, слушая кайчи: откуда горные люди алтайцы в глубокой древности знали о Ледовитом океане, который находился от их гор за тысячи километров? Спросил об этом кайчи. Старик, подумав, ответил:

— Не течет река вспять, но новости от людей идут во все стороны.

Не приуменьшаем ли мы круг знаний предков? Они, наверное, хорошо разбирались в географии нашей планеты и, не умея писать, в голове хранили свитки знаний? Так или иначе, алтайская легенда утверждает, что люди с гор давно ведали о далеком ледовом океане.

— Позвал Сартакпай своего сына, — продолжал тем временем кайчи. — Ты, дитя, иди на юг, а я на восток пойду.

Сартакпаев сын Адучи-мерген направился к горе Белухе, поднялся к вершинам, где вечный снег лежит, стал, оглядывая с высоты, отыскивать путь для реки Катунь. Отец-богатырь на восток стопы направил, к озеру Юлу-коль. Указательным пальцем правой руки тронул старик берег этого «жирного озера», и вслед за пальцем потекла река Чулышман. Указательным пальцем левой руки провел Сартакпай по горным ущельям Кош-Агача. Веселым смехом рассыпались по освобожденным стремнинам воды Башкауса, удовлетворенно улыбнулся в седую бороду

старый богатырь. Так он прокладывал новые русла, освобождая реки из горного плена. А где же юный Адучи-мерген? Несмышленный юноша не мог найти кратчайший путь сквозь горы, петлял и плутал, обходя вершины и хребты, и вслед за ним петляла свободолюбивая Катунь. Заждался сына Сартакпай, три дня, три ночи держал указательный палец в долине Артыбаша. За это время много воды скопилось под богатырским пальцем, так и натекло прекрасное «золотое озеро» — Алтын-коль.

Я не прервал сказителя, а просто вздохнул в этом месте: как фантастически просто, наивно и гениально может народ объяснить сотворение мира, сотворение озер и рек.

Услышал Сартакпай гул шагов бегущего Адучи-мергена, шум спешащей Катунь и повел от Алтын-коля реку Бию. У подножия гор в один миг слились две горные реки, их слияние родило широкую Обь. Сразу полноводно начинается алтайская великанша, не с немощного ручейка, а сильно, могуче стремится свой бег к океану.

Тот, кто видел исток Оби, согласится со старым кайчи: Обь действительно начинается полноводно и мощно. Но если плывешь в этих местах на катере, еще долго замечаешь, как не сразу смешиваются воды Бии и Катунь. А с самолета отчетливо видны зеленовато-прозрачная полоска катунской воды и притемненно-серая — бийской. Потом полоски начинают дробиться, видны голубые ленты и пятна, и только километров за пятьдесят от истока-слияния течет единый, ровного стального цвета, обский поток.

Но больше, чем легенда о старике Сартакпае, мне нравится другая. Она, пожалуй, ярче повествует о том, что великая сибирячка, как и все великое в нашем мире, — дитя страсти.

Своенравная и гордая, норовистая красавица Катунь не могла любить посватавшегося к ней старого, властного и чванливого князя по имени Бий. Она бросилась со скалы, но не погибла, не умерла, а превратилась в стремительно-красивую реку. Катунь мчалась от преследовавшего ее старика, яростно пробиваясь сквозь камни и горы, путала следы, пряталась в ущельях, виляла в сторону, и только при выходе из гор, в предгорной степи, где уже невозможно скрыться, властный старикашка настиг ее... И... родилась Обь.

Если всмотреться в карту, то вряд ли для легенды имеются точные основания — если Катунь от кого-то и убегает, то только не от Бии. (Сартакпай и Адучи-мерген точнее следуют географическим данным.)

12 Князь Бий, судя по карте, и не собирается гоняться за строптивой кра-

савицей. Но красоту народных легенд не объяснить точностью географических координат...

Обь, если следовать поэтической логике легенды,— дитя неудержимой власти и юной непокорности.

И еще не удержусь, чтобы не вспомнить одно обское сказание. Мне пришлось его слушать далеко от солнечного Алтая, в холодноватом чуме рыбака-ханты, в местах, где солнце светит по-северному скупно, а Обь разливается привольно, как море, так что не всегда можно увидеть другой ее берег. Там много островов, и ранним утром летнего дня, когда солнечные лучи косо освещают серебро водной глади, всегда кажется, что эти острова с ивовым лесом как бы парят над водой. Будто летят. Будто собрались улететь отсюда вместе с шумными утками, которые обильно гнездятся здесь.

Старик, отложив пачку современных сигарет, достал из кисета налимьей кожи старую трубку. Наверное, когда рассказывают о старине, надо курить только дедовскую трубку,— так я понял его.

— Откуда здесь появились ханты? — переспросил он.— Нас принесла вода, которая течет перед нами. Старые люди говорили еще так: «Нас принес смерть несущий вал».

Старик, как помнил, пересказал слышанное от дедушки предание о «смерть несущей священной волне». Может быть, это северная версия всемирного потопа.

Спокойно живущие прибрежные люди слышали таинственный мощный гул. Шел день, и второй, и третий, а он нарастал, становился оглушительней, пугал, но непонятно было, откуда он шел. Нет, не с неба. Нет, не из тайги. Наверное, с реки, но даже самые древние старцы этого племени не помнили, чтобы так шумела река. Начала прибывать вода. Беспokoйные стаи испуганных птиц поднялись в воздух, одни из них полетели к восходу, другие — на закат. Смертельно перепуганные люди бежали от берега, стремились укрыться на возвышенных холмах. Только рыбаки не поддались панике, начали строить плоты. Они слышали мощный гул, видели, как быстро поднимается пенящаяся вода, но спокойно продолжали дело. Они знали, что слабые плоты не спасут их, складывали их один на другой и связывали. Наверное, только плот в семь ярусов мог выдержать приближавшийся вал. К плотам бежали и лесные великаны, и всякая лесная мелочь. И лось, и ящерица, и заяц, и медведь искали спасения около людей.

И вот, заполнив все собой, закрыв небо, затмив солнце и оглушив, примчался священный вал — карающий гонец разгневанных богов. Он 13

все смял, подмял под себя, трещала тайга, вековые кедры хрустели, как мартовские ветки, летели камни, а холодные брызги касались темных мокрых туч. Плотная, сверкающая как молния кромка волны ударила в плоты. Многие из них тут же рассыпались, как спички. А вода мчалась дальше, как будто спешила к морю, торопилась к урочному часу.

Не все плоты разбил смертельный вал. Некоторые из них вынырнули из пенных бурунов уже далеко-далеко от родных берегов. И те, кто привязал себя к бревнам, кто не захлебнулся в мутном потоке, увидели вокруг воду от горизонта до горизонта, яростно пенящуюся воду, в которой даже камни не могли утонуть. Из этого океана бушующей воды редко виднелись жалкие остатки суши, не выше гусиной лапки. Но это была земля. И те, кому удалось закрепиться на суше, начали ловить поверженные деревья, сооружать укрытия, с помощью камней добыли огонь и, наладив очаги, стали устраиваться на новом месте. «Смерть несущая священная волна» умерла где-то далеко в океане. Вода постепенно спала, а люди... люди остались и стали осваиваться на новом месте. И когда ханты спрашивают, откуда они пришли, знающие отвечают: «Нас принесла вода».

Было ли так в действительности?

Предания мудры. Человечество не выдумывает сказок, оно в занимательной форме рассказывает свою историю.

Ханты — истинно речные люди. Спросите любого из них, где он родился, и он обязательно назовет то место у реки, где стоял дом его матери, проточку-заостровку, залив, курью, старицу.

Я ведь тоже, хотя, понятно, родился на суше, а не на воде, говорю: «Родился на Оби».

Оговорка ли это?

Наверное, нет. Мы, речные люди, можем говорить не только «родная земля», но и «родная вода».

ГДЕ НАХОДИТСЯ

ЛУКОМОРЬЕ!

Огромное наслаждение — рассматривать старинные карты, сравнивать их с современными, видеть, как наша планета приобретает сегодняшней, реальный облик. В век межпланетных полетов и космических фотосъемок трудно поверить, что, по существу, очень еще недавно земляне 14 весьма неважно представляли очертания своей обители.

Старинные карты — прикидочные эскизы к сегодняшней картине мира, грубоватые, но очень поучительные. Они заставляют наглядно проследить путь человеческого знания, трудный путь исканий. Первое впечатление, когда увидишь такую карту, — рисовал не очень умелый и не слишком старательный школьник, приблизительно набрасывавший вроде бы знакомую схему.

Даже на достаточно точных русских картах семнадцатого века сибирские реки смотрятся как кустистые, с разветвленной кроной деревья, особенно если учесть, что север на картах тогда рисовали внизу и «деревья» росли из «незатворимого окояна». Привычный бег Оби с ее прихотливыми извилинами на этой карте можно узнать только при богатой фантазии. Ну что ж... С примерного, приблизительно, грубоватого рисунка начиналось осмысление планеты.

Обь на русских картах появилась явно в начале шестнадцатого века, после сибирского похода князя Федора Курбского. Однако — случай нередкий в отечественной истории — карты не сохранились, затерялись, пропали. Европейские аккуратисты в этом отношении всегда были бережливее.

В 1483 году князь Федор Курбский совершил военно-исследовательский поход в Сибирь, перевалив Урал и пройдя обскими притоками до Оби. Московские гости быстро узнали об этом путешествии. Подданный австрийского императора Михель Снупс приезжал в Московию не за чем иным, как исследовать богатые земли на «великой рече Оби». На арктической карте знаменитого полярного морехода Себастьяна Кабота сибирская река Обь уже фигурировала. Любопытные венецианцы Каботову карту поместили не где-нибудь, а на главной стене Дворца дождей. Обь фигурирует и в «Космографии» Мюнстера, вышедшей в 1544 году. На этой карте на востоке Московии обозначена большая река Обь и на ней город Сибирь.

Для грамотного европейца середины шестнадцатого века, посмотревшего Мюнстеров атлас, Сибирь — это не более чем территория, прилегающая к Оби. Должно было пройти время, чтобы понятия переместились и Обь заняла свое законное место — в Сибири.

Еще через пять лет в Вене вышел солидный том «Записок о Московии» барона Сигизмунда фон Герберштейна. Барон рисовал не только приблизительный абрис великой сибирской реки, но и предлагал европейскому читателю вполне по тем временам достоверные сведения:

«По Оби живут вогуличи и югричи. От Обской крепостицы вверх по Оби до устья Иртыша трехмесячный путь», — сообщал он некоторые

приметы, хотя, где находилась эта обская крепостица, определить было трудно.

«От устьев реки Иртыша до крепости Грустины два месяца пути,— намечал он другой ориентир.— Отсюда до Китайского озера по реке по Оби, которая, как я сказал, имеет в этом озере свои истоки, более чем три месяца пути».

Где находилась крепость с таким печальным названием — Грустина, исследователи пока не обнаружили.

Писал барон и об истоке Оби:

«С Китайского озера приходят черные люди, лишенные дара слова: они приносят для продажи много товаров, преимущественно жемчуга и драгоценных камней. Страна их называется Лукоморьей».

Герберштейн и здесь был не особо точен — переносил сказочное Лукоморье на Алтай, хотя известно, что это, скорее, сибирский Север. Не преминул барон «поселить» на берегах Оби и легендарную «золотую бабу», даже поместил рисунок золотой вонительницы с копьём. Жаль, что тогдашние карты не ведали географических координат и точное положение приманчивой для всех авантюристов «бабы» по карте, естественно, определить было невозможно. Загадочную Сибирь и сказочное Лукоморье просвещенный европеец вряд ли разделял. Но в записках Герберштейна немало истинного. Сам барон в Сибирь не забирался, откуда же его довольно точные известия? Конечно же, эти записки — добросовестные списки, кальки с безымянных, утраченных, утерянных русских «дорожников», пересказ слышанного от бывалых русских путешественников, которые хорошо знали сибирский край задолго до того, как Иван Грозный дал всесильным Строгановым строгий наказ «крепости делати и сторожей с вогненным нарядом держати» на Иртыше и Оби.

Из сохранившихся русских карт «Общий чертеж Сибири» верно изображает не только направление течения, но точно обозначает и исток Оби. Правда, восточное озеро названо не Телецким, а Тележским — легендарный золотой телец, якобы находящийся на дне Алтынколя, заменен на обыкновенную телегу. Но это частности. Вполне пристительно, видимо, и то, что «Тележское» озеро изображено самым крупным в Сибири, хотя к 1667 году русским уже хорошо были известны масштабы Байкала.

Вообще-то обским истокам на карте долгонько не везло. Новый «Общий чертеж Сибири» (1673 года) рисовал не два, а три истока, 16 средний из которых вытекал из Телецкого озера. Несколько путано

изъяснялся и известный путешественник Николай Спафарий: «А вершины реки Оби начинаются первая от большого озера Тележского... А другие вершины есть две: одна Биа, а другая Катуня».

Не менее известный путешественник и картограф Эверт Избрант Идес на своей карте 1704 года Телецкое озеро еще больше преувеличил и даже переименовал, почему-то назвав — красиво, но непонятно — Канкизан.

Даже тщательнейший и знающий тоболяк Семен Ремезов все еще рисовал у Оби три истока, причем Бию и Катунь можно было принять за притоки той реки, которая вытекала из Телецкого озера.

Попавший в семнадцатилетний калмыцкий плен швед И. Г. Ренат на своей «Карте Джунгарии» изображал Бию вовсе без Телецкого озера. Правда, его карта большой роли в истории картографии сыграть не могла, так как была отыскана в залежах Стокгольмской королевской библиотеки только в 1879 году, полтора столетия спустя после того, как вышла из-под руки бывшего пленного.

Есть еще одна карта с загадкой. Принадлежала она большому — по тогдашним временам — знатоку России, бургомистру Амстердама и приятелю Петра Великого Николасу Витсену. В 1687 году он в устье Бии поместил крепость Катоунаон. Хотя известно, что Бийский острог — первая крепость на устье Бии — появилась только в 1709 году. Чем объяснить такое предвидение? Наверное, ответ может быть единственным — Витсен что-то знал о сибирско-обских замыслах Петра I, о его намерении строить крепость-острог у истоков Оби. Краевед Михаил Розен делает предположение: «Витсен располагал какими-то не дошедшими до нас региональными чертежами с нанесенными проектами строительства городов и укреплений». Впрочем, знание проектов и других подробностей не помешало эрудированному иностранцу истоком Оби считать единственно Бию, причем он изображал в качестве ее истоков сразу две Катунь.

Эти истории, нелепости и странные загадки свидетельствуют лишь об одном: верховья Оби были известны ученым гораздо хуже ее низовий. Два века потребовалось географам, чтобы великая сибирская река приобрела на картах облик, схожий с действительным.

И раз уж мы добрались до петровских времен — грех не упомянуть Петра Чичагова, автора «Ландкарты Сибирской губернии от Тобольской провинции города Кузнецка з дискриптом к новозаведенному Воскресенскому заводу». Петровский геодезист впервые применил на сибирской карте хорошо определенную астрономическую сеть. Так наша

герония впервые попала в сетку географических координат. Составитель ландкарты (20 верст в дюйме) вернул Телецкому озеру его нормальную величину.

Есть резон поподробнее рассказать о том, в результате чего родилась первая научная карта Оби, тем более эта история связана с тайными замыслами Петра Первого.

СЕКРЕТ

ПЕТРА ПЕРВОГО

Иностранные дипломаты Петровской эпохи (как, впрочем, и позже) не совестились заниматься деятельностью, которая скорее входила в компетенцию специальных резидентов, а если выражаться проще — откровенно шпионили. С нравственной стороны это, конечно, предосудительно, но если смотреть на их поступки сквозь призму времени, следует отдать должное дипломатическим агентам за их целеустремленную пронырливость. Благодаря секретным депешам мы имеем редчайшие свидетельства о фактах русской истории, которые в отечественных архивах следов не оставили.

Французский полномочный министр в России маркиз Кампредон был вхож в знаменитые петербургские гостиные, имел связи с петровскими вельможами, поэтому нередко обладал той информацией, которую русский император по разным причинам хотел бы сохранить в тайне от любезных его сердцу иностранцев.

Полномочный посланник доносил версальскому двору:

«Недавно царь послал в Сибирь людей, сведущих в мореплавании, географии и астрономии, для исследования: судоходно ли с этой стороны Ледовитое море в известное время года, и есть ли там порты, и нельзя ли их устроить. В последнем случае царь велит построить корабли, приспособленные к плаванию по этому морю, по которому, если оно судоходно, можно не более как в два месяца доплыть до берегов Японии, тогда как англичане и голландцы, вынужденные совершать для этого кругосветное плавание, употребляют полтора года. Из порта, устроенного в устье Оби, можно вполне безопасно, легко и недорого перевозить товары в Москву, в Архангельск и Петербург морем или сушею, зимою в санях».

18 Почему Петр Первый засекречивал простую исследовательскую

экспедицию, которой ставил четкую цель пробиться из Оби по Ледовитому океану на восток?

Россия рвалась на простор, искала удобные торговые пути. Далекие, сказочно богатые Ост-Индия, Япония и Персия неудержимо манили увлекающегося русского императора. Этот путь Петр надеялся, как доносил своему сюзерену Кампредон, «отыскать у устьев Оби, очень большой реки, протекающей через Тартарию и принадлежащую царю провинцию Сибирь, где Обь... впадает в Ледовитое море под 68° широты». Все экспедиции, организованные Петром, кроме чисто географической и часто — маскирующей задачи имели секретные инструкции царя: искать быстрый и удобный путь к странам выгодного Востока. Обь, по которой (через Иртыш) можно подняться к китайским границам и которая выходила на трассу Северного морского пути, не могла не привлечь прозорливого петровского взгляда. Поэтому в ее низовья и была снаряжена экспедиция, о которой торопился уведомить французского короля весьма информированный Кампредон. Его депеша — единственное пока свидетельство того, что эта экспедиция состоялась. Но существует и масса косвенных признаков: если на картах до 1725 года западный «угол» северной Сибири изображался весьма приблизительно и выглядел почти «белым пятном», то на позднейших атласах появились правдоподобные изображения Тазовской губы, впадающих в нее рек Пура и Таза, в среднем течении Таза отмечена Мангазея.

Европейские ученые вводили в эти годы в научный оборот новые, доселе неизвестные подробности о народах, населяющих север Сибири — ненцах, селькупках, ханты, эвенках. Все это свидетельствует о том, что в их руки попали новые источники, а таким тайным пресс-релизом могли быть только результаты исследовательской экспедиции.

Имя главного участника Нижнеобской экспедиции, снаряженной в Тобольске по велению Петра, не вызывает сомнения. Это выпускник столичной Морской Академии геодезист Петр Чичагов. Незадолго до маршрута на Нижнюю Обь он составлял карту верховьев Иртыша и зарекомендовал себя как знающий астроном и геодезист.

В 1721 году его посылают в Тобольск, и пять лет он занимается описью сибирских провинций — Тобольской и Енисейской, в результате которой появляются четыре карты. Переданные в Академию, эти карты были присвоены «господами академиками» французского происхождения, и следы их обнаружили спустя столетие... в Париже.

Фигура второго ведущего участника экспедиции более спорна. Считается, что это был уже в третьем колене обрусевший заводчик, цар-

ский крестник (даже нареченный в его честь) Петер Миллер. Он владел железоделательными заводами, слыл опытным дельцом, но, помимо того, как его характеризовали в Российской Академии, был «мужем искуснейшим в исследованиях по географии, истории и древностям российских». Миллер много путешествовал, в том числе и по Азии. Зная обширные связи этого «оберкомиссара» с учеными Германии, Франции, Швеции, нетрудно объяснить, как на их карты и в научные труды попали новые сведения о Сибири. Ученые той эпохи не брезговали заниматься теми же делами, что и полномочные послы... Не вызывает сомнения, что экспедиция совершалась на речных судах, которые могли выходить в море.

Известный советский архивист профессор А. И. Андреев в монографии «Экспедиции на восток до Беринга» делает вывод:

«Судя по тому, что карта Тобольской провинции Чичагова в другом современном источнике названа картой Петера Миллера, я думаю, что оба эти лица ездили по Тобольской провинции одновременно, то есть в 1720—1721 годах, когда при собирании материалов для описания Тобольской провинции они оба были в устьях Оби и совершили плавание вдоль побережья Тазовской губы».

Андреев считал, что «экспедиция в устья Оби не дала желательных результатов: пройти вдоль побережья Северного Ледовитого океана удалось, по-видимому, не очень далеко».

Секретное предприятие Петра Великого являлось первой государственной попыткой исследования сибирских окраин, и, хотя она поставленной цели не достигла, все же солидно обогатила научные представления о далеком крае.

По петровским предначертаниям, но уже после его смерти работала Северная экспедиция, вскоре нареченная Великой. В ее составе действовал специальный Обский отряд, который возглавлял отважный лейтенант, красавец и умница Дмитрий Овцын. В задачу лейтенанту вменялось из Оби пройти в устье Енисея. Три навигации Обская губа как бы запиралась на ледовый замок, льды и торосы не пускали на Север к морю овцынскую шхуну «Оби почталион». И только четвертая попытка, в 1737 году, увенчалась успехом — «Оби почталион» достиг цели, впервые русское судно под Андреевским флагом проложило путь из одной великой реки в устье другой.

Не так давно московские кинодокументалисты снимали фильм «По следам Дмитрия Овцына». Уже в июле им пришлось специально
20 искать льды в Обской губе, и, только уговорив капитана судна, они

настигли льды у выхода в Карское море. Киносъемка, конечно, умеет делать чудеса, на ленте все выглядело арктически-солидно, полярновнушительно. Но наверняка сегодня в Обской губе не встретишь тех торосов, сквозь которые год за годом не мог пробиться овцынский «Оби почталион».

УГРЮМ-РЕКА

Вспомним старинную цитату, ей без малого уже три сотни лет, но, думаю, смысл ее пробьется и через не всегда понятное современнику узорчатое кружево давних словес.

«Дивно убо есть: какими божими судьбами рекам там бысть? — задаваясь вопросом, изумлялся тобольский летописец Савва Есипов и с радостным изумлением отвечал себе: — Вода камень тверд раскопа — и бысть реки пространны и прекрасны зело, в них же воды сладчайшие и рыбы различные множество, на исходищах же сих рек дебрь плодovitа на жатву и скотопитательные места пространны зело».

Восторженность тобольского летописца, почти Ермакова современника, понятна — сибирские реки у первых русских сибиряков вызывали неопишуемую радость, ибо были единственными дорогами, рыбными житницами; на заливных берегах раскинулись удобные выпасы для стад, а таежный берег растил строевой лес. Чего много и мог желать умелый российский переселенец!

Казалось бы, сколько громких слов можно написать об Оби, об этом великом потоке жизни, об этих берегах, на которых только и может протекать настоящая, красивая, сильная жизнь. Но вот, задавшись целью найти в отечественной литературе поэтично-величественные описания Оби, я столкнулся с парадоксом — о красоте великой сибирячки, как ни странно, практически никто не писал, кроме забытого летописца Саввы Есипова. А ведь на обских берегах бывали замечательнейшие мастера слова — Антон Чехов, Николай Гарин-Михайловский, Вячеслав Шишков.

Начнем, пожалуй, с Чехова. Наверное, все мы хорошо помним его слова, сказанные на берегу Енисея:

«Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

Но приведем цитату из чеховских путевых очерков «Из Сибири», ибо там поминается и Обь.

«Едучи из России в Сибирь, вы проскучаете от Урала вплоть до самого Енисея. Холодная равнина, кривые березки, лужицы, кое-где озера, снег в мае да пустынные, унылые берега притоков Оби — вот и все, что удается памяти сохранить...»

Енисейские симпатии Чехова безусловны:

«На Енисее жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась. Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя в его воду, которая с страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан».

Несколькими страницами ранее Чехов описывает свои приключения на Оби. Ехал он в 1890 году в середине мая, и поездка его пришлась на половодье. В Колывани — береговой ямщицкой станции — писателю даже не дали почтовых лошадей, «говорят, что по берегу Оби затопило луга, нельзя ехать». И вот в затянувшемся ожидании лошадей Чехов пишет:

«Какая скука!» И добавляет: «Чтобы развлечь себя, переносюсь мыслями в родные края, где уже весна и холодный дождь не стучит в окна, но, как нарочно, мне вспоминается жизнь вялая, серая, бесполезная».

Какая несправедливость! Да, Енисей впечатляет. Да, наверное, распутица и половодье испортили настроение путешественнику на Сахалин молодому классику. Но почему Обь не вызывала у крупных русских писателей радостного восторга, прилива бодрости и сил? Ведь мощная, красная, сильная река!

Вспоминаю свои впечатления: сколько прекрасных мгновений и в ведро, и в непогоду, даже за день-два может подарить наша великая Обь! Почему она произвела на Чехова удручающе-унылое впечатление?

...Вспомним знаменитый роман Вячеслава Шишкова «Угрюм-река», живую, полноводную и колоритную, поистине эпическую картину сибирской жизни. Специалисты спорят, какая река послужила писателю прообразом Угрюм-реки. Называют Нижнюю Тунгуску, Лену. Думаю, образ собирательный: Угрюм — не конкретная, а сибирская река вообще. Ведь сам Шишков не просто проплыл многими сибирскими реками, он занимался изучением Енисея, Оби, Лены, Бии, Катуня, Кети, Ангары. Полагаю, есть в шишковской Угрюм-реке немало и от Оби. Тридцатилетний Вячеслав Шишков простым техником попал в партию по исследованию Оби, на Кети занимался обследованием Обь-Енисейского канала. В 1904 году в составе гидрографической партии исследовал

Писатель Георгий Марков в 1940 году записал рассказ приобского жителя Степана Вышегородцева, в быту — Степки Пляса, отец которого служил проводником-лоцманом в изысканиях Шишкова на Чулыме и Оби. Вот кусочек из колоритного Степкиного сказа:

«Зачал Яклич (Шишков.— А. О.) ходить по рекам, промеры делать, перекаты и глыбы отыскивать. И все, что узнает, сей же момент — раз-раз, отметку ставит. Тут по берегам Оби и Чулыма столько его отметин, что со счету собьешься. Покеда Яклич не объявился — пароходы и баржи ходили на наших реках вслепую. Случалось, запарывались лоцманы на мель. Ни в какую назад пароход или баржу не стянешь, хоть лопни. Вымали груз в лодки, а потом на берег перевозили, облегчение судну делали, якорем его на стрежь стягивали. Страшенное дело! От Томска до Коллашево — триста верст, и плыли пять ден, и все ощупью. А как Яклич прошел с партией, пообшарил, вызнал подноготную, по берегам знаки повывставил — пошла тут иная жизнь для судов, без опаски».

В Бийске в городском краеведческом музее я долго рассматривал старинный, конца прошлого века изящный топографический нивелир. Он принадлежал писателю-первопроходцу. Жизнь на берегах Угрюм-реки писатель знал не понаслышке. Так что, если вам еще предстоитзнакомиться с судьбой Прохора Громова, Анфисы, инженера Протасова, черкеса Ибрагима-оглы — героев «Угрюм-реки», внимательнее вчитайтесь в «речные» страницы романа, — на мой взгляд, там много и об обском крае.

На берегу Катуня, недалеко от города Горно-Алтайска, на Чуйском тракте стоит обелиск с бюстом писателя-исследователя и первопроходца.

Когда видишь Обь в хорошую погоду, резонно задаться вопросом — какая же это Угрюм-река?

Но давайте познакомимся со страницами путевого дневника замечательного путешественника и ученого Александра Кастрена, который в середине прошлого века проехал Обью от Обдорска до Томска.

Вот как путешествовали тогда по реке, по которой сегодня несутся скоростные «метеоры», величаво плывут комфортабельные теплоходы. «Добытая в Сургуте ладья, как все обские суда, была снабжена каютой, но каюта эта была так устроена, что, взобравшись в нее ползком, в ней можно было только лежать... Это жилище мрака было и нашей столовой, и спальней, и кабинетом. Ящик заменял стол, стульев было не нужно, потому что обедали по-римски: самовар был нашим ками-

ном... Сургутский смотритель магазинов, человек вельми ученый и хорошей христианин, утверждал, что Диоген, который, по его мнению, «один из лучших философов в мире и даже лучший христианин чем Платон», не имел такого прекрасного жилища. Впрочем днем мы вползали в каюту только в том случае, когда дождь и непогода не давали возможности сидеть на палубе или бродить по берегам. Для последнего удовольствия берега Оби однако ж не слишком удобны... Редко встретишь человеческое жилище. На нашем пути видели мы только несколько русских рыбацких лачуг, уже оставленных и до того ветхих, что даже птицы небесные и звери лесные как будто пренебрегали ими. По удалении рыбаков, приходящих сюда во множестве, всюду воцаряется могильное молчание и однообразие, изредка нарушаемое только быстрым бегом какой-нибудь остяцкой лодки... На следующее утро, проснувшись, я с изумлением увидел, что вчера еще зеленевшие поля были покрыты белым саваном, а светлое, ясное небо задернуто сырою мантией зимы; что люди закутались в шубы и вся природа онемела, омрачилась и опечалилась. Несмотря на это, мы рано утром отправились в нашу каюту, затворили двери ее и поплыли далее. В каюте было темно, как в гробу».

Разве не Угрюм-река? Еще какая «угрюм»!

Но сам автор, изучавший языки сибирских аборигенов, был неизлечимо болен чахоткой. Может быть, постоянно угнетенное его состояние как-то отразилось и в дневниковых записях?

...Писатель Гарин-Михайловский, автор знаменитого «Детства Темы», в истории Сибири известен и как изыскатель первого железнодорожного моста через Обь на трассе Транссибирской железной дороги. Мне думалось, что инженер-изыскатель, писатель бодрой жизненной позиции, найдет для Оби приятные, отрадные слова. Но нет, и в его очерковых записках «Карандашом с натуры» все то же уныние.

«Проснулись как-то: Обь. Куда глаз ни хватит, все вода да вода, а по ней, точно плавающие кусты, целые острова — голые, лишайные, с тонкими прутьями тальника, еле распутившегося. Чтобы сказать величественно было, поражало, подавляло — нет. Скучно просто...»

Прямо-таки чеховское проклятие царит над Обью! Гарин продолжает:

«...Поскрипывает пароход, иногда порядком покачивается от расходящихся на просторе волн; сверкают мрачные свинцовые тучи, ветер воет; оголенные деревья, когда к ним подойдешь поближе, свистят

свою унылую осеннюю песенку. Кто бы узнал здесь, в этом костюме, веселый месяц май во второй его половине?»

Безрадостные настроения навевала на него вся сибирская действительность: «Провинция глухая, скучная провинция, колесо жизни которой перемололо все содержание этой жизни в скучное, неинтересное и невкусное мелево. Арестанты, ссылка, каторга».

И все-таки я отыскивал в гаринских записках «По Западной Сибири» место, где писатель воздал Оби должное:

«...Расплывшаяся на десятки верст Обь начинает понемногу собираться. Появляются возвышенные берега, и мало-помалу теряется впечатление какой-то несформированности, впечатление страны какого-то будущего геологического периода.

И май месяц начинает входить в свои права. Деревья распустились, чувствуется запах черемухи, слышно изредка пенне и чирканье птиц. И ночи потеплели.

Собственно, ночей здесь нет. Читать все время можно. На полчаса слегка потемнеет, и уже опять горит восток. Это самый эффектный момент. Переливы цветов на воде: розовый, нежно-малиновый, у берега реки голубой, и на всем этом мягкие, нежные тона непередаваемых красок. Природа как человек: начало знакомства — никакого впечатления; узнаешь, ознакомишься — и уже другое впечатление. Присмотрелся я — и здесь явилась красота переливов, и оригинальность тонов, и яркость красок, и проч.

Вот начало восхода. Мы плывем точно в саду, сквозь редкие деревья словно задымилась вода, слегка розовая, прозрачная, вот-вот готовая вспыхнуть пожаром восхода. Стадо белых лебедей вспорхнуло в этом розовом фоне рассвета, среди аромата черемухи. Лебеди медленно потянулись низко над водой и потонули в пурпуре утра, в огне выплываемого из-за далекого леса красного большого ярко-золотого шара. Этот шар еще не дает света; по другую от нас сторону реки резкой чертой оттеняется неосвещенная даль, вся слившаяся в один темно-сизый с фиолетовым отливом цвет, — и вода и небо; только лесной берег, как пояс, разделяет воду от земли. Здесь, по эту сторону парохода, — разнообразие красок, поразительный эффект; там — однообразный сплошной колорит, мрачный и сильный. Но выше поднялось солнце, отразилось в воде и, слившись с своим отражением в общий сплошной ослепительный цилиндр, загорелось и осветило все округи.

Дико и величественно».

Вот это хорошо сказано, это действительно — об Оби.

Писатель Гарин вернулся на Обь спустя семь лет, в 1898 году, когда уже работала Транссибирская железная магистраль, действовал и мост через Обь, к созданию которого инженер-изыскатель Гарин приложил немало усилий. В дневнике сибирского путешествия Гарин записал:

«Река Обь, село Кривошеково, у которого железнодорожный путь пересекает реку.

На 160-верстном протяжении это единственное место, где Обь, как говорят крестьяне, в трубе. Другими словами, оба берега реки и ложе скалисты здесь. И при том это самое узкое место разлива — у Колывани, где первоначально предполагалось провести линию, разлив реки — двенадцать верст, а здесь — четыреста сажен.

Изменение первоначального проекта — моя заслуга, и я с удовольствием теперь смотрю, что в постройке намеченная мною линия не изменена. Я с удовольствием смотрю и на то, как разросся на той стороне бывший в девяносто первом году поселок, называвшийся Новой Деревней. Теперь это уже целый городок».

Новая Деревня, напомним, это нынешний Новосибирск — подлинная столица Сибири.

Мы перелистали страницы русской классики, посвященные великой Оби. Их немного, этих страниц, но они есть, они интересны. Страницы книг и страницы русской истории.

Почему же прекрасная Обь производила унылое, удручающее впечатление на писателей и путешественников? Не знаю, ошибусь ли я, но мне думается, что дело вовсе не в реке. Это тогдашняя жизнь в Сибири была убогой, унылой, удручающей, и даже великая природа не могла переломить настроения таких людей, как Чехов, Гарин, Шишков.

Наверное, мне больше не придется обращаться к литературе об Оби, поэтому эту главку хотел бы закончить рассказом о писателе, который не столь воспевал ее, сколь сыграл значительную роль в ее судьбе. Это наш современник, известный советский прозаик Сергей Павлович Залыгин. Его страстные публицистические выступления против строительства Нижнеобской ГЭС в начале шестидесятых годов помешали осуществлению явно непродуманного проекта. Столь же яростно боролся Сергей Павлович против поворота сибирских рек. Мобилизованная им писательская рать, «экологические» писательские съезды помогли восторжествовать разумному подходу к сибирской при-

Как-то в Салехард прилетела киногруппа — документалисты хотели снимать фильм о Залыгине, здесь, на берегах Оби, где Сергей Павлович в свое время работал. Но писатель так и не смог приехать в места, которые хорошо знал,— как раз воевал против экологических экстремистов. Киношники тем временем разыскали на Ангальском мысу сохранившуюся водомерную станцию и уже предвкушали, какие «вкусные» кадры они могут снять. Но если красивых кадров не получилось, то обских страниц из жизни писателя не выкинешь. Залыгин жил на берегах Оби не только в Салехарде, но и в Новосибирске, Барнауле — в его рассказах и романах рассыпаны меткие замечания о жизни на этих берегах и о самой реке.

Мне посчастливилось встретиться с живым сибирским классиком, я попросил рассказать Сергея Павловича о жизни в Обдорске — так в военную пору еще прозывали Салехард. Да и головная станция гидрометуправления Сибирского военного округа, на которой он служил старшим гидрологом, называлась «Обдорск». Из той службы писателю особенно врезалось в память долбление лунок. К весне льда намерзло столько, что не особо сытые гидрологи едва не падали в голодные обмороки. Среди обдорян в те годы ходило множество слухов о немецких подводных лодках, которые из Карского моря забредали и в Обскую губу...

Гидрологические исследования, которыми приходилось заниматься инженеру Залыгину, были связаны со строительством железной дороги Салехард — Игарка. Железнодорожного моста между Лабытнангами и Салехардом строить не собирались, несколько лет между этими станциями действовала, пожалуй, самая оригинальная железнодорожная переправа — «ледянка». На льду Оби намывали дамбу из воды, укладывали на ней шпалы и рельсы, и по этому невероятному инженерному сооружению вполне успешно ходили не только маневровые паровозики, но и целые грузовые составы, которые двигались дальше на восток.

Позднее, переехав в Омск, Залыгин занимался гидрографическими исследованиями. Они напрямую были связаны с составлением лоций: тогда судовой ход на Оби не везде был обставлен бакенами. Позднее писатель занимался мелиорацией, защитил кандидатскую диссертацию. Так что его выступления в защиту Оби, сибирских рек — это не только голос гражданина, писателя, это еще и голос ученого, который знает и любит то, что защищает.

ПОТОК ВРЕМЕНИ

— Иртыш впадает в Карское море.

— А Обь?

— А Обь впадает в Иртыш.

— В каком же месте?

— У Самарского мыса, то бишь у нынешнего города Ханты-Мансийска.

— Значит, то, что мы называем Обью — на отрезке от Ханты-Мансийска до Обской губы, — вовсе не Обь, а Иртыш?

— Если исходить из геологических критериев, именно так и надо считать.

Мой почтенный собеседник не шутит. Во все не настроен на это семидесятипятилетний профессор, доктор геолого-минералогических наук, лауреат Государственной премии СССР Владимир Александрович Николаев. Он один из ведущих сибирских геоморфологов, заведует лабораторией геоморфологии и неотектоники в Институте геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР в знаменитом Академгородке под Новосибирском. Как все пожившие люди, он становится язвительным, когда сталкивается с молодой некомпетентностью. Беседовать с ним нелегко (он частенько удивляется ужасающей неосведомленности своего собеседника), но страшно интересно. Да и как оказаться осведомленным (хотя к встрече готовился основательно), если перед тобой — настоящая «живая энциклопедия» Западной Сибири. Вся геологическая жизнь неутомимого подвижника связана с Сибирью, он провел не меньше полсотни исследовательских экспедиций, одним из первых, сразу после войны, начинал плодотворные нефтепоисковые маршруты на Тюменском Севере. Полвека поиска — эпоха в преображении глухого края. Первую экспедицию Владимир Николаев совершил по обскому притоку — реке Вах. В его распоряжении имелась затрепанная рукописная карта, составленная по расспросам лет сто тому назад. На рукописной этой карте рисовалось, что исток Ваха близехонько подходит к Елогую, по которому можно спуститься на Енисей. Но молодой исследователь до желанного Енисея так и не добрался: карта оказалась слишком приблизительной. Давненько это было, если помнить, что нынче сибирские геологи работают, используя точнейшие

Почтенный профессор со смехом вспомнил давний, довоенный еще случай. В одну из экспедиций по обским притокам, а он располагал дефицитной по тем временам лодкой-моторкой, с ним увязался старичок врач. Но больные остяки (ханты) к доктору не шли: остяцкий шаман был еще очень влиятелен. Старичок приходил в отчаяние. Тогда Николаев, искренне сочувствующий незадачливому эскулапу, предложил коварный план — врач должен помериться силами со всемогущим шаманом.

— Как? — озадаченно вскричал растерявшийся врач.

— У тебя вставная челюсть, — подсказал геолог. — Соберем остяков, ты положи свою челюсть на стол и предложи шаману сделать то же самое.

И шаман и остяки были поражены «божественным» искусством доктора, который без особых усилий вынул и выложил зубы на стол. Шаману подобное «чудо» оказалось не под силу — он признал могущество доктора: больные повалили валом.

Такова временная дистанция — от шамана, от рукописных карт, от утлого обласка, на котором проходили первые экспедиции, до нынешних ЭВМ и космических снимков.

Жизнь геолога-первопроходца — для серьезного и увлекательного романа, но я пришел к почтенному профессору-геологу с узкоконкретным вопросом: сколько лет Оби? Вытекает она из легенд, из красивых народных преданий, пробивается к пытливым людям из архивов и древних манускриптов, но ведь пора уже задаться закономерным вопросом: а сколько лет несет она на север, в Ледовитый океан, свои воды? На этот вопрос не ответит нам ни почтенный архивист, ни солидный знаток географической истории. Только геолог.

Владимир Александрович знаток этой проблемы; пожалуй, он один и располагает уникальной информацией. Он обследовал все крупные притоки Оби, в том числе Полуй, Казым, Томь, Тым, Чулым, Васюган, Надым, Таз, Пур. По самой Оби на лодке (с подводным парусом — существовал и такой) проплыл еще до войны от Новосибирска до Салехарда.

Старый ученый не устает поражаться своеобразию Западной Сибири.

Только здесь можно встретить такие парадоксальные явления, которые больше в мире нигде не встречаются. Например, обская пойма — где вы видели речную пойму шириной в сто двадцать километров! Западная Сибирь — величайшая речная равнина мира. А легендарные

болота! Они содержат в себе больше миллиона кубометров пресной воды. Три обских годовых стока! А почему в Сибири нефть нашли сравнительно быстро? Здешний рельеф заметно повторяет погребенные структуры — рельеф сам подсказывал поисковикам, где скрываются нефтяные клады.

Несколько работ Николаева посвящено геологической истории сибирских рек. Он исследовал возраст пород, слагающих речные ложа. Именно по геологическим данным у него и получилось, что не Обь, а Иртыш древнее, а значит — и первичнее Оби. Возраст иртышского русла примерно четыре миллиона лет. Возраст обского ложа гораздо скромнее, — точно его, конечно, не определишь, он колеблется в границах от восьмисот тысяч до полутора миллионов лет.

Устье палео-Иртыша (древнего Иртыша) обнаружено не где-нибудь, а у архипелага Новая Земля — это означает, что в древности берега Карского моря находились гораздо севернее. Все эти миллионы лет Ледовитый океан наступал на материк. Длина палео-Иртыша, таким образом, насчитывает 6400 километров — это один из самых больших водных потоков планеты. (Для сравнения: длина Нила — 6270 километров.) Николаев прямо утверждает:

«Основываясь на палеогеографических данных, мы считаем, что Обь является притоком Иртыша».

Вот так недвусмысленно и бесповоротно: наука считается только с конкретными фактами.

Но что же в таком случае делать с нашей любимицей и героиней, с Обью? Может, действительно, восстановить геологическую справедливость, переименовать, и пусть тогда старец Иртыш под собственным именем впадает в Карское море? Нет, конечно, не для того геолог Николаев проводил сенсационно закончившиеся исследования. Название реки — народная традиция, наши предки не были столь сведущи в геологии, чтобы точно знать, чье русло — Иртыша или Оби — древнее. Они видели, что Обь многоводнее, поэтому и посчитали, что она основная река. Поименовывает реки народ, и имя реке он присваивает навечно. Ведь река не только поток воды, но и поток времени, объединяющего нас.

Владимир Александрович, реконструируя древнейшую историю Западно-Сибирской низменности, пришел еще к одному неожиданному выводу: палео-Обь, вероятней всего, раньше текла строго на север, очевидно, по руслу современного Пура и впадала, предположительно, в Тазовскую губу. Потом, когда в результате геологических катаклиз-

мов поднялись Сибирские увалы, она повернула на запад и пробилась к палео-Иртышу.

— А вы не слышали, что Обь четырехэтажна? — в очередной раз с лукавой усмешкой интригует профессор. — И после этого утверждаете, что относитесь к родной реке с любовью? Так знайте, под современными речными отложениями мы обнаружили погребенные толщи русловых песков. Это мощные многометровые водоносные горизонты. У Оби их как минимум четыре.

— Подземная Обь-дубль-четыре?

— Называйте, как хотите, но эти воды можно прекрасно использовать в народном хозяйстве.

Профессор не может позволить себе роскоши беседовать долго — в печать сдается монография, его поторапливают, а норма для столь почтенного возраста — ежедневно десять — пятнадцать страниц, — пожалуй, уже великовата. Но он успевает. Книга «Рельеф и земледелие Западно-Сибирской равнины» в основном посвящена ресурсам уникальной обской поймы.

Ресурсы действительно впечатляющие: три миллиона гектаров сенокосов и лугов, почти столько же гектаров леса.

Конечно же, Николаев занимался проблемами переброса вод сибирских рек. Он ученик академика Александра Леонидовича Яншина, а именно Яншин возглавлял академическую оппозицию этому размашистому проекту. И я, естественно, не могу удержаться от вопроса, как мой собеседник относится к проблеме переброса.

Николаев против переброса хотя бы потому, что в проекте нет основы — научной идеи. Есть практическая необходимость. Но научное вторжение в природу должно базироваться не на чьей-то, пусть даже коллективной, прихоти, а на концепциях, вытекающих из скрупулезно исследованных фактов.

Владимир Александрович подвигает мне листок рукописи из готовящейся монографии.

— Я вовсе не противник всяческих преобразований, — комментирует он.

Читаю:

«Мелиоративная система должна вписываться в естественно-исторический процесс. В Западной Сибири это древние ложбины — готовые древние каналы, подготовленные природой как бы специально для мелиорации и перераспределения стока».

Он добавляет:

— Но эти природные каналы расположены в границах Сибири — Западной и Южной, к Средней Азии они отношения не имеют.

Общаясь с учеными, замечаешь такую особенность: чем ученый крупнее как личность, чем шире его научные притязания, тем сильнее его изумление перед непознанностью природы, необъятностью все еще неведомого нам. Меньше масштаб — больше торопливых амбиций, захватских идей и безудержных проектов, которым не хватает одного: пошпманья жизни, всей громады ее тонких и сложных связей.

...Со старым ученым можно говорить бесконечно, но, пожалуй, пора и честь знать, не будем мешать его плодотворным занятиям, тем более течение Оби, которая, как выяснилось, заметно младше своего притока, зовет нас вперед.

ВЕЛИКАЯ СИБИРЯЧКА

Узнав возраст реки (хотя это, видимо, не особо деликатно, учитывая ее «дамское» имя), можно привести и другие интересные характеристики. Несколько цифр, надеюсь, читателя не утомят. Наверное, авторскому самолюбию польстило бы, если б река, о которой он с понятной любовью пишет, была, что называется, «самой-самой»: самой длинной, самой полноводной, самой широкой. Но, наверное, нет и большой беды, что Обь не сплошная рекордсменка, — ее величия это не поубавит.

Длина Оби — от Одинцовского приверха при слиянии Бии и Катунь (здесь установлен соответствующий знак) до входного буя у острова Начального — 3650 километров. Наверное, следует к ним прибавить восемьсот километров Обской губы. Некоторые исследователи длину Оби считают не от слияния Бии и Катунь, а... от истока Иртыша. Иртышская, если позволительно так назвать, Обь в 5569 километров длиной становится первой рекой не только Сибири, но и Союза и переходит со своего законного в мировой иерархии одиннадцатого места на четвертое — после Миссисипи, Амазонки и Нила.

Разные подходы — разные счета. Каждый считает так, как удобнее его патристическому тщеславию.

Площадь Обского бассейна — 2990 квадратных километров. Это немало — седьмая часть территории Союза и добрая половина Западной Европы. У Оби около двух тысяч притоков, их суммарной длиной —

двести тысяч километров — можно пяток раз обернуть Землю по экватору. В бассейне десять тысяч озер, общая площадь которых пять миллионов гектаров. Площадь же болот в обской пойме никто не пытался считать, наверное справедливо боясь сбиться со счета.

Обь — третий по мощности водопоток Сибири. Ежегодно она в среднем сбрасывает в Карское море почти четыреста миллиардов кубометров воды (это четырнадцать Донов).

По водоносности Обь уступает своему соседу — Енисею. Енисею больше подходит определение — поток (мужского рода), а Обь действительно женственно расслаблена — настоящая река. Причем — из великих — самая спокойная не только в Сибири, а и вообще в стране. Ее средний уклон выражается цифрой — 0,00004 м/км, то есть на километре своей длины она падает на четыре сантиметра (равнинная Волга — на семь сантиметров, Енисей — на тридцать семь, а Терек аж на 477 сантиметров). Всего Обь понижается на сто шестьдесят метров — от Алтая и до Арктики.

Максимальный расход воды зарегистрирован в створе Салехарда — он составил 42 800 кубометров в секунду.

Обь — самая рыбная река Сибири, или, как выражаются ученые-ихтиологи, «наиболее богатая среди рек Ледовитоморской провинции». Сегодня она дает приблизительно пятьсот тысяч центнеров рыбы в год — три четверти всех сибирских уловов.

Самая щедрая она и по разнообразию рыбных пород, их «благородью», разных видов здесь насчитывается около пяти десятков. Конечно, первая слава — осетру, нельме, стерляди, муксуну. Найдут здесь рыболовы и морские породы (камбалу, навагу), и озерные (золотистого карася, линя), и рыбу чистой воды (тайменя, хариуса), и хорошо известную всем рыбакам щуку, язя, окуня, пескаря, ерша, налима. Промысловых рыбных пород в Оби — 25 видов. Водятся в обских водах и ихтиоуники, например монгольский елец, зайсанский губач, девятиглая колюшка, четырехрогий бычок. Рыбоводы запускают в Обь ручьевую форель, амурскую кету, ладожского сига, но «гости» приживаются плохо, кроме, пожалуй, культурного карпа и судака.

Наверное, следует определить и положение Оби в системе географических связей. Приведу цитату из труда, принадлежащего перу профессора Томского государственного университета Бодо Германовича Иоганзена, который, пожалуй, больше, чем кто-либо из его коллег-ихтиологов, сделал для изучения рыбных богатств Оби.

«Соприкасаясь с рядом различных подразделений Палеоарктики, 33

Обский бассейн испытывает на себе их влияния и, в свою очередь, сам оказывает воздействие на них,— пишет Б. Г. Иоганзен в «Этюдах по географии и генезису ихтиофауны Сибири».— С запада (через Урал) и с северо-запада (через Карское море) Западно-Сибирский округ может испытывать влияние Европейского округа, с севера — Полярного бассейна и с востока — Средне-Сибирского округа Ледовитоморской провинции; на юго-востоке округа верховья Оби испытывают влияние Западно-Монгольской провинции, а верховья Иртыша с озера Зайсан — Балхашской и частично Таримской провинции Нагорноазнатской под-области, наконец, на бассейн Иртыша широким фронтом воздействует Аральский округ и на юго-западе — Каспийский округ Понто-Каспийской — Аральской провинции Среднеземноморской ихтиологической под-области».

Эту цитату с языка научного можно перевести просто: реки — спящие жилы земли, ее соединяющие нити. Иоганзен в этом ученом построении показывает, как огромное, разветвленное древо Оби, корни ее и крона связывают различные районы Евразийского материка. По Иоганзену, Обь входит в Западно-Сибирский округ Ледовитоморской провинции Циркумполярной подобласти крупнейшей на земном шаре зоогеографической Голарктической (или Пернарктической) области. На первый взгляд, наверное, странно, но научно очень четко.

Биологи на обских берегах насчитали более трехсот видов наземных позвоночных — птиц, всяческого зверья, земноводных и пресмыкающихся. Но хотелось бы немного припугнуть туристов (сами-то сибиряки к этому давно привыкли): в здешних местах летает тридцать пять видов комаров, восемь видов мошек, семь — мокрецов и сорок видов слепней. Привлекательна та дотошность, с которой эти кровососы подсчитаны, — надо полагать, исследователи стойко принимали первый удар на себя. Одним словом, без патентованных репеллентов на обских берегах появляться в летние месяцы не рекомендуется. Не особо, может быть, нужно «гнусное» многообразие, но природа, как говорится, не спрашивает разрешения.

Энергетический потенциал Оби (расчет инженера Н. Я. Коряко сделан в эпоху гидростроительной эйфории, в пятидесятые годы) — двадцать миллионов киловатт. Одним словом, если обские воды запрячь в упряжку плотин, они могли бы дать сто сорок миллиардов киловатт-часов энергии.

Неутомимое трудолюбие Оби можно охарактеризовать и такой цифрой: ее твердый сток составляет пятьдесят миллионов тонн. Ведь любая

река, кроме воды, несет грунт, ил, песок. Эти миллионы тонн — тот строительный материал, из которого река строит себя: меняет фарватер и даже русла, намывает новые острова.

Немного о климате обского «государства», памятуя, что она река степная, лесостепная, таежная, тундровая и морская (имеет выход в открытое, «океанское» море). Ото льда Обь вскрывается на своем долгом протяжении более месяца — в среднем с двадцать второго апреля по первое июня, замерзает быстрее — с двадцать шестого октября по седьмое ноября. В районе Салехарда она находится подо льдом до двухсот сорока дней. Навигация в среднем течении длится около двухсот суток, в низовьях — только сто пятьдесят.

Что еще примечательного можно сообщить об Оби?

На ее берегах мы насчитаем не очень много — только двенадцать — городов, если начинать с Бийска. Их нетрудно перечислить: Барнаул (1730, 1771 — годы основания и получения городского статуса), Каменьна-Оби (1670, 1915), Бердск (1705, 1944), Новосибирск (1893, 1903); и по левобережной стороне — город Обь (бывшая железнодорожная станция — 1893, 1969), Колпашево (1605, 1938), Стрежевой (1965, 1978), Нижневартовск (1925, 1972), Сургут (1593, 1965), Салехард (1592, 1933), Лабитнанги (1900, 1975).

Есть еще один официально не обозначенный, но всемирно известный — Академгородок. Какая река может похвастать таким научным центром мирового значения! Правда, институтом сибирской гидрологии или охраны сибирских рек академцентр пока не обзавелся, но, надо полагать, это время не за горами. Как можно судить по годам получения городского статуса, города на Оби еще очень молодые, юные. Конечно, они очень стараются быть городами, но не у всех это хорошо получается. Одна столичная туристка, кажется, очень метко подметила, имея в виду, что бывают поселки городского типа:

— А это города сельского типа!

В защиту «сельских городков» скажу, что они очень зелены, очень уютны, по-особому как-то несуетны.

Хотелось бы сделать одно попутное географо-топонимическое замечание. Если на вопрос «Где живешь?» ваш собеседник ответит: «В Оби», вы наверняка удивитесь. Кто он — водяной, русалка, водоросль, рыба, раз живет в Оби?..

А как ему отвечать, если он действительно житель города Оби..

Мою гордость удовлетворяет, что в честь родной реки назвали город, но не думаю, что те, кто называл его так, «шибко» думали.

Город Обь довольно далеко от Оби, с рекой связан только фантазией первоназывателей. Вероятно, многие бывали в нем: всякий, кто прилетает в Толмачево, чтобы попасть в Новосибирск, должен непременно миновать этот маленький городок сельского типа.

Обь — тюменская река. Больше половины своей длины (даже не принимая во внимание губу) она протекает в Тюменской области, отметка на обской лощи между Томской и Тюменской областями — 1739-й километр. Здесь происходит и смена часовых поясов: на границе двух областей, стремясь вперед, Обь делает скачок... на два часа назад, попадает в тюменский часовой пояс. Между Стрежевым и Нижневартовском совершает регулярные рейсы скоростной теплоход «Заря-216». Стрежевской пассажир, в девять ноль-ноль сев на теплоход и пробыв в пути ровно два часа... в девять ноль-ноль же прибывает в Нижневартовск. Нижневартовцу везет меньше — выезжая утром, он поспекает в Стрежевой только к обеду в тринадцать ноль-ноль. Время на межпоясном отрезке — понятие относительное.

Начальная половина обской длины приходится на Алтайский край, Томскую и Новосибирскую области.

Над Обью я насчитал только десять мостов. Самый северный из них — в районе Сургута — железнодорожный, заполярной трассы Тюмень — Ямбург. Недалеко от устья Томи построен коммунальный автомобильный мост (один из них двухэтажный — автожелезнодорожный) — в Барнауле, еще один в Камне. Остальные пять — в Новосибирске, в том числе старейший — тот, которым гордился Н. М. Гарин-Михайловский. Он самый короткий — около восьмисот метров. А самый длинный — 2200-метровый метромост с эстакадами — введен недавно, в 1985 году. Хотел бы попутно высказать о нем свое мнение — проектировали его явно «слепые» специалисты, они почему-то посчитали, что от пассажирского метро необходимо закрыть вид на реку, сделали темный тоннель, занавесив пролеты ненужными металлическими шторами. Что руководило этими дизайнерами, какая техническая эстетика — нормальному человеку трудно представить. Вид с моста на Обь — она здесь очень симпатична, прихотливо петляет, образуя группу живописных островов, — наверняка давал бы горожанину пусть небольшой, но зато регулярный заряд бодрости.

«2-е марта. Станция «Обь».

Пишу тебе, дорогая мамочка, еще раз с дороги. Остановка здесь большая, делать нечего, и я решил приняться паки и паки за дорожное письмо — третье по счету... Я переехал сейчас на лошадях Обь и взял уже билет до Красноярска».

Не будем интриговать читателя, взглянем сразу на подпись под письмом — «Твой В. У.»

Расшифровываются инициалы просто — «Владимир Ульянов». В начале марта 1897 года ссыльный Владимир Ильич Ульянов продолжал свой путь в сибирскую ссылку, в далекое Шушенское. На три ссыльных года волгарю предстояло стать сибиряком.

Итак, Ленин на Оби. В музее Железнодорожного района в Новосибирске висит картина — «Ссыльный Владимир Ульянов переходит Обь». Одет молодой Ильич по-сибирски, в меховую шапку, валенки, впереди бежит лошадка в розвальнях, а ссыльный — бодро и с видимым удовольствием шагает пешком. На заднем плане строящийся железнодорожный — первый через Обь — мост. Участки Великой транссибирской железнодорожной магистрали тогда уже действовали, но мосты через крупные реки еще не были введены в строй, поэтому и пришлось 27-летнему ссыльному шагать через лед мартовской реки пешком.

Продолжим чтение письма «В. У.» матери Марии Александровне, ведь молодой Ульянов описывает сибирские впечатления.

«Переезд через Обь приходится делать на лошадях, потому что мост еще не готов окончательно, хотя уже возведен его остов. Ехать было нетрудно, — но без теплого (или, вернее, теплейшего) платья удалось обойтись только благодаря кратковременности переезда: менее часа. Если придется ехать на лошадях к месту назначения (а это, по всей вероятности, так и будет), то, разумеется, придется приобретать тулуп, валенки и даже, может быть, шапку (вот что значит набаловаться в России!). А на лошадях-то как же?»

Несмотря на дьявольскую медленность передвижения, я утомлен дорогой несравненно меньше, чем ожидал... Окрестности Западно-Сибирской дороги, которую я только что проехал всю (1300 верст от Челябинска до Кривошекова, трое суток), поразительно однообразны: голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редки деревни, из-

редка лес, а то все степь. Снег и небо — и так в течение всех трех дней. Дальше будет, говорят, сначала тайга, а потом, от Ачинска, горы. Зато воздух степной чрезвычайно хорош: дышится легко. Мороз крепкий: больше двадцати градусов, но переносится он несравненно легче, чем в России. Я бы не сказал, что здесь двадцать градусов. Сибиряки уверяют, что это благодаря «мягкости» воздуха, которая делает мороз гораздо легче переносимым. Весьма правдоподобно...

Поклон всем нашим. Твой В. У.» (ПСС, т. 55, стр. 23).

Назад из Сибири, через три года, весной тысяча девятисотого, Владимир Ильич возвращался уже поездом и Обь переезжал по железнодорожному мосту¹.

Не покажутся ли кому-то несущественными эти факты — ну, перешел пешком Обь молодой Владимир Ульянов, переехал по железнодорожному мосту...

Не знаю, кому как, но, когда я увидел музейную картину, разыскал в собрании ленинских сочинений письмо к матери, написанное на станции Обь, для меня как-то значительнее стала и сама река, на берегу которой родился, и сам Ленин — житейски, землячески, что ли, — ближе.

Среди сибиряков существует предание, что на будущей Михайловской улице будущего Новосибирска ссыльный Ульянов увидел на наличнике крестьянской избы вырезанные из дерева скрещенные крестьянский серп и рабочий молот.

— Это кто ж произвел такую умную красоту? — поинтересовался молодой Ильич у подвернувшегося жителя.

— Знамо кто — парод, — ответил сибиряк.

Трудно сказать, есть ли у этой легенды фактическая основа, но наверняка мог родиться в народной среде такой символ, и безымянный мастер-искусник украсил им свои окна. Но привлекает в легенде устойчивое желание утвердить, что замысел будущего советского герба родился не где-нибудь, а здесь, на берегах Оби.

Перед картиной «Ленин на Оби» я задумался: сибирская ссылка —

¹ Удобное место для этого моста у устья р. Каменки, как известно, нашел Н. Гарин-Михайловский. Проектировал мост Н. А. Белелюбский, строил с 1893-го по 1897 г. инженер А. Березин. Первый грузовой состав летом 1897 г. провел машинист Г. И. Заисовский. Позднее Георгий Иванович вспомнил, что до открытия моста, оканчивается, паровозы ходили по льду, по дороге-ледянке. В лед вмораживался хворост, на него укладывались длинные бревна, к ним пришивались железные рельсы. Ледянка выдерживала состав в 19 вагонов. Правда, тогдашние составы были легче нынешних.

проклятие этих мест — в последние предреволюционные годы сыграла для Сибири, пожалуй, перспективную роль.

Почему сразу в годы первых пятилеток советская власть решительно взялась за промышленное развитие Сибири? Думаю, не последнюю роль сыграло то, что первые руководители Советского государства прошли сибирскую школу ссылки, сибирские каторжные университеты. Они хорошо знали состояние сибирской экономики, ее жуткую реальность и блестящие возможности. Сибирская политэкономия «въедалась» в будущих народных комиссаров, как в годы сибирской ссылки въедались каторжные кандалы. Нет, не познав Сибири, вряд ли можно было столь конкретно-масштабно заниматься индустриализацией сибирского края. Сам Владимир Ильич один из инициаторов Карских товарообменных экспедиций, которые сыграли важную роль в промышленном пробуждении северных окраин Сибири. С Обью связаны судьбы Якова Михайловича Свердлова, Валериана Владимировича Куйбышева, Сергея Мироновича Кирова, Иосифа Виссарионовича Сталина, Виктора Павловича Ногина, Льва Давидовича Троцкого. Все они прошли через нарымскую ссылку.

...Знаете ли вы, что первый советский президент чуть не утонул в Оби? Да, для первого Председателя ЦИК РСФСР Якова Михайловича Свердлова один из побегов (а он бежал из ссылки пять раз) едва не закончился трагически.

«Обь бушевала. Волны набегали одна на другую, вздымая белые барашки пены. Свирепый ветер пронизывал до самых костей, леденял кровь. Трудно представить более скверную погоду для побега в лодке, но выбора не было, навигация кончалась. «Тюмень» шла в последний рейс».

У будущего президента был отчаянный характер. Обского ли шторма бояться «молодым штурманам будущей бури»!

Товарищ Андрей (подпольная кличка Свердлова) и его спутник по побегу Капитон Каплатадзе должны были на Оби встретить пароход «Тюмень», спрятаться в дровах и добраться до губернского центра — Томска.

Однако через три дня выяснилось, что на борту плавучего дровяника беглецы не объявились. Нарымские товарищи могли предположить единственное: обласок не выдержал обского шторма, беглецы утонули. Предположение оказалось близко к истине.

Вот что произошло в середине августа 1912 года на штормящей 39

реке, как это описывает Клавдия Тимофеевна Свердлова (Новгородцева), вероятнее всего, со слов своего мужа:

«Едва отъехав от Колпашева, Свердлов и Каплатадзе вступили в отчаянную борьбу с разбушевавшейся стихией. Они упорно пытались пробиться вверх по реке, к лесной пристани, но ветер и течение гнали обласок вниз. Целую ночь продолжалась эта неравная борьба. К утру беглецы совсем обессилели и поняли, что вверх по течению им не выгresti. Но вернуться назад, в Колпашево, отказаться от побега им и в голову не приходило.

Повернув обласок, Свердлов и Каплатадзе двинулись вниз по Оби, в сторону Парабели и Нарыма, решив по мере сил сопротивляться течению, плыть как можно медленнее и попытаться сесть на пароход, когда он их догонит. Яков Михайлович и Капитон понимали, с какими трудностями и опасностью связано их решение, но иного выхода не было. Им предстояло двое или трое суток продержаться в утлом суденышке на бушующих волнах, почти без пищи и без сна, не выпуская из рук весел. Приставать к берегу они не решались, не столько опасаясь погоня или диких зверей, встреча с которыми на пустынных, заросших тайгой берегах Оби была весьма вероятна, сколько боясь пропустить пароход...

Парохода они не дождались. Обские волны неудержимо гнали утлый обласок вниз по реке. Пошли вторые сутки, как беглецы покинули Колпашево, сил становилось все меньше. Но стоило хотя бы на пять—десять минут бросить весла, распрямить спину, как намокшая одежда под ледяным ветром примерзала к телу, руки и ноги сводила судорога. Приходилось грести и грести. А сил уже совсем не было. И вот неуверенное движение, беспомощный взмах весла — и утлое суденышко перевернулось. Беглецы очутились в ледяной воде.

Несмотря на невероятную усталость, на мокрую одежду, пудовым грузом тянущую ко дну, Яков Михайлович, может быть, и добрался бы до берега: ведь он был отличным пловцом, но, на беду, Капитон совершенно не умел плавать. Свердлову пришлось бороться и за его жизнь. Держась за обласок, Яков Михайлович из последних сил поддерживал ослабевшего Капитона. Гибель казалась неизбежной».

Но обласок перевернулся на виду деревни Парабель. Ожидавшие пароход рыбаки заметили это. На беду, у берега не оказалось ни одной лодки, только недоделанный подчалок. На нем рыбаки и поспешили на помощь.

«Минута была отчаянная. Свердлов и товарищ окоченели. Крестьяне не могли сразу притянуть их к берегу, так как лодку отбивало. В конце концов они все же были пригнаны к берегу. Крестьяне вывели их на землю. Потерпевшие не могли двигаться и лежали. Крестьяне сейчас же стали разводить огонь...»

Деревенский жандарм не замедлил с визитом.

Однако уже через два дня измученный, обессиленный Свердлов снова бежал, на этот раз более удачно, хотя через две недели его арестовали в Томске...

Да, при каждом удобном случае политссыльные старались бежать. В дебрях полицейских архивов позднее разыскали любопытный документ. Томский временный генерал-губернатор предлагал директору департамента полиции «посмотреть на карту губернии вообще, а Нарымского края в частности», чтобы убедиться, «почему и как бегут» невольные сибиряки.

«На севере Нарымский край соприкасается с Тобольской губернией, куда по течению Оби легко приплыть в самом углу остяцком челноке; многочисленность рукавов Оби, заросли и возможность всегда вовремя скрыться гарантируют легкую возможность перебраться в соседнюю губернию никем не замеченным. На восток, по системе рек Кети и Тыма, легко пробраться в Енисейскую губернию, откуда бежит более половины там водворенных. На запад, по системе Васюгана или по лесистому хребту, перерезывающему Тобольскую и Томскую губернии, можно совершенно удобно дойти до самого Омска; этот путь особенно удобен зимой на лыжах. Если к этому прибавить, что с открытием пароходства от Тюмени к Томску, Новониколаевску и Барнаулу направляется масса парусных барж и торговых пароходов, останавливающихся не у пристаней, а лишь у берегов, совершенно произвольно выбирая места причала, станет ясным, что и на юге имеется наличность всех данных для благополучного бегства».

На основании этого временный генерал-губернатор считал «своим служебным долгом» довести до начальства свое мнение о «невозможности дальнейшей ссылки в Нарымский край».

Любопытная «гуманность» — полицейская география не могла вписаться в естественное приволье обских просторов. Надо полагать, речная ширь была неудобна для жандармских наручников, а прихотливость обского потока была противопоказана прямолинейности полицейского сыска.

...Мы помним, что становление большой сибирской индустрии связано с именем Валериана Владимировича Куйбышева, который долгое время возглавлял Высший Совет народного хозяйства, потом Госплан страны.

А когда зарождались дерзкие мечты о преобразовании Сибири? Нарымский житель Григорий Пушкарев позднее вспоминал о невольном постояльце, который жил в доме его отца:

«В свободное время иногда Валерян Владимирович ходил с удочкой на озерный исток или помогал нам ставить сети на Коноплянном озере, учился ездить на обласке. Во время весеннего половодья почти весь Нарым заливается водой. У нашего дома тогда ставились простенькие мостки. Когда не помогали и мостки, жители от дома к дому перебирались по сараям, крытым пригонам для скота. Так же «ходил» и Валерян Владимирович. Он хорошо плавал и купался вплоть до самой шуги в Большой Протоке, недалеко от нашего дома».

Конечно, это — кажущаяся идиллия безмятежного существования политического ссыльного, каким запомнил его нарымский мальчишка. Революционная деятельность в дальних медвежьих углах не прекращалась, а дерзкая мысль большевика продолжала работу. Не случайно Куйбышев вместе со Свердловым организовал в Нарыме первую в Сибири партийную школу. Любая школа — это забота о будущем, предвидение его. Без всякого сомнения, в индустриальном повороте к бывшей российской «колонии» немалую роль сыграло именно то, что «капитаны» советской индустрии не понаслышке знали о Сибири, о ее сокровищах, которыми и начинали крепить советское могущество.

Объ видела Александра Радищева, через нее шел печальный путь декабристов, ссыльных польских повстанцев, народников, а в последние годы перед Великим Октябрем ее берега обживали социал-демократы, большевики-ленинцы. Но будущее Сибири намечалось именно в этих каторжных углах.

«ТАКОЙ ЕЗДЫ Я

НЕ ВИДЕЛ...»

«Вот и еще сто верст проехали. До Березова двое суток езды. 11-го (февраля) будем там. Сегодня порядком устал: в течение 9—10 часов непрерывной езды приходится ничего не есть. Едем все время Обью 42 или по рекам, по Обям, как выражаются иногда ямщики. Правый

берег — гористый, лесной. Левый низменный. Река широкая. Тепло и тихо. По обеим сторонам дороги торчат елочки: их втыкают в снег, чтобы обозначить путь. Везут большей частью остяки. Везут на парах и тройках, запряженных цугом, так как дорога чем дальше, тем уже и хуже».

Этот незамысловатый текст пролежал в советских спецхранах, как минимум, пятьдесят — шестьдесят лет, да и ныне опубликован в не особо официальном приложении к изданию Московской штаб-квартиры Международной ассоциации «Детектив и политик» — «Совершенно секретно».

Какие секреты в этих строках, написанных к тому же в 1907 году? Никаких.

Секрет в авторе: «по Обям» в феврале 1907 года двигался в дальнюю обдорскую ссылку председатель Петербургского Совета рабочих депутатов Лев Давыдович Троцкий. Все написанное этим пламенным публицистом, одним из вождей Октября и создателем революционной армии, подверглось сталинской опале, а по инерции не могло выбраться из спецхранов и позже. Шесть десятилетий мало кто интересовался северосибирской ссылкой личного врага Сталина.

Продолжим цитату. «Ямщик время от времени гикает неистовым голосом. Тогда лошади несутся вскачь («намашь», по-здешнему). Поднимается густая снежная пыль. Захватывает дыхание. Кошева насккивает на кошеву, лошадиная морда просовывается сзади около плеча и дышит тебе в лицо... Быстрая езда в Сибири — обычная и в известном смысле необходимая вещь, вызываемая огромными расстояниями. Но такой езды, как здесь, я не видел даже на Лене».

Троцкий не доехал до Обдорска, решив отбывать ссылку в Березове, таким образом поставив себя в ряд со знаменитыми березовскими опальными — светлейшим князем Меншиковым, канцлером Остерманом, князьями Долгорукими. Правда, неистовый атеист не отличался христианским смирением своих предшественников. У него не было намерений задерживаться здесь долго.

В современном Березове имеется неплохой краеведческий музей, официально он существует десять лет, но на общественных началах собирался куда дольше. (Кстати, сюда непременно завозят всех туристов, путешествующих по Оби.) Много здесь ценных раритетов, можно кое-что новое узнать о сподвижнике Петра Первого, о других знаменитых ссылных, в том числе и о большевиках — Викторе Ногине, Сергее Гусеве. Но о большевике Льве Троцком материалов нет, нет и хотя

бы скромного портретика. Впрочем... Настоящий историк, настоящий краевед никогда не подчиняется официальной конъюнктуре.

Смотрительница Наталья Серафимовна Филлипович подводит меня к фотографии на музейной стене. На фото — бравый солдатик лихой выправки.

— Это Кузьма Илларионович Коровин, спаситель Троцкого. По приезде в Березово Лев Давыдович был расквартирован именно к Коровину, они быстро стоворились, Кузьма вывез его за городок на лошади, а там председателя Петросовета уже ждала оленья нарта. На оленьих перекладных Троцкий через Ивдель выехал из Сибири.

Встреча с пламенным большевиком не прошла даром для Коровина. В 1917 году он член Совдепа. Именно за это, а также за былую дружбу с Троцким Кузьму Илларионовича в 1918 году арестовали сибирские белогвардейцы, вывезли на юг. Но участь многих совдеповцев миновала его, он вернулся в родной городок. После гражданской войны Козьм Ножки (такая странная партийная кличка была у Кузьмы) вызвали в Москву. Председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий зачислил К. И. Коровина в воинскую часть, полностью обмундировал, подарил именные часы и ружье. Но службы спаситель Троцкого не нес, вернулся в Березово, где и умер через два года. Борьбы с троцкизмом он не дождался...

Наталья Серафимовна бережно достает ветхий документ, прошедший все трагические перипетии времени. На бланке Председателя Реввоенсовета РСФСР, наркома по военным и морским делам от 1.10.1923 года удостоверение за номером 12380:

«Предъявитель сего Кузьма Илларионович Коровин (Козьм Ножки) — старый друг революционеров, оказавший им неоднократно крайне важные услуги в смысле побегов из ссылки и прочее. В частности, мой побег из Березова организовал тов. Коровин, который поплатился за это тюрьмой, а после, при белых, едва не поплатился и жизнью. Старший сын убит белыми во время гражданской войны. Прошу всех товарищей во внимание заслуг тов. Коровина перед революцией оказывать ему во всех необходимых случаях содействие. Л. Троцкий».

Жалуются музейная хранительница, что не получилось музею завладеть именным оружием Коровина, другими документами. До сих пор ни в одной книге не нашла она свидетельств, что Троцкому приходилось бывать в Березове. Многие из туристов и сегодня считают, что это местная завлекательная легенда...

в музее стенд о знаменитом березовском невольнике. Есть в этом рабочем поселке улица Коровина, возможно, появится и улица Троцкого. Один из вождей Октября (хорош он или плох — оценит история) пробыл в сибирском захолустье немного, всего три месяца. Мы помним суриковского «Меншикова в Березове». Эпохальная картина. Сибирь на ней только в заледенелом окошечке, но она — Сибирь, да еще какая! А ведь никто из правоверных соцреалистов что-то не рискнул на «Троцкого в Березове»...

Еще несколько «спецхрановских» строк. Троцкий — о самом крупном поселении на северной Оби:

«Мы встречали товарищей, живших в Обдорске. Все они очень хорошо отзываются об этом месте. Большое село. Свыше 1000 жителей. Двенадцать лавок. Дома городские. Много хороших квартир. Прекрасное гористое местоположение. Очень здоровый климат. Рабочие будут иметь заработок. Можно иметь уроки. Только сообщение затруднительно. Отрезанностью Обдорска от тобольского тракта и объясняется его относительная оживленность, так как он является самостоятельным центром для огромной местности.

Передвижение ссыльных по губернии весьма оживленное. Пароходы возят здесь политических бесплатно. Все настолько привыкли к этому, что крестьяне-извозчики говорят нам по поводу нашего назначения в Обдорск: «Ну, это не надолго — весной на пароходе назад приедете».

«РАДЕЛЬНИК

П Е Р Е С Е Л Е Н Ц Е В »

Желал бы я, чтоб в недра дорогие
Мой прах ты приняла, родимая земля.
Лежать в чужой земле, где люди все чужие,
Где чуждые кругом раскинулись поля,
Я не могу.

Строки сибирского поэта Иннокентия Омулевского бронзой выведены на могильном памятнике, что взобрался на высокий берег Барнаулки, малого притока Оби. И еще бронзовеют на черном мраморном фоне слова того, чей прах покоится под скромным обелиском:

«Если на заре своей истории Сибирь не видела радостных дней, то вера в ея лучшую будущность, вера в счастье и благоденствие, доступ-

ное всем народам, должна воодушевить и поддержать тех, кто отдал свои силы и труд на ее обновление».

Здесь, на речном крутояре, почти в центре современного Барнаула нашел последний покой и приют замечательнейший сибиряк, патриот и радетель Сибири, с кого по существу началось сибирское самосознание и самоосознание — Николай Михайлович Ядринцев. Он родился в Омске, жил в Тобольске, Томске, Тюмени, переезжал в Санкт-Петербург и Иркутск, но основная часть его жизни прошла в Западной Сибири. Может, поэтому он и приехал умирать на обские берега. Он написал остро-критический труд «Сибирь как колония» (понять и оценить который еще только предстоит), создал первую независимую сибирскую газету «Восточное обозрение», изучал быт сибирских инородцев, хлестал в газетных фельетонах сибирских держиморд и прожорливых купчиков-«кондратов». Он откопал легендарный Каракорум, исследовал Горный Алтай.

Но главное, что сделал этот чистый и прекрасодушный идеалист народнической закваски, — это то, что Сибирь начала осознавать себя как единая социально-культурная общность. Он стоял у истоков создания первого Сибирского университета, вся его жизнь подвижнически универсальна. Его деяния заслуживают отдельных исследований, а не мимолетных упоминаний, но и не упомянуть святое для сибиряков имя, не поклониться дорогой могиле было бы неверно. В нашей памяти чаще почему-то оседают герои войн, мученики и жертвы революций, воинственные первопокорители. Забывается светлый гений человечества, живущего чаще всего миром, а не войной и потрясениями, а творящий гений сибиряка вообще не воспет, не отмечен.

Такие мысли приходили мне в голову на церковном кладбище, на барнаульском крутояре, у бюста человека с целеустремленным, летящим лицом.

В трудах Ядринцева, его стихах, очерках и рассказах, я не отыскал строк, посвященных Оби. Может, они не написаны, может, не попались на глаза. Но в «Письмах сибиряка из Европы» есть примечательный пассаж. «Наши реки, — пишет путешествующий Ядринцев, — как реки пустынь, внушают священный ужас. Здесь нет еще населения, засеянные поля не спускаются к берегам; часто утесы преграждают путь; не только тоннели, но даже тропинки не прорезали гор. А между тем здесь есть красивейшие места и своя поэзия... Закипит ли когда жизнь в наших пустынях, прорежут ли когда тоннели Нарымский хребет и Алтай...

46 зазвучит ли веселая и счастливая песня здесь, как на Рейне, вместо

предсмертного крика пловцов, восстанут ли поэтические предания, явится ли поэт воплотить их?»

Полагаю, что в этих строках есть много и о не названной конкретно Оби. О впечатлении «священного ужаса», который производила сибирская богатырша на впечатлительного поэта, надо бы не забывать, хотя восприятие реки меняется во времени, вместе с ощущением окружающей действительности.

Я вспомнил Николая Ядринцева еще и потому, что в этой книжке пока не нашлось места рассказу о каторжниках, ссыльнопоселенцах, которые шли и ехали в Сибирь в поисках лучшей доли и жизни. Ядринцев написал книгу о сибирской каторге и ссылке, посвящал многочисленные газетные статьи проблеме переселенцев, был награжден Большой золотой медалью Русского географического общества за изучение переселенческого движения на Алтай, и мне хотелось бы с его помощью кратко рассказать о том, как шло заселение необъятной зауральской стороны. Тура, Тобол, Иртыш и Обь до постройки Транссибирской магистрали играли в этом великом заселении главенствующую роль.

Разные взгляды имел будущий — вольный и невольный — сибиряк на новое место жительства. В очерке «Из нравов поселенцев в Сибири» Ядринцев приводит колоритный диалог.

«— А живи здесь черт, а не мы! — отвечали бродяги. — Мы на поселенье не хотим сибирскому чалдону кланяться, чтоб он нас в свою соху впряг, на нас ездил; на приисках хуже каторги, в городе никакой подходящей наживы нет. Одним словом, проклятая сторона, немощная, необразованная и необтяпанная!

Изредка вступался разве честный, правдивый и добродушный седовласый поселенец.

— Что галдите-то, что мутите людей, язвы, непосидни! Сами сбегали, как собаки маетесь, других учите, прокаленный народ, отпетое отродье! Что хааете Сибирь? Сибирь страна богатая, хлеба в ней благодать, земля — благословение божье, удобрять не надо. Места слободные, лесу ли тебе надо, трав ли, зверя, рыбы, — бери без запрету, — божья пазуха. Что хаять!»

В Тюмени переселенцы садились на купеческие пароходы, чтобы добраться до Томска. Но многие семьи приглядывали удобные места по пути, оседали на тобольских, иртышских, обских берегах. Среди татарских аулов, остяцких стойбищ появлялись рубленые избы русских деревень, и весело сбегали к речной воде зеленые лоскутки полей ржи, овса, пшеницы. Мечтой многих поселенцев было «золотое дно» Сибири —

алтайские степи, хлебодородные, хлебодарные места, чьи черноземы не уступали украинским. Новый импульс заселению Сибири придала столыпинская реформа, которая поощряла и стимулировала сибирское хлебопашество. Именно в годы после первой революции и взошла крестьянская слава Сибири, где вызревала крепкая пшеница, выбивалось лучшее масло России. У сибирского льна, пеньки, шерсти в те времена появились необъятные экспортные возможности. Сибирь достойно выходила на лучшие рынки мира.

Но путь к счастливой сибирской доле был тяжел, нередко трагичен — тысячи безымянных могил на этом крестном крестьянском пути. Особенно страшна оказалась трагедия голодного 1891 года.

Воспоминания об этих событиях оставил молодой соратник Ядринцева, литератор и статистик Дмитрий Головачев.

«Утомленный и надломленный жизнью с ее неудачами и разочарованиями, последние свои часы Ядринцев недомогал физически и нравственно. Поседевший, осунувшийся, жалуясь на старость и нездоровье, лишенный постоянного живого дела, от которого судьба столь жестоко оторвала его, он казался «лишним» человеком в большом и шумном Петербурге, всеми оставленный и забытый».

Но весной 1891 года, узнав о страшном голоде среди переселенцев Тобольской губернии, Ядринцев преобразился. «Я его не узнал, — продолжает Головачев, — куда девался его старческий вид?»

В Петербурге Ядринцев сформировал санитарный — как бы мы сейчас сказали — студенческий отряд: будущие доктора, молодые врачи и юные фельдшерицы под его руководством, субсидированные известными миллионерами Сибиряковыми, устремились в район бедствия. Ядринцев сообщал в письмах из Тюмени, что видит «полную беспомощность, полную апатию чиновничества, беспорядки в попечительствах, отданных в руки попов, отсутствие всякой организации и трудность устроить ее без земства, жалобы населения, нужду, поголовное бегство из округов крестьянства, заколоченные дома и к этому хаос ссылки (в голодные округа прислано 4 тысячи ссыльных), движение полуголодных, бегущих из Тюмени от эпидемий, скопление их на перевозках до 2 тысяч и смертность их по 150 в месяц, до 20 гробов в день. Все это производило страшное впечатление. А именно в этом округе и не было помощи и людей».

Ядринцев метался по проселкам от деревни до деревни между Тюменью, Ишимом, Тобольском, Ялуторовском, сумел вовремя отправить с тюменской пристани четыре парохода с переселенцами в Томск, где обстановка была поспокойнее, воевал с очумевшими от равноду-

ших чиновниками, устраивал общественные столовые, образцовые бараки, полевые амбулатории, как мог, стремился облегчить страдания голодающих и больных. Из голодной глуши он телеграфировал в столицу, писал в либеральные газеты, призывая русскую общественность откликнуться на страдания сибиряков.

Но энергии даже такого человека не хватало — слишком велик оказался масштаб переселенческой драмы. «Никогда не забыть огромного поля, — вспоминает очевидец, — где тысячи мужчин и женщин, взрослых и детей под жгучими лучами солнца, под проливными дождями неделями и месяцами жили табором, не имея возможности двинуться далее». Разразившаяся эпидемия холеры довершила трагедию. Из шести ядринцевских медиков четверо валялись в тифозном бреду, самого Николая Михайловича подкосила дизентерия. Но он не бросал начатого дела.

Именно в те страшные дни в Люблинской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии появился поселок Ядринцевский. Николай Михайлович нашел удобный участок для переселенцев из Тамбовской губернии, помог устроиться землепашцам, организовал школу для крестьянских детей. Когда в 1894 году газеты сообщили о смерти «радельника переселенцев», как называли Ядринцева, крестьяне Ядринцевского поселка отслужили панихиду по своему «отцу», регулярно отмечали годовщину смерти, повесили в деревенской школе портрет Николая Михайловича.

Благодарная народная память — награда неутомимому энтузиасту и «радельнику».

ТРАГЕДИИ

С И Б И Р И

Видела ли река на своем веку более страшное, чем «баржи смерти»? Да, Обь приняла участие в великой трагедии России — в гражданской войне, в ее спокойные воды пролилась небывалая кровь.

Сибирский правитель адмирал Колчак, занимавшийся до революции исследованиями в Северном Ледовитом океане, употребил благоприобретенные арктические знания, чтобы использовать Обь как канал для выкачивания сибирских богатств. В сентябре 1919 года караван белых подошел к бухте Находка в Обской губе. Здесь его поджидали

корабли специальной английской товарообменной экспедиции, снаряженной предпринимателем Армистедом. В Ливерпуль уплывала сибирская пушнина, прославленное алтайское масло, оленин шкуры, шерсть, льняное семя.

Полярный мореплавателъ Колчак превратил вольную реку — впервые в ее истории — в дорогу каторги, неволи и гибели. С тех печальных времен остались в народной памяти знаменитые «баржи смерти».

По реке поплыли плавучие тюрьмы. Кровью обагрились и воды, и берега Оби.

В редакцию «Известий ВЦИК» из Сибири был доставлен страшный документ — перехваченный рапорт колчаковских врачей, проводивших ревизию тюрем на воде. Гарнизонный врач г. Томска Н. М. Кононов и его коллеги свидетельствовали: «Всем баржам присуще полное отсутствие света, удушливо-зловонный воздух, чрезмерная грязь, сырость; полы, нары и лестницы во многих местах покрыты испражнениями, во всех баржах трехэтажные нары, чрезмерно грязные, с массой ползающих насекомых; все население в грязной рваной одежде и белье, полном вшей; всюду больные тифом, дизентерией, цингой, язвой. На барже № 4 сброшено в кучу 200 трупов, сильно разлагающихся. На барже «Волхов» среди тяжелобольных 6 трупов... На одной барже обнаружена куча с лохмотьями. При разборе оказалось много трупов, уже сильно разложившихся».

«Дезинфекцию» колчаковские палачи проводили быстро и оперативно: топили баржи. Часто баржи затапливались с еще живыми людьми...

Тобольская городская газета сообщала: «В с. Самаровском среди белого дня, в долине, неподалеку от села, из баржи вывели 30 человек и расстреляли. Отсюда началось. Расстреливали каждый день по 10—20 человек».

Колчаковский министр внутренних дел В. Пепеляев отдал приказ о наведении «строгoго порядка». Расторопные офицеры четко исполняли министерскую задумку: баржи, загруженные в Тюмени и Тобольске арестованными красногвардейцами, коммунистами, сочувствующими советской власти, в Томск приходили уже «чистыми». Ночью пароходы и баржи останавливались у пустынных берегов Иртыша и Оби, заключенных выводили на берег, по 10—15 человек и, предварительно заставив рыть общую могилу, расстреливали. Убивали арестованных и на корме баржи. О могилах в этом случае каратели не беспокоились. Тысячи

50 трупов плыли по реке. Такого кровавого потока великая Обь не знала.

Спокойные воды реки — памятник всем погибшим. Присядем на ее берегу, отрешимся от повседневной суеты, помянем всех, кому эти воды стали последним пристанищем, кто отдал жизнь за дело вечной справедливости. Вряд ли забыла река, и мы не должны забыть.

Река — живая нить нашей многострадальной истории — соединяет века и времена.

Помнят берега и иные печальные события...

Газета «Правда» не так давно опубликовала страшное письмо. Кочегар из села Кривошеино Г. Волоткович пишет: «В 1979 году в г. Колпашеве Томской области на обрывистом берегу Оби, где находилась в тридцатые-сороковые годы старая милиция, нашли человеческие черепа. В каждом из них были пулевые отверстия. За долгие годы река подточила берег и обнажила захоронение. Это была огромная яма. Здесь расстреливали «врагов народа». Убитых поливали специальным раствором, чтобы трупы не разлагались. Местные власти решили избавиться от захоронения. Подогнали мощные теплоходы, оцепили берег солдатами и милицией и на глазах колпашевцев вымыли трупы в реку. И понесло косточки по матушке Оби...»

Сколько таких же трагедий происходило и в других приобских местах! И. Сталин, сам побывавший в ссылке в Нарыме, считал, что лучшего места, чем болота Среднего Приобья, для своих политических оппонентов не придумать. Здесь расстреливали «врагов народа». Здесь сотнями, тысячами гибли «спецпереселенцы» — брошенные на произвол судьбы раскулаченные крестьяне.

Темна вода в реке, мрачен ее поток.

Как уже упоминал, я насчитал десять мостов через Обь, но она может похвастать еще одним — необычайным. И это еще один мост в трагическое прошлое Сибири.

Обский Север после второй мировой войны волей «отца народов» и его первого подручного Лаврентия Берии стал огромной тюрьмой: десятки лагерей разместились и на обских берегах, и в укромных уголках полярной тайги и тундры. Заключенные строители тянули железнодорожную магистраль на восток, к Игарке, Норильску. В эти годы быстро вырос поселок на обском правобережье — Лабытнанги, сейчас конечная станция Северной железной дороги, крупный узел, железнодорожные ворота нефтегазового Ямала. Но в конце сороковых годов никто не считал, что Лабытнанги станут конечной станцией, «невольные» железнодорожные строители переправлялись на левый берег Оби и стремительными темпами двигались к Игарке. Рельсы добежали до станции

Надым — на 320 километров от обских берегов. Между Надымом и Игаркой было отсыпано еще четыреста километров земляного полотна. Летом, в пору навигации, два железнодорожных отрезка (кстати, они почти тютелька в тютельку совпадали с символической чертой Полярного круга) соединял специальный железнодорожный паром «Надым». Но в этих широтах лето куда короче зимы. На долгую полярную зиму «обский разрыв» серьезно затруднял подвозку необходимых при сооружении магистрали грузов. Полуторки и двухтонки марки АМО выручали стройку слабо. Но, видимо, в приобских лагерях сидело немало головастых, мозговитых спецов. Хотя молва приписывает идею «ледянки» главному инженеру строительства Чхеидзе, но от многих ветеранов этой стройки я слышал, что настоящие авторы из-за колючей проволоки не могли рассчитывать на публичное признание своего проекта.

Решено было устроить не земляную насыпь, а специальную трассовую наледь. В большие морозы мощными брандспойтами ее намывали, намораживали слоями, закрепляли бревнами, арматурили крепями. В наледь вморозили лежневку, на нее положили шпалы и, как положено, состыковали рельсы. Дорога была готова. Теоретические прикидки заключенных математиков показывали, что расчетный вес состава «ледянка» выдержит. Расчеты расчетами, но подо льдом течет река, живая вода, и, что у нее на уме, ни один математик не догадается. Требовался смельчак. Среди вольнонаемных машинистов такового не оказалось.

Документальных свидетельств на этот счет пока не найдено. Я пересказываю одну из легенд, слышанную мною в конце шестидесятых годов, — после консервации «мертвой дороги» прошло не так много лет.

О затруднениях железнодорожного начальства узнал бывший машинист, отбывавший свою «десятилетку» за то, что в конце войны контуженным попал в плен. Он поставил единственное условие начальству:

— На том берегу — вольная.

Делать нечего — всемогущее лагерное начальство вынуждено было смириться с неслыханным нахальством.

Зэк немного потренировался на берегу, припоминая давние навыки, и сел в кабину локомотива, открыв дверцы. Люди на том и другом берегу замерли. Осторожно, словно на ощупь, состав тронулся. Пройдя сотню метров, остановился. Кто-то из нетерпеливого начальства бросился к локомотиву. Но тот тихонько тронулся снова, начал набирать ход. С середины реки раздался тревожный рев гудка. Локомотив начал притормаживать, вагоны сжались, но тут он начал набирать скорость.

В действиях машиниста скрывалось нечто тревожное, и все, замерев, наблюдали за драматическими маневрами. На салехардском берегу, где тогда ютилось небольшое селение Корчаги, состав остановился. Машинист, устало утирая пот со лба, вылез из локомотива, бледный. Начальство поторопилось выдать ему приготовленные для воли документы.

И только кто-то из бывалых машинистов, стоявших в толпе, буркнул про себя:

— Актер.

И второму, и третьему, и пятому, и десятому смельчаку лагерное начальство выписывало «вольные». И каждый рейс проходил, казалось, на последней стадии риска. Только потом выяснилось, какие актерские маневры проводил первый машинист: он понял, что «ледянка» надежна, никакой опасности нет, можно провести состав лихо, с блеском, заработав высокопоставленные ордены. Но он вовремя догадался, что ему, понятно, выпишут документы: энкавэдэшное начальство любило игры «казню — милую», но это будет последняя «вольная». И контуженый машинист сыграл драматический переезд, создавая впечатление, что езда по «ледянке» — игра со смертью.

Необычная дорога через Обь — эстафета свободы. Наверное, это только легенда, но в ней — извечная вера в человеческое благородство.

«Ледянка» действовала пять зим, до 1954 года. Может, позднее, привыкнув к ней, наледь стали делать небрежнее, и езда стала действительно опасной. Вот какую запись откопал в своем блокноте старейший тюменский писатель, в ту пору репортер областной молодежи Евгений Ананьев.

«7 февраля 1954 года очередной железнодорожный состав — старенький паровоз «овечка» и несколько товарных вагонов — опустился на обский лед. Рейс был самый обычный, состав шел с небольшой скоростью, привычно вздрагивая на стыках рельсов. Машинист, высунувшись из окошка, уже явственно видел приближавшийся берег. Вдруг светлое небо прожег тревожный сигнал ракеты. Машинист метнулся взглядом к зеркальцу на борту паровоза. Позади состава темнела вода. Что случилось в те минуты на реке? Может быть, подводные теплые потоки промыли лед? Или просто сказалась «усталость материала»? Разбираться было некогда — за паровозом крошилось непрочное полотно. Угрожающая бездонность черной воды, готовой в любую секунду поглотить весь состав, холодила сердце. Решали секунды. Пар — на максимум! Скорость — на максимум! Паровоз мчался, словно собрав

последние силы. Под ним со стеклянной хрупкостью лопался лед, но машина успевала проскочить опасное место. Когда бежали последние вагоны, рельсы уже провисали в реку и тяжелые блины колес, казалось, перекатывались по воде. С каждой сотней метров бешеной гонки все больше колесных пар купалось в стылой Оби. Вот-вот вода подберется к паровозу. Двадцать метров... Пятнадцать... Десять... Берег!»

Это был последний рейс по «ледянке». Странительство «великого сталинского пути» законсервировали, дорога стала мертвой, надолго, если не навечно.

...Кто наблюдал, кто провожал закаты над Обью, никогда не забудет, если не глух эстетически, этого неповторимого, великолепного зрелища! Тяжелая, прощальная кровь позднего заката как будто льется в реку, и в последних лучах солнца тяжело и кроваво отсвечивает темная вода. Суровый пейзаж так торжествен, так величав, столь красочен и экспрессивен, что — посреди этой красоты — о крови людской попросту не подумаешь, не вспомнишь. Но, может, поздняя вода напоминает нам, что, протекая через историю, она не могла не напитаться этим закатным пламенем человеческих трагедий?

ПО ВОЛНАМ

ПАМЯТИ

— В честь сыновей он называл пассажирские пароходы — «Илья», «Владимир», а вот в честь дочки назвал буксир — «Елена».

— Не случайно, — с чуть заметной ироничной улыбкой вставляет Клавдия Ивановна, — мужчина — это прогулочный пароход, а женщина — вечный буксир жизни, даже прекрасная Елена.

Мои собеседники вспоминают влиятельного томского пароходовладельца Фуксмана: именно его чадолюбие выражалось в названиях принадлежащих ему пароходов и буксиров.

Собеседники называют друг друга — Клава, Коля. Но Клаве — восемьдесят пять лет (в этом возрасте уже не скрывают года), а ее младшему брату Коле — только семьдесят девять.

На старости лет они собрались проехаться по реке своего детства, по рабочей реке отца.

54 Клавдия Ивановна из Сибири уехала давно, девчонкой — долго

жила и работала в Алма-Ате. В сорокалетнем возрасте записалась доброволькой на войну, добившись приема у генерала Панфилова. В легендарной панфиловской дивизии служила старшим писарем оперативного отдела и даже ехала с прославленным генералом в автомобиле, когда осколок разорвавшейся мины поразил его в сердце.

Младший брат Николай живет в Новосибирске, недавно он перевез одинокую сестру поближе к родной реке.

Их отец Иван Лукич Шмонин был механиком. Дети с такой почтительностью, с такой непреходящей гордостью рассказывали о нем, что меня заинтересовала его личность. Как бывает? Мы чаще всего стараемся рассказать о ком-то особо выдающемся. Иван же Лукич простой механик, но ведь погоду на реке делали и делают не только влиятельные пароходовладельцы и знаменитые капитаны, а прежде всего мастеровитые, умелые рабочие. Сколько этих Иванов добывали славу обскому судоходству! Так что перескажу то, что мне поведали Клава и Коля о своем отце.

Иван Лукич, когда жили они в Томске, ходил механиком на моторных катерах: тогда нынешняя обыденка — нефтяные двигатели — была еще исключительной редкостью. Первое отцовское судно, которое вспомнили дети, — «Тамара» капитана Елизарова. Небольшой экипаж загружал свой катерок порохом, дробью, китайским (из Кяхты) чаем, непременно — спиртом и спускался к устью Васюгана, на берегах которого живописно смотрелись остяцкие становища. Весь «городской» товар выменивался на остяцкие меха. Елизаров поначалу служил у того самого чадолюбивого Фуксмана, но, видимо, товарообменные рейсы оказались для него удачными, он разжился, от Фуксмана ушел, обзавелся собственной «Тамарой» (кстати, тоже в честь дочери названной), расширил сферу деятельности, быстро приобрел влияние. «Тамара» добиралась даже до Обдорска, где можно было выторговать дорогого, но даже по тем временам уже редкого соболя.

В 1913 году Ивана Лукича пригласил к себе оптовый торговец немец Гортогстанг. Прямо из Берлина ему на двух платформах привезли в Томск в разобранном виде речную яхту «Чайка». Шмонин с сопровождающим инструктором Карлом Карлычем «Чайку» собрали. Она имела новейший шестицилиндровый двигатель системы «Гарниз» и могла развивать небывалую скорость — двадцать пять километров в час. Все свои сделки оптовик Гортогстанг обделывал на яхте — вывозил на Обь гостей-купцов. На этих прогулках предлагалось все: рыбалка — охота — выпивка — кутеж.

Но пользовался выгодной «Чайкой» немец только две навигации — в 1914 году его, немецкого подданного, губернатор попросил собрать вещи и убраться за пределы империи. Иван Лукич остался без работы, потому что прекрасную, удобно-выгодную «Чайку» тут же, не торгуясь, за бешеные по тем временам деньги — четырнадцать тысяч — приобрел богатый мельник из города Камень-на-Оби, некто Винокуров.

— И,— тут голос Клавдии Ивановны млел от фамильного восторга,— Винокуров оказался в дурачках. «Чайку»-то он приобрел, а водить ее никто не мог.

Не оказалось во всей тогдашней Сибири механика, который бы разобрался во всех немецких тонкостях ее механизма. На всю Сибирь он один, Шмонин Иван Лукич. А Иван Лукич обиделся — мастеровой человек, золотые руки, свою честь имел. Его ведь, что называется, выбросили за борт жизни, на биржу труда спровадили. Как не обидеться! Он, конечно, без работы не остался бы, таких людей трудно по миру пустить, но что из себя толстопузый мельник корчит, почему сразу не взял, побрезговал?

Да к тому же в Томске у Ивана Лукича давняя рабочая слава, детки в училище пристроены, жена дома на машинке для модного магазина мужские сорочки строчит. Зачем ему вместо «сибирских Афин» алтайская провинция, пыльный, степной Камень!

Заставил простой механик гордого купца ломать шапку. Полтысячи рублей выложил Винокуров за шмонинское согласие на переезд, оклад в шестьдесят рублей положил, дом казенный трехкомнатный выделил, в белую баню была звана механикова семья. Только после всех этих завлекательных посулов — исключительно в интересах семьи — дал Шмонин свое согласие.

Знал толк в рекламе и мельник Винокуров — на шикарной «Чайке» даже столичные оптовики быстрее сбавляли цены.

Судьба сложилась так, что после революции пути Ивана Лукича и «Чайки» разошлись, и уже никто, кроме него, не смог вывести бело-снежную яхту на обский простор.

Вот вам и «незаменимых людей не бывает»!

А кто он был — простой «чиф» — так фамильярно зовут механиков. Простой чиф — большого умения человек.

Напротив старинного приобского села Коломино у туристического теплохода, на котором совершают свой круиз «возвращение в детство»

Сколько «охов» у Клавдии Ивановны (Николай-то Иванович, как всякий мужчина, человек сдержанный). В Коломино их семья некоторое время жила в самом начале века — Иван Лукич работал здесь механиком на маслобойке. (Коломенское масло, как и все сибирское, славилось на весь мир — ведь здесь коровки, как пчелки, медовые травы щиплют.)

Привел в неопишуемое удивление Клавдию Ивановну обычный остров у противоположного берега. Оказывается, восемьдесят лет назад никакого острова здесь не было.

— Даже намек! — умилялась Клавдия Ивановна. — Чистый берег. А сейчас — островище! Кудрявый какой, как парнишечка, ивняком зарос. Джунгли, да и только.

Чему удивляться? За восемь десятков лет много воды утекло в Оби. Река «катает» острова — какие-то «осередыши» постоянно сходят на нет, но вдруг неожиданно всплывают чуть дальше по течению — или сбоку, или нарождаются на новом месте.

Река — наверное, самый точный и яркий символ нашей быстро текущей и постоянно меняющейся жизни. Она показывает нам наглядно, как созидающий поток времени лепит новый облик нашей земли.

Конечно, я мог бы и не встретить двух стареньких туристов и ничего бы не узнал о простом и редком механике Иване Шмонине. Но... сводит река.

И мне захотелось рассказать именно о нем, нечаянном герое, не предусмотренном канвой моего путешествия. Нечаянные встречи прекрасны, как нечаянна радость нашей жизни. Симпатичные люди, с которыми мы непредсказуемо встречаемся, свидетельствуют о единственном — их в нашей жизни много, они есть, были и будут всегда.

«НА РЕКЕ

НАВИГАЦИЯ...

Как называют прибрежного жителя Оби? Да никак. Хорошо там, где есть традиция. Какое, к примеру, упруго-живое слово — волгарь! А кто у нас — обец, обарь? Очень уж неблагозвучно, плохо. Но если есть большое сообщество людей, которые поколениями обживают обские берега, то должен быть и термин. За неимением другого назовем их, может быть, не особо красиво, но достаточно точно — обичане.

Задавался ли кто-то из обичан простеньким вопросом: когда по Оби 57

пошел первый пассажирский пароход? Когда вообще по ней прошли пароходы?

Когда это началось — век назад, два?

Не правда ли, мы перестаем замечать привычное и нам кажется, что так было всегда. Трудно представить величавую Обь без белоснежных, горделивых, каких-то торжественных пассажирских судов — настоящего украшения реки.

Я удивился, наверное, вместе с вами, когда, задавшись этим вопросом, узнал, что еще и века не прошло с тех пор, когда на Оби появился первый пассажирский пароход. Оказывается, только в 1892 году барнаульская купчиха Е. И. Мельникова заказала действовавшему тогда в Тюмени заводу Пирса и Гуллета небольшой пассажирский пароход. Назвали первенца «Кормильцем». Пассажирские места двух первых классов находились в корпусной части, и только третий класс пароходная купчиха вынесла в корму надстройки. Двадцатого июня 1893 года «Кормилец» двинулся из Тюмени рейсом в Томск — открыл первую пассажирскую навигацию на Оби. Рейс в одну сторону продолжался двадцать семь суток.

Вообще же первый пароход — грузовой буксир — пошел по Оби в том же году, что и на Волге. Главная река России и главная река Сибири одновременно открыли новую, пароходную страницу в истории своего освоения.

На Обь должен был выйти пароход с подобающим именем — «Основатель». Но знатоки помнят, что летопись обского судоходства открывает пароход «Основа». В чем дело? А в том, что монахи в ту пору, а случилось это в 1838 году, не считали большим грехом невоздержанность в питии. Основатель обского пароходства, тюменский купец второй гильдии Наум Тюфин, пригласил для оформления парового первенца монаха-живописца. Веселый монах, как гласит легенда, от торжественного поручения zelo возликовал, основательно приложился и с энтузиазмом начал выписывать на колесном кружале название парохода. Но маляр в рясе действовал с таким размахом, что четыре буквы у него на кружало попросту не влезли, и вместо мужского «Основателя» получилась женская «Основа». Наум Тюфин наверняка погоревал, но переделывать не стал. Основа — без кавычек — сибирского пароходства была заложена.

Речные историки сохранили описание родоначальника речного флота Оби: «Пароход имел плохую остойчивость (был валкий). Для придания лучшей остойчивости у колес кружал были сделаны деревянные

плавники (бревна). Ручной штурвал установлен прямо на палубе и имел горизонтальное колесо... Никакой штурвальной рубки не было».

К сибирской гордости следует добавить, что обский первенец на двадцать номинальных сил — почти вдвое! — был мощнее волжской пионерки — тридцатисильной «Выксы».

Первое коммерческое пароходство на Оби создано в Тюмени в 1842 году — счет идет с того времени, когда коммерции советник Никита Федорович Мясников обзавелся «высочайше дарованной привилегией на десять лет учреждения пароходства по судоходным рекам Сибири». Тюфин продал Мясникову свою валкую «Основу».

Как же путешествовали тогда по Оби на пароходах?

Ответ на этот вопрос можно найти, скажем, в «Тобольских губернских ведомостях» за 1883 год. Один из незадачливых пассажиров корреспондировал в газету.

«Пароход битком набит пассажирами разных полов, возрастов и званий, тут чиновники, мещане, поселенцы, военные чины. Теснота и давка. Холодный северный ветер с дождем пронизывал всех насквозь, искры от паровой трубы обжигали головы и руки пассажиров. В десять часов вечера была поставлена бутылка из-под зельтерской воды с вставленным в нее сальным огарком — это освещение ночного парохода».

Да, удручающая картина. Но сто лет назад по Оби плавали — в качестве пассажиров — в основном арестанты, переселенцы и новобранцы.

Характерный анекдот тех сибирских времен:

— Слушайте: соловей!

— Помилуйте, какой здесь соловей? Разве что ссыльный...

В канун века нынешнего, в 1899 году на пассажирскую линию вышел первый «американец» — двухпалубный пассажирский пароход американского типа — «Евгений». Он стал прообразом нынешних пассажирских теплоходов и имел на второй палубе каюты первых классов, ресторан, музыкальный салон. Владельцем «Евгения» был пароходчик Эльдештейн, а построили «американца» в Тюмени на все том же заводе Пирса и Гуллета — знаменитейшей сибирской верфи того времени.

Самым мощным на Оби — сто сорок номинальных сил — долгое время считался пароход «Сибиряк». Он оказался и самым большим речным долгожителем: выйдя на линию в 1860 году, закончил свой славный путь уже в советское время, в 1942-м, получив, правда, другое, вполне подобающее имя — «Дедушка». Чуть-чуть уступил ему в долго-

жительстве «Дельфин», который с 1869 года держался до 1947-го. Возможно, кто-то из старых обичан помнит пароход «Щетинкин» — такое имя получил «Дельфин» после революции.

История обского флота помнит и появление первого «иностранца» на реке. В конце 1853 года в Тюмень в разобранном виде доставили изготовленный в Бельгии на заводе Кокерля и К^о мощный пароход. Когда он был подготовлен к навигации, на его бортах сияло гордое имя «Ермак». Чужеземный «Ермак» начал осваивать обскую линию: сначала добрался до Томска, а в 1855 году первым дошел из Тюмени до Барнаула. Но путь «иностранца» оказался коротким и не особо славным: вахтенный помощник капитана умудрился посадить судно... на собственный якорь. Громадная пробоина увлекла «Ермака» на дно — корабль повторил судьбу легендарного атамана, чье имя носил на борту... Может, потому, что это была первая пароходная авария в бассейне, имя незадачливого помощника капитана осталось в анналах сибирского судоходства — Обрезов.

В освоении Нижней Оби в дореволюционное время главную роль сыграло пароходство тобольского промышленника Михаила Даниловича Плотникова. Пароходы его компании на линию Тобольск — Обдорск вышли в 1864 году, фирма эта просуществовала до национализации речного флота в 1918 году. Основной конкурент — тобольский первой гильдии купец Иван Николаевич Корнилов — свернул собственное дело чуть раньше, в 1912 году, войдя на паях в тогдашний крупнейший речной концерн «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли».

Не буду утомлять читателя цифрами, но к началу нашего века Обь наблюдала настоящий пароходный ренессанс.

Отдадим должное разворотливым пароходчикам — они умели завлекать клиентов.

«Легко-пассажирское пароходство Г. И. Фуксман, — обещала реклама, — в навигацию 1913 г. будет совершать правильные рейсы, два раза в неделю пассажирскими пароходами между Томском, Новониколаевском, Камнем, Барнаулом, Усть-Чарышской пристанью и Бийском. На всех пароходах много отдельных кают I, II, III классов. Учащимся и взявшим билеты туда и обратно скидка 20 %. Груз принимается на доставку до всех попутных пристаней».

Как-то мне попал в руки изящный, карманного формата справочник-дорожник «Иртыш — Обь». На красной коленкоровой обложке было броско выведено: «Бесплатно». Такие дорожники выпускало для своих пассажиров «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торгов-

ли». Этот речной концерн дореволюционного времени объединил три крупных товарищества, два торговых дома и Русско-Китайское акционерное общество. В распоряжении фирмы имелось 25 товаро-пассажирских пароходов, 24 буксира, 120 барж, паузков и дебаркадеров. Основной капитал пароходства составлял без малого 4,5 миллиона рублей оборотных средств.

Обские монополисты держали четкий ориентир на волжский сервис. «На пассажирских пароходах отделка классных помещений,— сообщила реклама «Товарищества»,— по образцам лучших волжских пароходов и первоклассный буфет. Все пароходы освещаются электричеством, и классные помещения на них отапливаются паром... салоны, пинаино, ванны и библиотеки».

Пользоваться пароходным шиком, естественно, могли только состоятельные пассажиры.

В начале двадцатого века на линию Тобольск — Самарово — Обдорск вышли специальные почтовые пароходы.

О том, чем был пароход в те времена, красноречиво писал автор «Очерков Обдорского края» Виктор Бартнев:

«Прибытие первого парохода составляет целое событие. Особенно эффектно, когда пароход подходит в темную осеннюю ночь. (Первые пароходы в конце прошлого века в Обдорск приходили не раньше 29 августа, а уже через неделю торопились назад.— А. О.) Толпа забытых обитателей тундры напряженно ждет. На яру томится публика, многие с биноклями, все напряженно смотрят на светлую полосу Оби, не покажется ли дымок из трубы. В это время обдоряне напоминают каких-то Робинзонов, ожидающих на своем острове, не покажется ли европейское судно. Вот раздается свисток. Читатель, не бывавший на Крайнем Севере, никогда не представит себе того впечатления, которое производит свисток парохода под Северным полярным кругом».

УКРОЩЕНИЕ

СТРОПТИВОЙ

Почти у самой плотины ГЭС, здесь, где начинается Обское море, прямо с бульварного парапета можно увидеть в чистой, почти прозрачной воде плавающих рыб. Они как-то неестественно прямы, их острые спины торчат из воды. Рыбы делают попытки уйти в глубину, но — тщетно, 61

что-то их не пускает, и они прямолинейно, не живо-естественно, а геометрически четко чертят свой путь на поверхности воды. Сначала это занимает, забавляет, как все новое, невиданное, потом появляется чувство неосознанной тревоги, начинаешь понимать, что столкнулся не просто с обычным фактом, а с какой-то непонятной драмой, рыбьей трагедией. Оказывается, лещи заразились какой-то дрянью, рыба не может погрузиться на глубину, не может найти корма, истощается, теряет силы, ее прибывает к берегу, она гибнет. Нахальные чайки и те боятся клевать ее.

Мое знакомство с Новосибирской ГЭС началось с этой жутковатой картинки, я запомнил ее крепче, чем что-либо другое, и, хотя мой рассказ пойдет не о загубленной рыбе, все же картинка эта постоянно вспоминается. Сдается, что «ничто на земле не проходит бесследно», и вот этой рыбьей пропастиной напоминает о себе затопленная Обским морем, загубленная земля...

У спокойной реки в общем-то нрав не очень покорный. Сколько застав-плотин понастроено, к примеру, на ее соседу Енисее, а Обь укрощена только однажды. Обь счастливо избежала участи Енисея, который, перегороженный плотинами, разлившийся широченными морями, потерял первоначальный строго речной облик.

Но, рассказывая об Оби, как миновать ее единственную плотину, единственную ее гидроэлектростанцию!

Вот что я заметил за собой — как ни странно, интересовало меня не поведение человека, строившего ГЭС, а поведение реки. Не хочу сказать, что за время долгого путешествия она стала для меня живым существом, но, по крайней мере, не осталась и просто потоком воды. Наверное, это наивно, но я наделил реку характером и при всяком удобном случае искал черты этого, конечно же, противоречивого характера.

А здесь такой замечательный повод: покорение, укрощение реки. Ситуация нестандартная, и, разумеется, река должна была показать свой норов. Излишне говорить, что я переживал за свою героиню, понятно, мне хотелось, чтобы характер ее был гордым, независимым, достойным ее несомненного величия.

Вы знаете, есть русские женщины, спокойные почти до невозмутимости. Они крупны, величавы и... спокойны, но до поры до времени. Представится случай, и мы увидим такой взрыв эмоций, страстей, горячего темперамента, что невольно подивитесь: право, да она ли это?

«Есть женщины,— писал поэт,— в русских селеньях с покойною

Вот таким характером — спокойной важности — наделил я Обь.

Как же она поведет себя в момент, когда ее начинают укрощать?

В Новосибирске я отыскал человека, который был свидетелем перекрытия реки. Найти его нетрудно: это директор-инженер (вот такая должность) Новосибирской гидроэлектростанции Юрий Николаевич Авраменко. Он уже 21 год возглавляет инженерную службу ГЭС, тринадцать лет — директор. В свое время — семь лет — был мэром знаменитого Академгородка, а начинал свою обскую службу прорабом гидромонтажа.

Весной 1950 года в приобской деревушке Нижние Чемы появились первые палатки гидростроителей и первый самодельный плакат: «Мы покорим тебя, Обь!»

Великая сибирячка, спокойно неся свои воды, глядя на жалкие палатки, наверняка думала: ой ли?

Но люди из палаток серьезно взялись за дело. И, кажется, времени на промедление у них не оставалось. Столица Сибири — Новосибирск — бедствовал без энергии, его мощные заводы трудились в очередь, сидя на голодном энергопайке, дожидаясь скудной порции. Электрификация Транссибирской железнодорожной магистрали выдыхалась.

Каскад обских гидроэлектростанций, кроме Новосибирской, включал в себя Каменскую (в верхнем течении реки) и Нижнеобскую — мощностью в двадцать мегаватт. Как известно, построена только одна ГЭС. О Нижнеобской, слава богу, забыто, о Каменской дебаты пока продолжают — алтайцы считают, что водохранилище этой ГЭС помогло бы решить проблемы орошения кулундинских степей.

Так или иначе, Обь покорена только однажды.

Для укрощения был выбран октябрь — время осеннего маловодья. Но, казалось, и река готовилась к этому событию. К назначенному гидростроителями сроку зарядили незапланированные затяжные дожди, вода в берегах начала заметно прибывать. А в день перекрытия и вовсе поднялся ураганный ветер. Река забушевала. Но резерва времени гидростроители не имели и откладывать перекрытие не решились.

С левого берега плотину сыпали пионерным способом, наращивая каменный банкет. Инженерная задумка предполагала также режевый мост-переход, с которого плотину сыпали уже на середине реки. Проран под самым мостом засыпали уже перед перекрытием.

На левом берегу все шло по плану. А с правого берега предполагалось сыпать грунт-камень с понтонов. И вот на понтонах неукрошен-

ная Обь и решила проявить свой обманчиво невозмутимый характер. Крепящие прочные канаты совместными усилиями шторма и урагана порвало, как перенатянутые струны, понтоны понесло вниз по течению, по пути било о камни, дырявило. В разверстые пробойны хлынула вода. Все понтоны затонули на глазах ошарашенных гидростроителей. Часть ушла под воду, другие уродливыми наростами топорщились из белопенной бушующей воды метрах в ста ниже будущей плотины. Запаса понтонов у гидростроителей не имелось. К аварии не готовились. Теперь сто пятьдесят метров несостоявшейся плотины-насыпи лежали на обском дне.

Что делать?

Речники ответили: могут подогнуть новые понтоны только дня через три. Гидростроителям ничего не оставалось, как и с правого берега идти с нарастающей насыпью, пионерным способом. В сибирской практике это делалось впервые. Не было опыта ошибок. Здесь, на Оби, и нарабатывался такой, не всегда гладкий опыт.

Да, вместе с понтонами в Оби утонули и надежды на быстрое перекрытие реки. Выставленные в ряд понтоны должны были предоставить самосвалам равномерный фронт работ: машина могла останавливаться на любом участке и сыпать бут. Узкая дамба этой возможности лишала: самосвалам приходилось становиться в очередь. Это затянуло перекрытие на целую непогодную неделю — самосвальные очереди выстраивались на целые километры.

Обь не хотела покоряться! Нет, не хотела. Не хотела терять свободы, желая течь так, как текла тысячи, сотни тысяч лет. Стремясь к океану, она сама меняла русло, уходила в протоки, оставляла-забывала старницы, убегала вбок, петляла, но это были ее собственные прихотливые капризы. А тут человек решил поставить преграду! Она бушевала, тащила, как легонькие спички, пяти-семитонные глыбы бетона, армированные железобетонные «ерши». Валуны и камни она метала, как легкие камешки, мелкий этот бисер человеческого бессилия скрывался в яростной неустойчивой волне. Но неустанно и неостановимо шли нагруженные «МАЗы», и очередная семитонная «спичка» летела в беснующийся проран.

Самое страшное река подготовила тогда, когда между дамбами с правого и левого берега остался мелкий зазор, какие-то пустяковые десять метров. Казалось, в этой узкой горловине река хотела показать, продемонстрировать всю свою яростную мощь! Нет, она не хотела покориться неучтивому человеку, хотела побороться с механизированным

грубым насилием. Некоторые бетонные глыбы не успевали долетать до воды — яростный поток отшвыривал их.

Бросать камни бесполезно. Нужно создать спокойную воду. Но как? Штаб стройки собрался ночью, здесь же, почти на краю дамбы-банка. Вид беснующейся воды заставлял работать аварийно-оперативно.

Ответственность на себя решили взять гидромонтажники.

Прораб Авраменко предложил:

— Между краями дамбы перекинем железную балку-поперечину. За балкой создастся спокойная зона, — объяснил он, — туда можно сбрасывать грунт и расширять зону захвата.

— Но как сбросить поперечину?

Здесь же совместной «мозговой атакой» разработали схему кранового автосброса.

Единоборство с рекой продолжалось. И человек не собирався поддаться напору стихии.

На край насыпной дамбы гидромонтажники подогнали тридцатитонный — по тем временам самый могучий — кран «Шкода». Автосброс для него был сварен за несколько часов. Стрела нависла над бурным прораном; четкое движение прораба Авраменко, и семиметровой длины балка легла меж кромок прорана. Балка приняла часть водного напора на себя. Над ней забушевал семиметровый водопад — вероятнее всего, первый и единственный на спокойной Оби. Но за стальной плотиной образовалась относительно спокойная вода, и можно было сыпать камень. Самосвальная очередь вновь оживилась.

Но — очередной сюрприз. В борьбе с непокорной рекой был израсходован почти весь запас крупных и тяжелых блоков. Рабочие и здесь отыскали выход — нашлась металлическая сетка, из нее стали варить стальные «авоськи». Эти «авоськи» загружали каменной россыпью и валили в проран. Валуны армировали железными прутьями, варили «гирлянды». Необычные контейнеры плотно ложились на дно. Водопад утих. Вскоре берега дамбы соединились, вода спокойно заплескалась у нового берега.

Всякий, кто принимал участие в этой операции, мог с полным правом сказать то, что было написано на самодельном транспаранте:

— Мы покорили тебя, Обь!

На старой фотографии я вижу счастливые лица, полные тем почти любовным счастьем, которое редко выпадает в жизни человека.

Они могли гордиться делом своих рук — по праву.

Сегодня мы с опаской, с осторожностью относимся к упругому слову: покорение. Мы учимся не покорять, а осваивать.

Но давайте — с высоты нашего времени — не будем обижать тех, кто выходил выполнять те задачи, которые ставило тогдашнее время, кто выходил покорять и — покорял.

Так, десятого ноября 1956 года, через пять дней после того, как было перекрыто ее русло, Обь впервые заработала на сибирскую энергетику — был запущен первый агрегат ГЭС. Последний, седьмой агрегат заработал в августе 1961 года. Котловина Обского моря заполнилась весной 1957 года. Тогда Новосибирская ГЭС — ее мощность 455 мегаватт — входила в первую пятерку гидроэлектростанций Союза, сегодня замыкает первую двадцатку — из 372 ГЭС, работающих в стране.

За годы своего существования Обь на своей единственной ГЭС выработала пятьдесят миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

Сегодня к гидроэлектростанциям мы относимся без былого пиетета, видим не только их достоинства, но и существенные, прежде всего экологические, недостатки. Я все вспоминаю тех геометрически-прямолинейных, обреченных лещей...

Но, наверное, неразумно и зачеркивать все то, что сделано в гидроэнергетике Сибири. Та же Новосибирская ГЭС обеспечила две спокойные пятилетки Новосибирску, была закончена электрификация Транссибирского железнодорожного пути. Сегодня ГЭС покрывает треть энергетических потребностей области.

Энергетики уходят в горы. В Западной Сибири их прежде всего привлекает Алтай. Конечно, за прошедшие годы политика Минэнерго существенно изменилась: сегодня бы, пожалуй, никто Новосибирскую ГЭС в нынешнем ее виде строить не стал. В середине пятидесятых годов обращали внимание на одни проблемы и забывали о других.

Как-то специалисты Академгородка задались целью посчитать ущерб, который принесла ГЭС. Обское море «съело» почти четыре тысячи квадратных километров замечательных среднесибирских черноземов. Он немал, этот косвенный ущерб, — включает в себя неполученное зерно с этих самых черноземов, неполученные корма с заливных лугов, загубленные сосняки, урон рыбному промысловому хозяйству. Ученые насчитали: ни много ни мало — двести сорок миллионов рублей за двадцать пять лет существования ГЭС.

Но спешить с выводами о вреде гидроэлектростанций на равнинных реках, наверное, не стоит. ГЭС окупала все затраты на строительство уже через десять лет, а сегодня пятикратно окупала их и принес-

ла чистой прибыли почти полмиллиарда рублей. Кроме сугубо промышленных и экономических эффектов есть и побочные, но не менее существенные. Например, ГЭС помогла зарегулировать сток Оби, речные суда получили гарантированные глубины. Сегодняшнее поколение речников уже и забыло про долгую очередь у семафоров на обских перекатах. Да и то, что Обь с мелких суденышек перешла на крупный тоннаж — своего рода речная революция, — тоже произошло не без влияния ГЭС и ее способности регулировать водный сток. Без ГЭС Обь на три весенних месяца, практически до начала большой навигации, пропускала семьдесят процентов своих вод, а на весь навигационный период оставались маломощные тридцать процентов. ГЭС ликвидировала эти природные перепады, сегодня вода в реку поступает регулярно. Обское море, это отмечают климатологи, заметно смягчило климат. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что на берегах рукотворного моря созданы пляжи, базы и зоны отдыха сибиряков.

Море и своего рода биологический отстойник. Сегодня новосибирцы имеют в водопроводе воду такой чистоты, о которой не могли и мечтать тридцать лет назад.

Академик Андрей Трофимук, возглавлявший комиссию, которая сравнила плюсы и минусы Новосибирской ГЭС, гидроэнергетикам сказал:

— Работайте спокойно. Вы свой хлеб не зря едите.

Это взвешенный ответ тем, кто старается во всем видеть только минусы.

Наверное, человек устроен странно — современный человек. Ему хочется, чтобы вся природа оставалась в нетронутой целостности и естественной сохранности, но в то же время чтобы электричество подавалось постоянно. А энергию мы можем брать только у природы, в чем-то преобразуя ее, нарушая ее целостно сложившийся облик. Если все оставить по-старому, жизнь не сделать удобнее, комфортнее. Все наши удобства — за счет природы, больше нам брать неоткуда.

Но вот разумность сооружения мощных электростанций на верхней Катуне внушает сомнение. Система водохранилищ может разбудить «кртутного дьявола», до поры прячущегося в алтайских недрах, и отравить не только Катунь, но и Обь вплоть до Новосибирска. Что немедленно требуется верхней Катуне, так это стопроцентное заповедание ее лесных берегов. Пиратствующие лесопромышленники оголяют берега обских истоков, а ведь Горный Алтай — это почти две трети западно-сибирского водного стока...

Течет река, течет жизнь... Иногда, стараясь предотвратить изменение привычного, мы утешаемся иллюзией, что приостановили течение жизни. Но это только иллюзии. Мудрость не в них. Мудрость в единственном — в разумности меры.

КАПИТАНСКАЯ

ВАХТА

Глухое время — ночь с двенадцати до четырех.
Воспаленные огоньки бакенов движутся навстречу.

Старый бакен на Оби
Философствовать любил,
Помечтать любил он
В ветреную ночь,
Что однажды уплывет,
Как заправский пароход,
Чтоб старой бакенщице Марфе
Отыскать было невмочь...

Припозднившиеся молодые туристы на кормовой палубе терзают гитару, ведут речитатив в интеллектуально-простонародной манере.

Старый бакен на Оби,
Не скучай и не скорби.
Непроглядна эта ночь —
Хоть глаз коли!
Красным глазом воспаленным
Ты помигивай бессонно,
Чтоб спокойно шли во мраке корабли.

Красный, зеленый. Зеленый, красный. Двухцветная гамма речной ночной дороги. И зеленые огоньки подсвеченных приборов в ходовой рубке...

Глухой урочный час — время капитанской вахты. Новичку, наверное, трудноваты ночные перегрузки, но Романыч на реке уж тридцать пять навигаций.

Из речного мрака выплывает приглушенный «букет» ходовых огней встречного судна, явственно потрескивает селектор. Юрий Романович снимает трубку.

— Теплоход «Михаил Калинин». Следуем в Новосибирск из Салехарда. Пройдем правым бортом.

— Привет, Романыч,— фамильярно откликается селектор.— По расписанию бежишь?

— У меня на борту туристы.

Теплоходы сблизятся, пройдут рядом. Был бы день — гуднули. А сейчас — тихая темнота, зачем ее пугать, традиционное речное приветствие — только по селектору.

Вместе с капитаном ночную вахту несет третий штурман... длинноволосая стройная Наташа. В джинсах, с русалочьим лицом, как бы припухлым от безмятежно-долгого и счастливого сна.

Романыч отправляет ее в штурманскую оформлять неизбежные бумаги.

— Женщина на борту...— начинаю я разговор.

— Давешние предрассудки, мужской снобизм,— Романыч не поддерживает сюжета разговора.— На судне женщина давно хозяйка, и хозяйка хорошая. Та же Наташа. Пришла на теплоход проводницей, экстерном выучилась на рулевого, закончила речное училище. Девчонки тогда еще не принимали, в группе была одна. Вон какая настырная. Если человек добивается, почему ему препятствия чинить?

Бывалый обский капитан Юрий Романович Русаков на жизнь смотрит здраво. Я думаю, тут и спокойная река, с которой он судьбу связал, свою роль играет: не любит она пижонов и ломак. За три с половиной десятилетия много довелось повидать Романычу. На реке раньше построже было — каждая пристань с вокзалом, чтобы туда попасть — надо входной перронный билет купить, чинная публика по перрону гуляла. Сошли матросы на берег — тельняшечка, белая форменка, фуражка с «крабом» и убийственно-залихватский вид — праздник для берегового прекрасного пола. Каждый пацан рвался в речники — мир посмотреть, себя показать, заработать, отовариться на дальних берегах.

Ах, эти давние провинциальные пристани! Клубы встреч и разлук, молодого вечернего паломничества. С пристани чаще всего начинались и большие сибирские судьбы — река вводила в жизнь.

Но речной поток стремительно пошел на убыль.

У капитана Русакова был небольшой перерыв — он директорствовал в речном ПТУ. Набрать в училище хороших ребят нынче трудно, сюда идет сплошной «отсев» — те, кто не попал в более «серьезные» заведения. Что тому причиной? Изменилось отношение к реке, появились более престижные профессии. А работа матроса остается хлопотной, а заработки давно не растут. Да, наверное, и сама прагматичная нынешняя молодежь подрастеряла романтики. У речфлота кадровых

профессионалов растаскивает многочисленный ведомственный флот. Бережет себя человек — уходит на ведомственную шаланду, там ответственности поменьше, флотской дисциплины никакой, а заработок если не втрое, то вдвое побольше. Всякий ли перед ведомственным соблазном устоит?

— Жалко, речное офицерство теряем,— сетует Русаков.— Не бережем. Кто на мои заработки разбежится? Простой матрос, даже уборщица, если у нее «совмещенка», получает больше. А ведь авторитет и с заработка начинается. А нет авторитетного капитана — нет экипажа, нет корабля.

Ночной час располагает к откровенности. Наверное, мог бы Романыч завести капитанский «треп» о речных приключениях, о романтике дальних странствий, удариться в ностальгию по былому, но, наверное, хочется говорить о том, что болит. Ведь действительно сегодня в речники чуть ли не ссылают (как раньше — на каторжные галеры?). Прощтрафившиеся, условно освобожденные, «химики» серьезно размывают былую кадровую основу, рабочий костяк. Печально все это.

Скупы выплывают из кромешной сентябрьской тьмы дрожащие огоньки судоходных маяков.

— Небезопасно ночью-то? — перевожу разговор на другую тему.

— Почему? — возражает Романыч.— Если сейчас кто умудрится напороться на мель — исключительно по собственной беспечности. Обстановка на реке нормальная.

— Движение оживленнее стало, больше шансов не разойтись.

— Транзит ходит грамотно, а вот ведомственная мелюзга действительно мешает — азбуки ходовой не знают. Стал у руля — и уже капитан.— В тоне Русакова проскальзывает неуважение профессионала к дилетантам.— Опасностей поубавилось. Раньше между Новосибирском и Томском, где основной ходовой «живун», гарантированные глубины были метр шестьдесят, а сейчас — два пятьдесят. Какой тут риск на мель усесться? Раньше ведь и семафоры на реке стояли. По полсуток приходилось в очереди ждать, пока пропускал встречных. Сейчас земснаряды фарватер роют. Раньше капитаны больше интуицией брали, нынешние больше автоматике обязаны.

Многие обские капитаны с доброй тоской вспоминают конец шестидесятых — начало семидесятых годов, время нефтеперевозочного «бума». Пошла тюменская нефть, трубопроводы еще не построили, и всех сибирских речников мобилизовали на перевозку «черного золота».

70 Танкеров потребовалось много, их сгоняли на Обь со всех бассейнов,

особенно с Волги, переделывали под нефтевозы мало-мальски пригодные суда.

— Голые деньги,— вспоминает Юрий Романович, который в ту пору капитанил на танкере-двухтысячнике и тоже впрягся в большие нефтяные гонки.— Прямо фарт нефтяной. Пароходство стригло купоны. Все боролись за скоростные перевозки, ведь «быстрая» тонна стояла знатно. Заработки пошли отличные. Трубопроводы на этом фарте поставили крест. А ведь у речного начальства голова пошла кругом от бешеных прибылей — думали, что поток нефтерублей не кончится.

Слушаешь неторопливую речь ночного капитана в час его вахты и думаешь: рассказывает он о своей жизни, о своей биографии, но, наверное, и об истории обского флота, и все это — разнообразная жизнь реки.

Глубокий и глухой ночной час рождает какую-то восторженную и радостную тревогу, чувство единения с природой. В этот час приходит понимание, что, наверное, есть какая-то иная жизнь, иная, что ли, форма жизни. Например, жизнь этого, казалось бы, неодушевленного водного потока. Потому что ничто в природе, наверное, не придумывается зря, а наполнено каким-то вечным и, может быть, не всегда (или не всякому человеку) доступным высшим смыслом. Потому что должен же, обязательно должен быть во всем этом высший смысл! Все сущее на земле отмечено его знаком. Не бессмысленно же блесит на сентябрьском небе глубокая мерцающая звезда. Не бессмысленно течет эта вода. На миг смутная строчка огоньков, обозначающих ночную реку, представляется ориентиром иного, неподвластного нашему пониманию мира. И хотя сознаешь, что вся эта ночная мистика — только мгновенное настроение, все же хочется верить, что это колдует ночная стихия, колдует, волхвует, навевает свои мысли, берет в свой полон.

Днем река проста и понятна. Ночью она обязана быть таинственной и сокровенной. Почему влюбленных так тянет на берег темной реки? Может, под плеск воды внятнее беседуют души?

В такую пору воспоминания легки.

Ночь. Река. И долгий песок.
Не расскажут ничего без утайки.
Но приткнулся у берега смирный обласок,
Дождаясь гордой хозяйки.
На песке осыпавшийся след
Ее и ее пассажира...
Миновало, как помнится, много лет...
Не вчера ли все это было?

Нынче на Оби уже и не встретишь легконосого обласка.

Грусть
И легкая тоска,
Как след
Забытого обласка...

Нынче Романыч отпраздновал свое пятидесятилетие. Вся жизнь его на реке — что здесь скажешь!

«Михаил Калинин» последние навигации плавает в аренде у бюро экскурсий и путешествий. Туристских теплоходов нынче на реке, пожалуй, побольше, чем пассажирских. Торопящийся человек садится на «Ракету», на «Метеор». Спасение тихоходных теплоходов — комфорт и неторопящийся человек. Поэтому речфлот и поворачивается лицом к туристу.

Хочешь не хочешь, капитан сегодня — главный организатор речного сервиса. На «Калинине» работают с выдумкой. Туристов будит... петух. Он долго и с деревенской неторопливостью кукарекает, потом подключаются куры — кудахтанье, как будто по реке плывет большой курятник. Это судовая радистка придумала такую радиопобудку, сама разыскала голосистых петухов и разговорчивых кур, записала «артистов» на пленку. Начиная с оригинальной побудки, день экипажа заполнен не только флотскими, но и туристскими заботами. И концерты ставят, и спортивные состязания на берегу проводят, на равных соревнуются с веселыми и находчивыми пассажирами — честно отработывают сервисный рубль.

Разноплеменный пассажир в туристском рейсе — учительница-таджичка из Душанбе, спокойный латыш — фотограф из Вентспилса, шофер из Новосибирска, стареющая актриса из Ленинграда.

Торговца из Фрунзе не удручает однообразие берегов Среднего Приобья.

— Сколько воды! — не устает удивляться он. — День едешь — вода, два — вода, три — вода... Девять дней ехали — все вода. Такие реки только в Сибири, наверное, где еще? У нас таких рек нет. Мечта дехканина!

Его, наверное, утешает сама мысль, что такие реки в стране есть и они не позволят оставить без воды его родные места, если когда-то придется чрезвычайно туго...

Новосибирский шофер признавался:

— Я уже третий раз туристом по реке. А что? Чистый воздух реч-

ной, никакой скуки санаторной, новые места повидал. Да еще клюквой на зиму запасся.

Его простой рассказ навел меня на такую же простую мысль: мы мало обращаем внимания на то, что река, речной простор — вещь целебная, великая река — великое лекарство, она лечит чистым воздухом и простором.

Теплоходам, пожалуй, не грозит постепенное исчезновение. Если и отречется от них спешащий пассажир, то наверняка поплывут по реке неторопливые плавучие пансионаты, тихходные санатории, а может, и плавучие ателье художников, писательские лаборатории, творческие мастерские. Разве целительный простор не рождает вдохновения?

...Ровной тяжести темнота начинает тускнеть. Темнота как бы оседает на берегах, а текущая вода, борясь с ней, разгоняет ее, и меж темных берегов — светлеющая полоса. Предутренняя река — поток света, первого света после глухой ночи.

На трапе, ведущем в ходовую рубку, раздаются гулкие утренние шаги. Романыча идут сменять. Капитанская вахта окончена.

МОГОЧИНСКИЙ

БОР

Я родился на низком, заливном берегу Оби и должен признаться: пожалуй, существует особое мировоззрение жителя низменного берега такой великой реки, как Обь. Оно рождает, во-первых, уважительное отношение к речной силе, ведь вешний поток — настоящая стихия. Не думаю, что подобное ощущение пронесит по жизни житель высокого берега, который на реку привык легкомысленно посматривать сверху. Думаю, у жителя заливного берега более осторожное отношение к жизни, постоянная готовность к неожиданностям — река подспудно приучила.

Наверное, это особый мир — психология человека, родившегося на берегу реки. Я себя чувствую, например, стесненно, душевно некомфортно, надолго оказавшись в местах, где нет реки. В моем сознании прочно укоренилось: река должна течь, течь вперед, и, конечно же, на Север.

Когда меня обвиняют в комплексе неполноценности, объясняю это просто:

— Я родился на заливной стороне.

В мире речного человека можно обнаружить немало интересного, жаль, что психологи до сих пор не собрались проанализировать интересный феномен.

Пусть читатель простит авторскую нескромность, но все же мне бы хотелось рассказать о родном Могочине, невеликом и не особо примечательном рабочем поселке на луговом берегу Оби. Впрочем, имеются две извинительные причины: наверное, это вполне типичный приречный поселок, и уже поэтому он заслуживает рассказа, а во-вторых, такой дамбы, как здесь, наверное, нет не только на Оби, но, пожалуй, и во всей Сибири, по крайней мере, мне не приходилось встречать подобную в своих путешествиях по великим сибирским рекам.

Мальчишкой впервые попал я в пионерский лагерь — он расположился в прекрасной березовой роще на противоположном высоком берегу Оби. Был июнь — месяц большой воды. Переехав реку на пароме, взобравшись на кручу, я испуганно вскрикнул — издали и сверху родное Могочино виделось маленьким, хрупким блюдечком в безмерном океане необъятной воды.

В утреннем тумане — с утра я выбегал к лагерной изгороди — казалось, что блюдечко качается и вот-вот зачерпнет из этого грозного, опасного океана. Но постепенно вода отступила от ненадежных кромок блюдечка. Вот тогда я ясно, четко ощутил, что такое дамба — надежное творение человеческих рук.

Отец и мать перед каждой большой водой поминали прежние, «дамбовские» наводнения. Даже по накалу воспоминаний нетрудно было представить — страха эти бушующие паводки наводили на годы вперед. «Дикая Венеция» — вот что представляло собой незащищенное Могочино весной. В память врезался и пожелтевший давний снимок — по главной поселковой улице плывут лодки, мужики в них гребут почему-то стоя, а заводская контора непоправимо завалилась набок — вода размыла фундамент. В центре поселка до сих пор сохранилась яма — мальчишками мы так и не смогли достать ее дна. Эта яма появилась в самое свирепое наводнение 1937 года: дом, стоявший здесь, бешеная вода слизнула, да еще выкрутила такую воронку, что яма среди ребятишек, обожающих все непознанное, пользовалась репутацией «бездонной».

Вот от таких напастей огораживались дамбой могочинцы. До сих пор поражает мое воображение то, что возводили дамбу сугубо вручную. «Малая механизация» — лошадка, а в основном — тачки, лопаты, носилки. Мобилизовано было все население. После рабочей смены вы-

ходили взрослые мужчины, трудились домохозяйки, помогали дети. Сколько уж грунта вбухано в ту дамбу, никто не собрался подсчитать, но с 1938 года Могочино большую воду встречает спокойно.

Дамбу подсыпают — щебенкой, древесным опилом, песком. Ведь Обь не смирилась, пыталась прорваться (особенно опасно — в паводок 1941 года), но у нее уже не получилось. Хотя авралы приходилось объявлять, заделывать «слабины» в особо критические моменты.

Под защиту дамбы не попали две улицы. Но что удивительно — жители с «острова» уезжать не торопились. По весне дома там заливало, вода за протокой задерживалась иногда на весь июнь, «островитяне» с запозданием садили огороды, но что-то притягивало их к месту. Уже давно могли бы перебраться «в дамбу», но мирились, привыкли, что ли. Наверное, рыбаки-охотники особо заядлой породы. С годами, правда, на «острове» за протокой остался всего один дом — с рыбалкой стало строго, видно, это и разогнало «островитян».

Пожалуй, немножко нужно сказать о Могочинском лесозаводе — это не самое заурядное предприятие на Оби, как-никак детище первой пятилетки, когда таежная провинция обзаводилась собственным рабочим классом. Завод основан в 1925 году, а уже в следующую навигацию на судах Карской товарообменной экспедиции он отправил в Германию и Англию первые партии экспортного леса, преимущественно — сибирского кедра. Нынче завод по-прежнему экспортирует древесину, но в более скромных масштабах; она идет в страны СЭВ, Иран, Японию. Пик деятельности завода пришелся на начало шестидесятых годов — на четырех биржах пилили под четыреста тысяч кубов пиломатериалов, сейчас объем распиловки постепенно снижается.

Моя старая мать Татьяна Кузьминична хорошо помнит довоенные времена. Жили бедно, большой роскошью считалась простая фуфайчонка. Купить новую — почти праздник, примеривались могочинские женщины к ней, как нынешние модницы к дорогим шубам, потому что бралась эта фуфайка не на один год. В бараках селились по несколько семей. Семейные мужики старались отделиться, сами строили «насыпушки». Только после войны в Могочине пошли основательные пятистенки. Строились сами, это сейчас завод строит для своих рабочих. Раньше в «казенную» квартиру идти считалось непристойным, там селились только временные люди, всяческие вербованные и другие «перекати-поле». Основательный могочинец предпочитал жить в собственном, чаще всего собственноручно построенном доме.

Материн отец Кузьма Маркович Крапивников переселился в Си- 75

бирь сразу после революции. Отселился — земли в родной Белоруссии уже не хватало, а у него одних сыновей пятеро. Белорусские переселенцы были ошеломлены, ошарашены сибирским обилием пашенных земель. Их привезли в старинное село Коломино. Дед с моими дядьями и другими родственниками начал обживать Коломинские Гривы — живописную возвышенность на противоположном берегу от Могочина. Пахал, бортничал, столярничал. Пасека его славилась — медоносные угодья здесь знатные. Взрослые сыновья организовали первый в этих местах колхоз «Прогресс». Все они ушли на фронт, и четверо из них — Григорий, Никифор, Андрей, Николай — полегли в далеких битвах за этот привольный, богатый край.

Ну, а мать встретила бойкого, задиристого парня с Могочинского лесозавода, который к тому времени уже поработал и в Комсомольске-на-Амуре, и на Беломорканале. Здесь, в Могочине, мой отец осел на всю жизнь, здесь он и похоронен, на заливной стороне.

...Одно открытие я сделал совсем недавно. Вообще-то, конечно, в детстве я слышал, что где-то на нашей стороне есть бор. Но мне всегда думалось, что он очень далеко, за многие десятки километров. (Может быть, километры ребенка длиннее, чем у взрослого человека?) Я даже не представлял, что у вешней Оби на нашей стороне есть берег — она всегда разливалась, как море, а ведь берег моря часто как бы подразумевается. Не так ли?

Этот стереотип столь прочно засел в детской головенке, что у меня даже и мысли не было — посмотреть могочинский бор. Когда-нибудь, потом... Но потом было недосуг.

А оказалось, что бор почти рядом, всего в десяти километрах от родного поселка, правда, по другую сторону от тех мест, где ребята с нашей улицы проводила вольное время. Оказывается, настоящая сибирская тайга рядом, и на нашем заливном берегу. Ведь и место для лесозавода выбрали здесь потому, что рядом была тайга. Это потом лесозавод начали подпитывать лесосеки по Чулыму, а начиналось-то отсюда.

Красивый бор! Удивительно — настоящая тайга. Конечно, чувствуется, что пионеры могочинской лесопилки поработали основательно, но ведь уже десятки лет минули, как здесь не раздавался топор индустриального дровосека. Сосны высоки и раскидисты, темные ели насуплены; кедр, правда, и пихта попадаются нечасто.

На музейном снимке, который изображал лесопильщиков в тайге, меня насторожил человек с ружьем.

— А этот охотник зачем? — спросил я мать.

— А это не охотник, — ответила она. — В тайгу группами ходили, и всегда их вооруженный сторож сопровождал. Медведи здесь тогда пошаливали, волки водились.

А я всегда считал, что на заливную сторону солидное зверье не навевается. Но ведь это же бор!

Да что там говорить, во время своей запоздалой экскурсии я сам наткнулся на медвежью лежку — правда, за неимением опыта не смог определить, насколько она свежа.

От деревни Смолокуровки уже ничего не осталось, но в бору попадались железные котлы, в которых когда-то варили сосновую смолу. А вот волок оказался заброшенной, в несколько изб, остяцкой деревушкой Волок. Здесь, на разводе между озерами, еще совсем недавно жили рыбаки-остяки — так в здешней округе называют селькупов.

Сейчас сибирский народ тяготеет к крупным населенным пунктам, маленькие деревеньки исчезают (немало запустелости можно увидеть на обских берегах). Раньше здесь жили пошире, попросторнее, народ не сучивался, было на этих просторах вольготнее, оживленнее.

...Пошел дождь, обильная трава намокла, с веток капало, пробираться по заросшей тропинке было тяжело, но на сердце стояла какая-то легкая радость: как же, в родных местах сделать такое выдающееся открытие — жил-то рядом с тайгой. Искал ее далеко, а она вот, рядом. Ради этого следовало совершить путешествие по родной реке.

ЗИМНИЕ

ПРИЧАЛЫ

Прежде чем начать главу, пожалуй, нужно справиться: любите ли вы мечтать? Река к мечтам располагает — и когда стоишь на уютной корме пассажирского теплохода и смотришь, как неостановимо-вечно бежит-убегает вода, да и когда сидишь на берегу, а вода-река течет себе мимо. И сопрягаются поток воды и поток твоего времени, текут, уносятся мечты далеко-далеко.

Вот бы увидеть, что будет на этой реке лет этак... На много, наверное, загадывать не стоит... Лет хотя бы через пятнадцать. Скромно, но ведь в третье тысячелетие загляд. Действительно, как изменится пейзаж на реке? Понятно, корабли станут быстроходнее, эlegantнее, комфортабельнее. Грузовые баржи пойдут повместительнее, крупные со-

ставы станут погуще, поворотливее будут вписываться в многочисленные речные излуины. Наверное, вместо примитивных, допотопных бакенов поставят что-нибудь суперсовременное, компактное, электронно-напичканное — вместо красного воспаленного огонька засияет какой-нибудь «ультра», и штурману в ходовой рубке не обязательно станет вглядываться в крошечную мглу речную: бортовой компьютер в урочное время считает с бакена-ЭВМ всю надобную информацию.

О многом можно помечтать на берегу плавно текущей реки под успокаивающий шум неумолчных волн.

Но представимо ли, что капитаны на сибирской реке забудут, что такое навигация? Да-да, перерывов на долгую зиму не будет, корабли по речным просторам пойдут по обычному календарю — от января до января.

Впрочем, с глаголом «ходить» может получиться неувязка. Вряд ли он точен. Может, правильнее сказать — летать? Но ведь у штурвала будет стоять все же капитан, а не пилот.

Кажется, в своих мечтаниях я запутался бесповоротно, и пора спуститься на твердую землю реальности: имею в виду — познакомиться с шефом Томского речного порта Прокопием Трифоновичем Драчевым.

В начале своей стремительной карьеры (за три года от начинающего диспетчера до начальника заполярной пристани «Тазовск») молодой специалист Драчев занимался крупномасштабной перевозкой локомотивов, шпал и рельсов для строящейся тогда железной дороги, «третьего Транссиба» Салехард — Игарка. Потом все это хозяйство речники вынуждены были вывозить назад: строительство законсервировали и дорога получила чрезвычайно неприятный титул — «мертвая». Может, тогда Прокопий Трифонович с присущей молодости страстностью и заразился идеей комплексного транспортного освоения Северной Сибири. Он и сегодня считает, что важнейшие народнохозяйственные проблемы решались бы куда разумнее, если бы соединить стальной колеей последовательно вот эти точки на карте: Усть-Илим — Лесосибирск — Белый Яр — Колпашево — Нижневартовск — Сургут — Сергино — Ивдель — Усинск — Индига.

В Тазовском молодой специалист задержался недолго. Потом был начальником речного порта в Тюмени, в разгар нефтеперевозочного «бума». Именно тогда на сибирские реки для перевозок сырой нефти нагнали уйму разнокалиберного нефтеналивного флота, который вскоре некуда стало девать: нефтяники построили трубопроводы, а речники

комплексе представляли слабо. Этот большой курьез еще раз убедил Прокопия Трифоновича в том, что житейский здравый смысл — оглядываться по сторонам и на соседей — в экономике весьма полезен.

Промышленно-транспортный узел-комплекс в Томске своим созданием обязан, как ни странно, ранним математическим способностям младшего сынишки Вовы. Победителя зональной олимпиады семиклассника Драчева пригласили в знаменитый математический интернат в Академгородке, в Новосибирске уже учился и старший сын, поэтому отец Прокопий Трифонович решил перебраться поближе к сыновьям. Его назначили начальником Томского порта, где он и начал реализовать свои идеи комплексности. На исходе пятого десятка он защитил экономическую диссертацию, а на исходе шестого собирается защитить докторскую, но не для того чтобы получить в МГУ престижную степень, а чтобы утвердить экономическую целесообразность вневедомственных подходов и критериев.

Драчев подарил мне свою книжку «Проблемы совершенствования транспорта в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе». Я долго искал в выходных данных, кто же выпустил монографию, под чьей эгидой она издана. Но так эту эгиду и не отыскал, а не найдя, еще раз убедился, что если энтузиаст захочет, то может все — даже издать книгу.

Идея единого транспортного комплекса в Томской области, неистовым ревнителем которой выступает Драчев, получила поддержку у тогдашнего первого секретаря Томского обкома партии. Здесь в единый узел завязаны все, кто занимается перевозками — по воздуху, по воде, рельсам и по асфальту. Жаль только, что комплексный подход распространяется только на «кусоч» Оби с прилегающими притоками. Река, разъединяя берега, объединяет пространство. Великое обское государство, конечно же, напрашивается на единый, а не «кусочный», областной комплекс.

У меня сложилось впечатление, что именно река помогла Драчеву посмотреть на сибирские транспортные проблемы широко. Именно река, которая в своем течении-стремлении никаких, в том числе и ведомственных, границ не признает.

— «Пума» должна вот-вот подойти, со дня на день жду. Ищу пристанище, ума не приложу, где разместить, нужен хороший ангар, — сразу пожаловался Драчев.

Человек он уже пожилой, флотская форма на нем угловато топорщится, сразу выявляя его сугубо сухопутную управленческую сущность.

Прокопий Трифионович необычайно, я бы так выразился — энергично конкретен: минуты за три успел узнать нужное о собеседнике и рассказать все необходимое о себе.

— Что за зверюга, для которой ангар нужен, а не клетка?

Драчев улыбается:

— Вообще-то действительно зверюга, да только в обличье корабля. Целая стая их должна выйти — «Барс», «Гепард», «Леопард». Это суда нового поколения на воздушной подушке. В Сибирь, на Обь, из особого уважения к Томскому порту, выделили «Пуму».

— В чем же особенности нового речного поколения?

— Для СВП — так мы коротко обозначаем суда на воздушной подушке — речная волна не обязательна. Они могут ходить и над дорогой, над ровным полем. А если над шоссе, то почему бы и не над замерзшей рекой?

— Капитан переквалифицируется в пилота? А если над дорогой — вроде получается шофер.

— Вы верно уловили сложности человека, находящегося в рубке. Но это представляет и главную трудность для внедрения СВП. Авиаторы говорят, что у СВП нет крыльев, автотранспортники сетуют на отсутствие колес... К сожалению, и наше родное министерство находит отговорки, хотя кому, как не речникам, и заниматься этими судами?

Драчев выделил слово:

— Судами! По существу, СВП выводит нас на конечную цель — река для сибирских речников может работать круглый год, и со льдом, и безо льда.

— Но суда должны переходить в летне-зимнее исполнение?

— Это не проблема, — знающе отмахнулся Драчев.

— Но и речные вокзалы должны быть уже не павильонно-летними? — не сдавался я.

— Это посерьезнее, — признал Прокопий Трифионович. — Но сегодня существует масса более масштабных проблем. То, о чем вы по-пассажирски печетесь, — лишь производное от них. Серийно СВП никто не строит, кадров для них не имеется, и они не готовятся, проблем речных круглогодичных перевозок экономисты не прорабатывают. Все течет на уровне энтузиазма, меценатства! Жаль, что вы не попали на нашу конференцию, — вздохнул Драчев.

...В начале сентября — красивейшего месяца в Сибири — плыл по
80 Оби теплоход. Обычный теплоход с именем одного из обских «адми-

ралов» на борту — «Николай Масленников». Но рейс был не вполне обычным, да и пассажиры, пожалуй, тоже.

Прокопий Трифонович, полагая, что на берегу и для серьезных людей немало если не соблазнительных, то отвлекающих моментов, решил просто: весь состав проходившей в Томске всесоюзной научно-практической конференции по проблемам развития новых видов транспорта в Западно-Сибирском регионе посадить на теплоход. Чтоб дискуссия текла, как река, без помех, чтобы оппоненты могли доспорить, прохаживаясь по вечерней палубе.

Дискуссии под обскими звездами оказались небывало плодотворными. Действительно жаль, что на эту необычную конференцию я не попал; она была не только нестандартной и представительной, но и перспективно интересной. Впрочем, ее инициатор Драчев если все нюансы и не передал, то основное поведал. Речь, конечно, велась о транспортном освоении Западно-Сибирского нефтегазового региона в комплексе, — надо отдать должное, Драчев как бы снимает свой речной мундир, он — первый за то, чтобы проблемы речников увязывались с перспективами авиаторов, железнодорожников, развитием автотрасс. Академики, конструкторы, проектировщики, экономисты, производственники на борту «Николая Масленникова» обсуждали перспективные задачи и тенденции единой научно-технической политики в развитии транспортных средств на воздушной подушке. Перспектива СВП амфибийного типа — основа круглогодичной навигации в Западной Сибири — потребовала отдельного разговора.

Дискуссии в плавучем конференц-зале продолжались сентябрьские ночи напролет. Собрались энтузиасты, те люди, которых всегда стараются ущемлять, здесь же они оказались в своем кругу. Споры были ожесточенными, но ведь доброжелательный оппонент, строго пристрастный к деталям, только помогает делу. Чтобы в дерзких своих мечтах не сходить с почвы сугубой реальности, Прокопий Трифонович боролся за одно — в решениях конференции записан основной для него пункт: сделать Томск и сибирские реки испытательным полигоном для амфибийных СВП, а речной порт преобразовать в научно-производственное объединение.

Диковинные вещи услышал я в кабинете бывалого речника. Да, будущее, мечты, новые суда. Но главное, что подкупало в рассуждениях речного мечтателя: он рекой не замыкается, а видит синюю жилку Оби в переплетении линий авто- и авиатрасс, железных дорог. Ему бы не спеша, планоно перевозить сибирскую древесину, томский гравий, кар-

тошку да алтайскую пшеницу, а он лишние заботы себе придумывает. Со смежниками не ругаться норовит, а объединяться, устраивает все-союзные научные конференции с академиками на борту... Неуспокаивающаяся душа этого человека, кажется, заряжена речной ширью, обским убегающим горизонтом.

Какие же суда пойдут надо льдами зимней Оби? Понятно, они будут не особо большими, пассажиров на сто — сто пятьдесят, удобными и комфортабельными. Наиболее экономично смотрится пассажирско-грузовой вариант СВП. Прежде всего этим вездесущим быстроходам-быстролетам, конечно, предстоит осваивать сибирскую глубинку — притоки Оби и малые реки, те пункты, куда сегодня не особо целесообразно прокладывать дорогостоящие автодороги, тем более тянуть стальную колею.

Приятно все же, что крупномасштабные эксперименты с новой речной техникой начинаются в Сибири и именно Оби принадлежит приоритет в разведке транспортно-речного будущего.

ЗАРЕВО НАД

БЕРЕГАМИ

Если у «открытия века», как называют открытие тюменской нефти, были соавторы, то Обь — первый из них. Геологи-первопроходцы попросту были привязаны к рекам хотя бы потому, что в начале пятидесятых годов хорошей вездеходной техники не имели, а дорогами тогдашняя Сибирь не баловала, и вертолеты еще не застили сибирское небо. По Оби и ее притокам тащились крупные баржи и мелкие баржонки с оборудованием для геологоразведчиков, сейсмические станции, буровые. Понятно, что первые скважины бурились на речных берегах. Проходчики от них и не старались убежать: дальше труднопроходимая тайга и непроходимые болота.

— Обь — меридиан моей жизни, — признается Василий Тихонович Подшибякин. Нынче он Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, возглавляет крупнейшее в стране заполярное подразделение по поиску нефти и газа, а начинал свою рабочую жизнь в Сибири помощником бурильщика. Обью он прошел от Нарыма («Бог создал рай, а черт — Нарымский край») до самого Карского моря.

ная дорога. Вертолетов было меньше, чем сегодня спутников. Весь завоз по реке, успел за навигацию отовариться — сезон работаешь как человек, не успел — шаршишься всю зиму. На пароходы в те времена мы молились, как язычники. Все надежды на навигацию.

Поисковик Подшибякин один из первых прошел по легендарной земле Самотлора, открывал первый газ и первую нефть в Заполярье.

Ветеран поиска прекрасно помнит крылатую фразу:

— Считайте годы по навигациям!

Сегодня в Среднем Приобье, там, где проложены автотрассы и железные дороги, эти слова потихоньку забываются, но в Заполярье, куда настойчиво стремятся поисковики, «речная формула» все еще очень популярна. Правда, если раньше считали годы по навигациям на Оби, то сегодня — на ее северных притоках и в Обской губе. Именно на арктические берега направлен поиск геологов.

«Открытие века» преобразило обский пейзаж — не только потому, что вышки стали обычнее, чем кедры. Геологи привели за собой нефтяников и газовиков, выросли поселки поисковиков, города добытчиков. Сегодня это, пожалуй, самые знаменитые сибирские города — Нижневартовск, Сургут, Стрежевой.

Обь пережила нефтяной бум — главным судном на реке утвердился нефтеналивной танкер. Однако потом построили нефтепроводы, а затем и газопроводы — дно реки стало ложем для дюкеров. Протаскивание дюкеров, этих специально оснащенных, утяжеленных, особо прочных трубопроводов — незабываемые страницы в жизни трассовиков, творцов искусственных нефтяных и газовых рек. На дне Оби лежит где-то три десятка таких дюкеров — надежных «метро» для нефти и газа.

Нефть сыграла в истории Оби, как я уже упоминал, огромную роль — она спасла ее от Нижнеобской ГЭС и от южного поворота: наверное, трудно было бы противостоять натиску экологических прожектеров, если бы Сибирь не стала «нефтяным континентом». Да, нефть сыграла свою роль в том, что Обь по-прежнему течет к океану путем, который ей предназначен природой.

Но... В Тюменском крае трудно обойтись без этого неизбежного «но».

В институт географии Академии наук СССР, к Л. К. Малик — она доктор географических наук и всю жизнь занимается сибирскими водоемами — я зашел, чтобы задать единственный вопрос: насколько чиста Обь? Надеялся услышать ответ благоприятный — ведь Обь срав-

нительно мало заселена, города и поселки достаточно редки, на ее берегах практически нет страшных для любой реки химических предприятий-«убийц»...

— Обь,— Лия Константиновна ответила жестко и категорично,— одна из самых грязных рек страны. Загрязненность рек определяется единицами ПДК — предельно допустимой концентрации. Критическим для жизни считается уровень в 3—5 ПДК. Обь выходит на этот критический рубеж, а на некоторых участках, начиная со Стрежевого, даже превышает его. Слабым утешением может служить то, что ПДК на Томи, Иртыше, Енисее еще страшнее.

— Тихо плещет ядовитая волна?

— До этого еще не дошло,— не согласилась Лия Константиновна.— Но сибирская общественность должна постоянно бить тревогу, чтобы к Ледовитому океану не тек грязно-мутный поток.

Есть одна не антропогенная, а естественная причина того, что за чистоту Оби нужно драться. Зимой на огромном протяжении, от Колпашево и до самых низовий, реку охватывает кислородное голодание, знакомый всем ихтиологам и рыбакам знаменитый обский «замор» — река подо льдом подпитывается болотными водами. Кислородный дефицит и создает огромную зону «замора». «Тухлая вода», говорят аборигены обских берегов, «мертвая вода».

Имея столь гигантский естественный загрязнитель, мы, понятно, обязаны особенно бережно относиться к реке. Но, считает Л. К. Малик, на первое «ущербное» место нужно ставить уже не «замор», на первое место стремительно выходит нефть. Она — главный загрязнитель обских вод, причем на долгие годы, может быть, даже на века. Она, как неискоренимый рецидивист, не бросает свое грязное дело: оседает на дно, но, промытая вешними паводками, всплывает снова, чтобы травить все растущее, плывущее, живое.

Есть и другие источники загрязнения обских вод, которые, к сожалению, приобретают все больший размах. Вредит реке многочисленный флот, чаще всего бесконтрольный. Безответственные ведомственные капитаны — самые большие неприятели на реке, о том свидетельствует статистика водных правонарушений. По-прежнему сказывается на чистоте воды гниющая древесина лесосплава, которая попадает сюда с «лесных» притоков. Пятое место занимают коммунальные сбросы: многие поселки, да и юные города не имеют очистных сооружений. Коммунальное загрязнение быстро прогрессирует, если это позволительно называть прогрессом.

Все причины загрязнения серьезны — но процесс пока не стал необратимым.

Когда проезжаешь ночью «нефтяной» участок Оби от Стрежевого до Сургута, наблюдаешь впечатляющую картину: заря не гаснет, над берегами нависло постоянное зарево. Когда ночь истончится и перейдет в утро, увидишь в рассеянном свете утреннего солнца поблекшие факелы недалеких нефтяных промыслов. Пресловутые факелы, в которых бессмысленно сгорает щедрый дар приобских недр. Отечественные инженеры за четверть века так и не нашли эффективных методов их укрощения.

Кому-то это зарево нравится, кого-то впечатляет, кто-то даже признает факелы символом нефтяной Тюмени. Но вряд ли стоит соревноваться с солнцем, демонстрируя вопиющую бесхозяйственность. Я надеюсь, когда эта рукопись книгой дойдет к читателю, искусственная заря на обских берегах погаснет, останется печальной и минувшей страницей сибирского освоения. Никому она не нужна, эта вторая заря. Пусть, как и положено природой, восход приходит и уходит в свое время, восторгая и ослепляя прекрасно-кратким мигом, даря радость новой встречи с вечным светилом.

...В Нижневартовске, недалеко от берега, на развилке дорог, ведущих к промыслам Самотлора, стоит памятник первопроходцам. На постаменте молодой и дерзкий парень, поднявший руку с факелом, — горожане зовут его ласково Алешей. Великое дело сделал Алеша-самотлорец со товарищи: подарил родине те богатства, которые делают нашу державу могучей. Но вот тем, кто идет вослед дерзким первопроходцам, надо бы полученным богатством распорядиться бережно, хозяйственно, аккуратно...

Не знаю, сознательно ли задумал так ваятель, получилось ли это неволью, но не к обскому простору повернут Алеша, он от Оби отвернулся. Может, действительно стыдно первопроходцу перед рекой?

Отвернулся Алеша от знаменитого озера Самотлор, которое можно считать символом нашего нефтяного могущества, а при желании — знаком большой сибирской экологической беды...

Великое дело должно быть чистым.

Напомню о длине самых известных европейских рек: Эльба — 1165 км, Днепр — 2200, Днестр — 1352 км, Рона — 812, Висла — 1068 км. Наверняка эти реки помнит каждый школьник, не пропускавший уроков географии.

А теперь разузнаем, какова длина некоторых обских притоков. Васюган — 1082 км, Вах — 964, Кеть — 1621, Пур — 1024, Таз — 1401, Тым — 950, Чулым — 1799 км. По европейским меркам, как видим, — реки первого ранга. Правда, я не уверен, знают ли об их существовании даже сибирские школьники. У Сибири — иные мерки и масштабы.

Я не упомянул об Иртыше — главном обском притоке (или, если вспомнить николаевскую версию, «изначальной Оби»). О нем надо бы поведствовать поподробнее, но, наверное, иртышское путешествие требует не меньшего времени. Однако не рассказать об Иртыше, хотя бы конспективно, было бы несправедливо.

Название этой реки просто выводится из тюркских языков: «ир» — земля, «тыш» — рыть, получается — «роющий землю». Но это не единственное толкование первоизданного имени. Томский профессор А. Дульзон полагал, что в нем скрывается древний катский корень: «тыш» — «цис» — «сес» — река. В этом есть резон, если не забывать, что великие водные потоки первыми насельниками их берегов назывались всегда божественно просто — Река, Вода. Некоторые топонимисты вспоминают иранское слово — «ир», которое обозначает «бурный поток». Это варианты, а наиболее укрепилась «роющая» версия. (Попутно можно вспомнить, что у Оби есть еще один приток с первоначальным значением «роющий» — это Полууй, впадающий в Обь у Салехарда.)

Иртыш долго оставался неведомым просвещенному миру. Еще в середине шестнадцатого века крупнейший европейский знаток Сибири Сигизмунд Герберштейн полагал, что Иртыш — это та река, в которую впадает Сосьва. Более достоверные сведения мы найдем только полтора века спустя у голландского дипломата и писателя, автора «Записок о русском посольстве в Китае» Избранта Идеса. Настолько достоверные, что их следует привести хотя бы фрагментарно.

«Воды Иртыша светлые и прозрачные. Река берет начало в калмыцких землях, где она течет с гор с юга в северо-восточном направлении и протекает через два озера — Кабако и Зайсан. Юго-восточный берег

на всем протяжении обрамлен высокими горами, там и сям поросшими кедрами: северо-западная же сторона представляет собой низменные луга. На северо-западной стороне водится исключительно много больших черных медведей, волков, так же как и красных, и бурых лисиц. Там протекает недалеко от Самаровского Яма впадающая в Обь речушка Касымка, по берегам которой водится лучшая по всей Сибири белка... Река Иртыш дает столько рыбы, что осетра весом от 40 до 50 фунтов можно купить за 5—6 копеек, или стейверов, и рыба эта настолько жирна, что в котле, в котором ее варят, набирается на палец жиру. Имеется также изобилие всякой дичи: лосей, оленей, косуль, зайцев и т. д. Пернатая же дичь — фазаны, куропатки, лебеди, дикие гуси, утки, аисты — дешевле говядины».

С Иртышом связаны подвиги Ермака, по словам Н. М. Карамзина, человека «редкого удалства, ужасной дерзости и храбрости». Роль Ермака в сибирско-российской истории сегодня ожесточенно дискутируется. Мы присоединимся к оценке Николая Михайловича: «Сей Герой — ибо благодарное отечество давно изгладило имя разбойника пред Ермаковым — сей Герой погиб безвременно, но совершив главное дело». На «диком бреге», на котором сиживал «объятый думой» знаменитый вождь-разбойник, он и похоронен. Как свидетельствует тобольский летописец Семен Ремезов в своей «Хорографической книге», тело Ермака Тимофеевича погребено «выше погоста Бекишевского на горе на мысу под большой сосной вблизи юрт Баишевых при речке Башкурке». Это современное село Баишево — 755-й километр иртышского фарватера, если считать от устья. Нет никакого знака на могиле первого государственного сибиряка, замета эта только в памяти народной. Можно надеяться, что найдутся благодарные, помнящие земляки, установят здесь памятный обелиск, сумеют наладить тропу к забытой могиле.

На иртышских берегах расположено несколько крупных городов: кроме первой сибирской первопрестольной — Тобольска — это Омск, Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. В сибирской истории хорошо помнят значение и таких первых русских поселений, как Тара и Самарово (нынешний Ханты-Мансийск). Строителями этих городов чаще всего были замечательные русские люди, люди многогранных государственных интересов. Хотя бы один пример: основатель Усть-Каменогорска гвардии майор Иван Михайлович Лихарев весьма много сделал для изучения иртышского бассейна. Поздней осенью 1720 года петровские сенаторы изучали доставленную им карту «Иртышу реки 87

и по ней построенной крепости», которую составили участники лихареvской изыскательско-военно-градостроительной экспедиции Петр Чичагов и Иван Захаров. Вот какие предписания получали в петровские времена путешествующие с воинскими командами гвардии майоры (цитата из письма Лихарева императору Петру I):

«От Семипалатинской крепости до Зайсана озера велено осмотреть и описать по реке Иртышу, какие берега и где камень, или пески, или леса. И какие в том пути удобные места к строению городов и что оной реке ширина и глубина воды. И сколько порогов и что на тех порогах воде глубина и какими судами через те пороги можно итить. Также Зайсан озеро сколь велико и не впали ль в то озеро какие реки и из него не вылились. И какие реки в Иртыш пришли, и с какой стороны, и сколь велики и глубоки. И кругом того озера какие берега, лес или камень, или пески. И куды оное озеро подалось. И есть ли удобные места, где построить крепости».

Прекрасна русская традиция, по которой военные люди, во славу России, занимались сугубо мирными исследовательскими делами!

В знаменитом труде немца Карла Риттера «Землевание Азии» мы найдем возвышенные строки, посвященные Иртышу:

«Подобно тому, как морское течение послужило Колумбу к открытию Нового мира на западе, так эта река, протекающая через равно неизвестные страны, служила путем к открытию Нового мира на востоке».

Действительно, Иртыш долгое время был единственным ключом России к загадочной Азии. Бухарские, китайские, индийские купцы, стремившиеся на сибирские рынки и за сибирскими мехами, спускались в материковую Сибирь по этой большой торгово-речной дороге. Верблюжьи караваны разгружались на иртышских холмах в районе современного Семипалатинска, дальше экзотический азиатский товар двигался до Искера на больших каюках. Но постепенно российские купцы вытеснили бухарцев. Наверное, это было не лучшее решение вопроса: оживленная торговая магистраль надолго притихла, оживилась только в середине прошлого века, когда здесь появились первые пароходы. Но пейзаж реки украшали не только они. «Путеводитель по Иртышу», изданный в 1911 году в Тюмени «соединенными западно-сибирскими пароходоладельцами», так описывал колоритный иртышский флот.

«К числу местного коммерческого непарового флота следует отнести «беляны» и «коломенки». Это те же баржи, но крайне неуклюжие —

с тупым носом и очень широкие... Необходимо упомянуть «паузки» — маленькие сплавные и буксирные барки (10—25 саж.). Древние дощаники заменены теперь «карбасами»; это самая распространенная форма торгового судна у жителей среднего и верхнего Иртыша. Ими пользуются для перевозки продуктов местной сельскохозяйственной промышленности, а также в качестве рыболовного судна на о. Зайсане. Движение их совершается и по сей час «волоком», изредка — парусами. Наконец, здесь в употреблении «плоты», на которых с верхнего Иртыша сплаваются вниз лес, арбузы, кожи и проч.»

Сегодня в Иртышском бассейне действуют два современных речных пароходства — Иртышское (в Омске) и Обь-Иртышское (в Тюмени).

Иртыш — река-трудяга. Он исправно крутит турбины Бухтарминской, Усть-Каменогорской и Шульбинской гидроэлектростанций, щедро делится водой с соседями: канал Иртыш — Караганда — один из самых крупных в стране. В институте Омскгипрорудхоз вынашивается четырехмиллиарднорублевая идея сооружения Южно-Омской оросительной системы с большой плотинной.

— Иртыш, как река, надорван, — рассказывал мой знакомый, молодой очеркист из Омска Володя Чешегоров. — Человек эгоистично дает ему нагрузки, которые сибирский великан еще выдерживает, но уже с большим трудом, уставая и изнемогая. Безобразно отношение к иртышской пойме. Каждый хочет урвать кусок, не сознавая, что оставляет реку без будущего.

Володя совершил большое путешествие от Зайсана до Самарово. Великая река произвела на него удручающее впечатление. Какие там осетры в четыре пуда весом! Если где и угостят стерлядкой, то вкушающий может точно определить всю гамму продукции, выпускающей-ся иртышскими химвкомбинатами...

Официальные справки природоохранных ведомств безжалостное уничтожение реки иллюстрируют цифрами. «Средний уровень содержания нефтепродуктов больше чем в 15 раз превышает предельно допустимые нормы. В пределах Омской области среднесезонные значения колеблются от 8 до 27 ПДК. Прослеживается четкая тенденция к росту нефтяного загрязнения по годам и по всей длине реки». И вывод: «Продолжающийся рост загрязнения Иртыша приведет к дальнейшему ухудшению экологической ситуации в регионе».

Когда я пишу эти строки, тюменские тележурналисты ведут расследование очередного случая аварийного сброса на Тобольском нефте-

химкомплексе, когда предельно допустимые концентрации были превышены в сто раз!

Безрадостная картина!

Как и в случае с Обью, единственная надежда, что сибирская общественность возьмет судьбу реки в свои руки.

В очерке Володи Чешегорова «Мы живем на реке» читаю: «Я не верю, что кто-то умышленно, с ярым убеждением совершить зло, вредит реке. Жесткие условия работы, незнание законов природы, растерянность перед нарастающими проблемами, лень мышления и многие другие личные и общественные пороки я готов признать в тех, от кого сегодня несладко живет Иртышу, но только не умышленное посягательство на реку. А значит, положение не столь безнадежно».

Нам всем хочется жить надеждой. Пора, правда, уже не только надеяться, но и действовать.

На берегах этой реки написаны замечательные слова:

«Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это мощный край! Нужны еще века, но как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописях мира!»

Как много лет этому предвидению? Десять? Сто? 24 июля 1794 года их написал в тобольской тюрьме Александр Радищев.

Сегодня Сибирь куда многолюднее, чем она была в радищевские времена. Нам хочется верить, что пламенное пророчество сбылось. Но, оглядевшись окрест, мы поймем: нет, слова большого русского гражданина все так же актуальны, как и два столетия назад... И нам еще предстоит много трудиться, чтобы Сибирь все же сыграла предназначенную великую роль.

ПОДВИГ

ЛОЦИИ

В каждой судовой рубке обязательно найдешь затрепанную широкую книжку. Вид у нее канцелярский, служебный, да и штампик на видном месте непременно отыщется: «для служебного пользования», так что постороннее внимание она редко привлекает. Сами штурманы-капитаны к этим книгам привыкли.

Это — лочия, руководство для речника, его оберег от всяческих навигаторских неприятностей. Новичок — тот и носа не поднимет от 90 этих карт, бывалый капитан-судоводитель вытащит из шкафчика книгу,

бережно обернутую в полиэтилен, только проходя речную неудобь, но и ветеран, и новичок не обойдутся без лощи.

Лоща — это еще и портрет реки. Такая река, как Обь, в одну книжку не вмещается. Но сложить несколько книжек — вот и получится полный портрет нашей героини.

Каждый портрет грешит статичностью. Понятно, и лоща передает статичный портрет живой, движущейся реки. Но для навигатора этого достаточно, а всякие лощмейстерские примечания подскажут, как поступить в меняющейся ситуации.

История лощи — летопись аварий, кораблекрушений, судоводительских драм и трагедий. Ведь, прежде чем была составлена регулярная, на научной основе лоща обского фарватера (а произошло это уже в советское время), сведения добывались исключительно опытным путем, естественно, путем ошибок.

За мной числится целый час судоходной «практики». Один лихой капитан (судно, слава богу, попало не крупное) вручил мне штурвал, сказал:

— Держи вон ту звезду в вантах.

И спустился в трюм помогать механику.

Я исправно держал зеленую дрожашую звезду в судовых вантах, вдруг берег внезапно и близко надвинулся, я испугался, крутанул штурвал, и... днище заскрежетало по песку.

Я схватился за рычаг, намереваясь дать полный назад, но с перепугу дал полный вперед.

Путь, которым мы шли, оказался какой-то хитрой протокой, где другие капитаны ходить не рисковали. Так что добрые сутки сугубо самостоятельно нам пришлось «смываться» со злополучного меляка.

Капитан мне и слова не сказал, но как кипела его душа, догадаться было несложно. Но уж и заметил я это местечко — на всю жизнь запомнил провислый берег, жидкий ивнячок на нем и песчаную косу. Наверняка подобным образом запоминали обский фарватер и многие обские навигаторы.

Из истории обского судоходства известно, например, что один пароход, «Алтай», просидел на мели... целый век. Время, впрочем, понятие относительное. «Алтай» наскочил на челпан (скрытый подводный бугор) в сентябре 1899 года, стащить его своевременно не смогли, и только весеннее половодье подняло грузное судно. На календаре стоял май уже двадцатого века.

«Отсутствие точных карт, отсутствие обстановки фарватера, его из-

вилистость и неясность, обилие подводных мелей, салм и гольцов, особенно на Надымской Оби,— все это делает судоходство в Низовом крае весьма затруднительным».

Так писал в «Записках по гидрографии», которые издавались Главным Адмиралтейством России, Александр Александрович Дунин-Горкавич, замечательный знаток Обского Севера, автор уникальной карты (10 верст в дюйме) низовьев Оби — первой приличной лоции полярных мест.

Писал он сухоовато, но давайте продолжим цитату:

«При плавании ориентируются сухими гольцами и островами, находящимися на отмелях. Ориентируются также песчаными осыпями возвышенных материковых берегов, которые заметны на далеком расстоянии благодаря своему беловатому цвету. Там, где нет этих приметных пунктов, руководствуются так называемым «сливом воды». Под местным термином «слив воды» разумеют особую зыбь, то есть круги и водовороты, образуемые живыми струями воды на поверхности фарватера. Руководствуются также едва приметной разницей в окраске воды на фарватере и на мелких местах. Цвет воды на фарватере, благодаря более значительной глубине, темный, на отмелях же значительно светлее. Фарватер можно отличить также по пене. В тихую погоду фарватер реки все-таки заметен тем, что на нем вода темнее, но во время ветра, когда вся поверхность реки покрыта валами, указанные признаки для распознавания фарватера становятся неприменимыми. В это время руководствуются валом: вал на фарватере бывает крупнее и выше, на отмелях же вал разбежной, мельче и ниже первого. Все эти признаки могут различать только привычные глаза опытных лоцманов».

Я привел этот отрывок, потому что он ярко показывает, что старинные обские лоцманы читали реку, а нынешние штурманы читают лоцию.

Да, наверное, что-то утрачивается, когда штурман на реку даже не смотрит, но это не отрицает насущной необходимости лоции. Какой-нибудь безусый практикант смотрит на компас, включает локатор, всматривается в береговые створы и навигационные знаки, листает лоцию и даже не подозревает, что в этих местах бывалые мореходы садились на мель. Вроде бы неприметные штришки на лоцмейстерских картах никогда легко не доставались.

...Преподаватель классов в Гайнажском навигационном училище
92 Христиан Даль получил неожиданное и лестное предложение. Влия-

тельные члены Императорского общества содействия русскому торговому мореходству организовали экспедицию для исследований низовой Оби. Предполагалось, что этой водной дорогой будут вывозить на зарубежный рынок сибирские товары.

Березовский купец Трофимов взялся за три тысячи рублей построить в Тюмени экспедиционное судно. Капитана для него в Сибири найти не смогли. Кто-то из организаторов вспомнил латыша Даля... Никаких данных о местах предполагаемого плавания Даль не получил, точных карт не имелось, а сведения местных жителей были весьма противоречивы. Прибыв в Тюмень, педантичный латыш был обескуражен сибирскими деловыми порядками. Хотя на дворе уже стоял май, постройка исследовательской шхуны «Москва» еще не была закончена.

Далю пришлось побегать и похлопотать, чтобы сносно оснастить судно, но многим он остался не удовлетворен. «Москве» требовалось всего три матроса, но найти их оказалось чрезвычайно трудно. В Тобольске приняли на борт двоих, но оба ничего не умели делать. В Самарово они ушли на берег за хлебом и возвратиться отказались наотрез. Кое-как нашли замену, поистине равноценную, — новички никогда не исполняли матросских обязанностей. Одного из них, нанятого в качестве лоцмана, снял с судна волостной старшина: лоцман оказался беспаспортным. Трофимов на упрек капитана ответил, что он сам хорошо знает Обь. Вскоре и проявил свое лоцманское «искусство», посадив «Москву» на мель...

Придя в Березово, Даль окончательно убедился, в какую авантюру ввязался. Матросы беспробудно пили. Финансовый руководитель экспедиции Трофимов угощал капитана в своем березовском доме северными деликатесами и с добродушной улыбкой сообщил, что провиант еще не готов, а балласт он и не намерен доставлять на судно.

«Мне все опостылело; экспедиция была посмешищем, от которого освободиться в то мгновение я был бы несказанно рад», — с горечью вспоминал Даль.

Кое-как загрузили шхуну кирпичами вместо балласта, взяли продукты, которых едва хватило до Обдорска. Трофимов нанял лоцмана, который знал все на свете, кроме искусства управления парусным судном. Подвыпивший купец, решив начать экспедицию с помпой, выстрелил из старой пушки, стоявшей на шхуне, да так удачно, что попал в парус-кливер...

На пути от Березова до Обдорска «Москва» несколько раз сади-

лась на мель, что нисколько не смущало лоцмана и не убавляло пыла его многочисленным рассказам о собственных судоводительских подвигах. В Обдорске Трофимов привел на борт нового проводника, семидесятилетнего дряхлого старца, который уже не говорил, только шамкал.

Я чувствую, как к объективному стилю повествования примешиваются нотки иронии: сибирские порядки того времени, к сожалению, дают для этого обильную пищу. От хорошего замысла до конкретного выполнения путь лежал через спивавшихся матросов, беспаспортных лоцманов и на всем экономящих купцов.

Даль пробовал возражать, мол, старичок явно не к месту, на что ему резонно отвечали: других нет. Во время плавания основная часть лоцманских обязанностей, естественно, легла на плечи самого капитана.

Промеры реки Даль начал сразу после Обдорска. Экспедиция сравнительно неплохо была снабжена научными инструментами. Кое-что Даль захватил из своих личных приборов. Но капитан сразу предостерегал тех, кому придется пользоваться его данными, что измерения не могут претендовать на полную точность: слишком уж не приспособленными к научным исследованиям были и шхуна, и особенно ее экипаж.

Это, однако, не помешало ему тщательно и педантично выполнять все пункты намеченной программы, составленной снаряженными экспедиции. Он устанавливал направление течений, измерял глубины, брал пробы воды и грунта, делал описание фарватера и попутно давал названия безымянным обским островам, которые здесь встречались в изобилии.

Судно не раз садилось на мель. Рука лоцмана, у которого капитан спрашивал курс, делала полукруг: мол, смелее, везде вода. И спустя несколько минут раздавался предательский хруст очередного меляка.

Возвращение знакомым фарватером имело лишь одно преимущество: можно было перепроверить данные, полученные во время плавания в северном направлении. Действительно, так и получилось. Даль внес изменения не только в свои наблюдения, но и в карту морского министерства издания 1872 года. Он изучал береговую линию, глубины, искал бухты, удобные для стоянок судов.

Конец лета выдался штормовым. Четыре дня шхуна вынуждена была отстаиваться у Кутопьюгана. Шторм с каждым днем набирал силу, а потом и вовсе превратился в ураган. Вода прибывала на глазах, разбушевались волны — жалкая «Москва» в течение часа потеряла

оба свои якоря. Капитан срочно приказал отдать завозной якорь. Сколько бы неповоротливыми и нерасторопными ни были «московские» матросы, но и они тут поняли, что спасение зависит от них самих, и справились с задачей с решимостью камикадзе.

Столь драматическим образом добывались первые крохи сведений для будущих безусых навигаторов.

МАСТЕРСКАЯ ОКНАМИ

Н А О Б Ъ

Кто бы мог подумать, что этот человек в замызанной затрапезе, в немислимой шапчонке, по-утреннему какой-то неприбранный, босой и, по-видимому, наслаждающийся своей босоногостью, встречающий меня привычной лукавой усмешкой, — знаменитый томский художник! Может, на то и эффект рассчитан, чтобы продемонстрировать эдакую сибирско-сельскую простоту? Но вроде и я не такой гость, на которого произведет впечатление демонстрация простецкого босячества. Я понимаю, что Александр Андреевич — человек непростой, эдак хитроватый по-деревенски, всегда не прочь разыграть какого-нибудь заезжего умника-интеллектуала, но в простоту он не играет. Все это лукавство и направлено-то против той неестественности, которая все чаще встречается в среде людей искусства, той наигранной изысканности, которая большой культуры не несет. Он урожденный сельский житель и не хочет этого стесняться.

Его мастерская смотрит окнам на реку, на Обь, на берегах которой он рос, на вольный простор, который его и выпестовал, и взрастил.

Недавно в шумном столичном Столешниковом переулке я нечаянно наткнулся в книжном магазине на только что выпущенный альбом «Александр Шумилкин». Дело обстояло так — на витрине альбом стоял открытым на развороте. И я увидел хорошо знакомые места. Серебряная тундра на переднем плане, широкий разлив сливающихся Полуя и Оби, насупленные глыбастые громады вершин Полярного Урала, радостное небо позднего полярного лета. Художник избрал необычную точку зрения — он как бы парил над этим полярным величием, разглядывал ландшафт с высоты птичьего полета.

Томский живописец Александр Шумилкин, заслуженный художник 95

РСФСР,— частый гость на Тюменском Севере. На его счету поездки в Гыданскую, Байдарацкую тундры, на Ямал, в Надым и на Уренгой.

Мы с Александром Андреевичем земляки, наши деревни — через реку. Но, скажем, если я приезжаю в Могочино, в лучшем случае раз в год, то Шумилкин, кроме мастерской в Томске, завел себе мастерскую на родном берегу. Хотя его деревни Нарги, как и многих приречных деревень, сегодня нет: «неперспективная», она попала под укрупнение, то ли переехала, то ли вовсе сгинула-пропала. Но на самом берегу реки стоял небольшой, в десяток домов, поселочек нефтебазы. Вот один из старинно-основательных крепких домов для мастерской и купил Шумилкин. Вскоре и этот поселочек попал в неперспективные, и уже несколько лет художник — единственный обитатель этого берега. Но для художника, для мастера отшельничество — едва ли не лучший способ существования. Жена Шумилкина, Вера Муштакова, — скульптор, дочь Василина — начинающая художница.

В этом поселке на один дом они живут привычной деревенской жизнью. Сажают огород, разводят клубнику, лес на горе богат грибами и ягодами. Потрепанная, но все еще задорно-разбитная моторка у причала всегда готова умчать художника и на этюды, и на рыбалку, и на охоту.

«Внятен Шумилкину голос природы,— пишет друг художника томский писатель Вениамин Колыхалов,— и потому полотна художника не оставляют зрителя равнодушным, а побуждают его, сопереживая автору, по-новому воспринять и осмыслить «великий мир земли, небес и водных разливов».

У Шумилкина истинно сибирский характер, неотъемлемой чертой которого является скрытность. Даже не так, не скрытность, а уважительное отношение к своему природному дару (раньше его называли даром божьим), желание не расплескать его попусту, пустить в дело, не заболтать-затрепать расхожими словами. Как и любовь, талант ищет защиты в тайне, сокровенности. Несмотря на долгое наше знакомство, Александр Андреевич ни разу, к примеру, не отозвался на мои ретивые желания посмотреть, как он работает на этюдах.

— Лучше пойдем порыбачим,— предлагает он дежурную альтернативу.

Я долго напрашивался в его мастерскую.

— Давай я лучше свожу тебя на Парабель — такой кедровник знаю, там шишки как ананасы,— снова уходит он от просьбы.

ства. Но оказалось, что все основные его полотна благополучно уехали на выставку в Москву, а свои этюды он так и не показал.

— Незачем,— отмахнулся.

Что это, как это назвать, может быть, следовало — по долгу дружбы — обидеться? Я полагаю, это священное чувство творца, который всегда обнаженно-незащищен в творчестве, поэтому осторожен и не намерен устраивать из творящей своей души проходного двора, не впускает к себе каждого, ибо равновесие этой души — вещь хрупкая, а присутствие постороннего не всегда влияет благотворно. Нет ничего плохого в том, что акт творения оберегается, сберегается от чужих глаз.

— Ты картинки мои смотри,— посоветовал, как всегда, полушутливо-полусерьезно Александр Андреевич.— Это дитя, из чрева вышедшее.

Здесь, наверное, особая требовательность к себе, художник в глазах зрителя хочет выглядеть только цельным, последовательным в творческих поисках. Может быть, тому небезынтересно попробовать и зеленого яблочка, но художник предпочитает только созревший плод...

Мне нравится, что у Шумилкина много знакомых среди, что называется, простого народа — рыбаков, капитанов речных «метеоров», колхозников, лесосплавщиков. Он не любит писать портреты «знатных людей», пишет тех, кто, как говорится, лег на сердце, понравился обликом и душевным складом. Вот и в новом альбоме — портреты простых тундровиков: сосредоточенного Николая Салиндера, красавицы Инико, раздумывающего оленевода Чахве и молодцеватого Гены Лапсуя.

Шумилкин, членкор Академии художеств, не любит утруждать своим маститым присутствием всякие официальные органы, со своими палитрами и другими художническими амгарями¹ сразу едет куда-нибудь в национальный поселок, на рыбацкий стан, в оленеводческое стойбище.

Я, понятно, не искусствовед, и анализировать творческую манеру художника Александра Шумилкина мне вряд ли пристало. Мастеру недавно исполнилось полсотни лет, он прошел разные этапы в своем творчестве. Работы первых этапов мне не особо, честно говоря, нравятся — шел поиск собственного образного языка, но слишком заметны были влияния, слишком явственно угадывались цитаты из предшественников и современников. Мне нравятся шумилкинские работы послед-

¹ Амгари (ненецк.) — дорожные вещи.

него, скажем, десятилетия. Этот поздний стиль, выделивший Шумилкина из сотен современных соседей по искусству, сдается мне, надиктован ему природой Севера. Они как бы нашли друг друга, ищущий художник и то, что он долго и мучительно искал, ибо именно в северной природе, как в никакой другой, органично уживаются эпическая величавость и лирическая нежность. Художник попал в свою стихию именно в стихии этих пространств, огромных, необъятных плоскостей тверди, неба и воды.

Вы никогда не обращали внимания на цвет ягеля? Он кажется зеленоватым, сизым, сереньким, но взгляните внимательнее — какая богатейшая гамма изумрудных оттенков!

Колорит картин художника становится прямо-таки изощренно тонким, он кажется простым, но стоит только взглянуть, чтобы понять, что эта простота той цветовой мудрости, которая переболела изысками сложности. В картинах Шумилкина цвет помудрел. Оставаясь лирическим по необыкновенному внутреннему напряжению, он приобрел силу эпичности.

И еще одно — художник все время поднимает зрителя над землей. Он смотрит на эту землю глазами птицы. А может, космонавта — во многих картинах, кстати, проскальзывает, даже ощутимо обжигает некий космический холодок.

Его знаменитый друг, художник Юрий Ракша, подметил эту особенность Шумилкина:

— Мне видится торжественная, величавая, безграничная и в чем-то даже космическая Сибирь. Она показана словно бы издали, как нечто целое. Благодаря обобщенности изображения остающегося вечно неизменным пейзажа кажется, что даже время остановилось: ландшафт выглядит таким, каким он был на протяжении столетий и каким пребудет.

Но вот парадокс — разве в любимых художником тундрах можно отыскать высокие точки обзора? Как же художник поднялся, уж не воспарил ли над этой великой, свободно-первобытной землей с жилами голубых рек, где это величие видится особенно естественно? Наверное, это секрет художника.

Я почему-то припомнил рисунок из давнего учебника: там изображен первый русский воздухоплаватель — он взмыл в воздух на деревянных крыльях, босой, сверкает голыми пятками. Конечно, художник Шумилкин возносится в небо не на деревянных крыльях, а на крыльях своего вдохновения, но что-то есть в его картинах от этой дерзости

первых, стремившихся подняться к небу, но не для того, чтобы забыть о земных нуждах, а для того, чтобы лучше увидеть, узнать и полюбить великую родину.

...Соседи художника — лесосплавщики — построили для него новую, просторную мастерскую. Она смотрит широкими окнами на реку, на великий ее простор, на ту излучину, которая так манит вперед, все дальше и дальше на север. Распахнутые окна — на реку, на восход. Что еще нужно художнику, чтобы родились новые дерзновенные замыслы?

«ВЗМЫЛЕННЫЕ

СПИНЫ РЕК»

На четыре тысячи обских верст — только один герой-речник, Герой Социалистического Труда. Маловато! До обидного маловато. Речная гвардия — народ, Оби и делу преданный. Тем больше резона познакомиться с единственным обским Героем. Мне подсказали: Валентина Семеновича Манакова, хотя он живет в Новосибирске, искать надо на Севере, рядом с Салехардом, он командует бригадой судов, которая занимается перевозкой песчано-гравийной смеси с реки Сось. Но пока собирался, Валентина Семеновича из буксирных капитанов перевели в начальники бассейновой судоходной инспекции.

Он невысок, плотен, полноват, то и дело, щурясь, достает из очешника очки. Начальником инспекции смотрится, бравым героем-капитаном, пожалуй, нет. Манаков провел более трех десятков навигаций: как начал на буксирном колеснике «Столетов», так и заканчивал капитанскую карьеру на тягаче, сегодня уже знаменитом, манаковском ОТ-2032.

Что особого совершил обский капитан, за что его труд отмечен увенчан? Манаков доказал, что по своему равному обскому фарватеру вполне возможно водить сверхтяжелые грузовые составы. Еще в 1970 году он благополучно протасил состав с грузом в двенадцать тысяч тонн. Но караван-рекордсмен, шириной в 54 и длиной в 227 метров, перегораживал фарватер. Встречные суда, километров за десять узнав о приближении тяжелогруза, становились на якорь. Если один капитан экономит время, а другой теряет — какой же выигрыш?

Так что из прежнего рекорда сама собой вызревала проблема, а значит, и новый эксперимент. Требовалось шесть барж-трехтысячето-

нок вести не в три, а две нитки. Состав удлинялся до 304 метров, зато становился куда стройнее, изящнее в «тали» — всего 36 метров. Ходовой фарватер получал разрядку, на реке становилось просторнее. От нового рекорда выигрывал не только передовой капитан, но вся система перевозок.

Инициатором эксперимента выступил не Манаков, а тогдашний начальник Западно-Сибирского пароходства Николай Федорович Масленников. Он дал Манакову зиму на размышление, и все это время Валентин Семенович слушал осторожные советы:

— Семеныч, у тебя все есть. Зачем тебе этот риск?

Да и собственный внутренний искуситель нашептывал: состав трехсотметровый, не впишешься в поворот — не просто в берег врежешься, а в грязь весь свой авторитет затопчешь. У передовиков всегда завистников немало — они при случае чужих репутаций не щадят.

Проблема существовала одна: как такой длины караван впишется в многочисленные извивы Оби, тем более на мелководных перекатах. Расчеты (а Манаков всю зиму потратил на экспертизы со специалистами) однозначно показывали: не впишется.

Знал об этих расчетах и Масленников. Но весной вызвал Манакова:

— Как?

— Опасно.

— Нужно рискнуть.

— Страшно не за себя: караван угробим.

— Прежде всего угробим идею. Поэтому надо караван провести.

Масленников ничего не доказывал, аргументами не давил. Валентин Семенович по прежнему опыту знал: если прошел один капитан — все остальные пройдут. То, что вчера считалось рекордом, на реке быстро становится нормой. Удача его эксперимента давала большие выгоды: темп перевозки грузов убыстрялся без увеличения флота. Флот можно было даже сокращать. Скорость, время, темп — надо только начать.

Экспериментальный караван в шесть барж сформировали около Томска. Манаков ужесточил эксперимент: решил отходить ночью, проводить ночные маневры на самом неудобном участке фарватера. Невиданная махина развернулась на месте, перегородив реку, как понтон. Первый серьезный поворот — заход в протоку — прошли нормально. Вписались и в перекат, хотя поворачивались под углом в девяносто

Навстречу снизу шел с лесом ОТА-859. Капитан «оташника» потом долго удивлялся:

— Баржи сами, что ли, идут?

Он увидел два «пыжа», за которыми должен был виднеться буксир, но вместо буксира показался очередной «пыж» барж, а признаков буксира и не виделось.

Манаков по селектору его успокоил:

— Не бойся, это не «ползучий голландец»...

Выйдя на Обь, проверили: караван на курсе устойчив, скорость против обычной на полкилометра больше, дрейф незначительный, раскатка нулевая.

Ниже Коломна попали в сильный майский снегопад. Локатор выбило, он ловил снежную кашу. Манаков почел за благо отдать якоря, правда, боялся, что кормовые не выдержат.

Капитанская вахта вместо положенных шести часов растянулась на трое суток — урывками спал прямо в ходовой рубке. В тот рейс ему не приходилось в последнюю секунду хватать штурвал, чтобы спасти тяжелый караван. Но каждый яр, стремительно и неизбежно надвигающийся, мог грозить катастрофой. Чрезвычайных ситуаций не случилось лишь потому, что постоянное напряжение превращалось в четкие, уверенные маневры.

В Сургуте, у пристани назначения, на рейде стоял ОТ знакомого Манакову капитана. Бывалый капитан не просто растерялся, а испугался, увидев надвигающуюся махину каравана, приказал срочно включить двигатели: ведь на «оташник» неумолимо напозало двадцать тысяч тонн веса... Суда и на этот раз разошлись нормально, и сургутские докеры начали разгрузку тяжеловеса-рекордсмена.

Та навигация для Манакова оказалась богатой на рекорды-эксперименты: Масленников входил во вкус. До Нижневартовска Манаков провел состав из восьми барж: в три «пыжа» и три счала. Во время рейса на кривуне Верхне-Невальцевского перевала караван внезапно прихватил туман. Манаков в белой мгле сумел сделать оборот и стал на якоря, переживая неходовую погоду.

На счету Манакова и вообще невообразимый рейс до Каргаска: он провел караван из десяти барж, в тридцать тысяч тонн чистого груза. Во главе шли счетверенные баржи, а следом два «пыжа» в три нитки. Кажется, Масленников хотел узнать все резервы обского фарватера и манаковского буксира... Но то уже были рейсы капитанов-асов. А шесть барж в две нитки на Оби в ту же навигацию начали таскать

все буксиры. Оптимально обский вариант тем и хорош, что доступен любому квалифицированному штурману. Эксперимент разряжал обстановку на реке, увеличивал скорость движения грузовых составов, ускорял их доставку и обработку. Это куда больше, чем просто лично-экипажный рекорд, демонстрация супермастерства.

Первым в своем пароходстве Манаков начал внедрять речной бригадный подряд — групповой метод. Старые капитаны, люди не без консервативных пережитков, скрипели: сказывался экипажный эгоизм, который складывался десятилетиями. А Манаков смело ломал кандалы старых традиций. Бригада судов брала подряд на перевозку стабильных грузов, зарплату речники получали не за успехи одного экипажа, а за то, как поработали сообща. Успех одного на флоте немногого стоит, когда нужно перевозить миллионы тонн грузов. Групповой метод преодолевал не только экипажную психологию, но и межведомственные границы. Если раньше груз, достигая границ пароходства, на стыке Томской и Тюменской областей должен был претерпевать перевалку, то буксирная бригада Манакова действовала по принципу «взял груз — довези до места». Кто знает ведомственные флотские амбиции, поймет, что этот метод — небольшая революция. Совершенно лишние перевалки, ненужные перегрузки — это дополнительные объемы, а значит, удобные заработки и повышенные премии. Выгодное государству — не всегда выгодно ведомству. А ведь и Манакову речная бывалость, часто превращающаяся в ветеранский консерватизм, могла бы мешать. Но он не зря считает себя учеником-сподвижником азартного экспериментатора Масленникова. (Этот замечательный организатор производства неожиданно, в расцвете сил умер, начав организацию нового пароходства в Тюмени.)

Николай Федорович после того памятного, рекордного, можно говорить — геройского, рейса Манакова «обидел»:

— Я другого результата от тебя, Семеныч, и не ожидал.

— Ничего себе, — присвистнул Манаков, — легонький рейс...

— Ты лучше меня свои возможности знаешь. Главное, что мы психологический настрой капитанов переломили.

Масленников проработал в Тюмени всего год, но сумел и здесь утвердить традицию смело-разумного риска. Он, например, привел на Обь мощные речные ледоколы, которые весной и осенью существенно увеличивают короткий вздох полярной навигации. А уникальные рейсы, когда Обь тащит на себе целые газовые заводы! Много выдавшее ее величество такого еще не встречало.

Взять спичечный коробок, поставить его «на попа», увеличить в несколько сотен раз, скособочить для верности — вот что представлял собой блок-понтон, который требовалось протащить ни много ни мало — 2600 километров от Тюмени в заполярный Ямбург. Двадцать три таких «коробка» — готовый супермощный газовый промысел. Суперблоки с необходимой технологической начинкой в прославленном объединении Сибкомплектмонтаж строить, как выражаются речники, насобачились. С понтонами дело обстояло хуже. Выяснилось, что иной дорогой, кроме как речной, 140-тонные блоки в далекий Ямбург не доставить. Сугубо штатским строителям пришлось мгновенно переквалифицироваться в судостроителей. Конечно, они старались, но первый «блин» Сибкомплектмонтажа по судовым меркам представлял собой нечто неуправляемое, не поддающееся никаким навигаторским расчетам. Знаменитый флотский академик Крылов, будь жив, наверное, ужаснулся бы, увидев на речной волне этих фантастических каракатиц...

Но у монтажников не оставалось в запасе даже нескольких дней. Чтобы ябургский гигант в 1986 году дал стране первый газ, самое позднее осенью 1985-го блоки требовалось доставить к заполярным берегам. Страна, набирающая ускорение, не могла позволить себе отстать на целый год с освоением Ябургского месторождения, которое обеспечивает плановый прирост добычи газа.

Для речников операция «Понтон» грянула почти неожиданно, они узнали о ней весной. Конечно, лучше всего понтоны было бы тянуть по большой воде, но в это время в Обской губе, у берегов Ямбурга, лед еще стоял сплошняком. А самый лучший вариант — вообще отказаться от транспортировки сомнительных понтонов, тем более что и юридические права были на стороне речников: ни один строгий регистр не взял бы на себя ответственность выпустить суперблоки в «море». Понимая, на какой риск они идут, нижеобские речники не отступили.

Самодельные судостроители тем временем еще немного «протележились», и операция с понтонами перенеслась на самые трудные навигационные месяцы — осенние, штормовые сентябрь и октябрь. Буксировщиками отобрали самых знающих и осторожных капитанов. Но первый понтон пошел ко дну там, где Иртыш сливается с Обью. Еще один в совершенно спокойную погоду перевернулся у острова Начального уже за Полярным кругом. Третий опасно накренился и сел на мель в Обской губе у Надымского бара. Еще один затонул прямо на виду Ямбурга, у его отмелого берега.

Как ни удивительно, остальные понтоны на плаву держались. Правда, судостроительные дилетанты придали им не характерное для плавсредств свойство — понтоны вбирали в себя воду, как половые тряпки. Однако девятнадцать понтонов из двадцати трех к середине полярного октября уже стояли на ямбургском берегу; «утопленников» тоже вытаскивали, откачивали, клепали и вели дальше курсом норд. Тяжелее всего пришлось с «этажеркой» у острова Начального — она буквально рассыпалась, и водолазам приходилось собирать ее по крохам на обском дне. А наверху уже грохотал осенний ледостав.

Задача первой понтонной навигации была выполнена достойно. С берега тяжелотонные блоки перетаскили по зимней тундре на место-рождение, и к сентябрю 1986 года, досрочно, страна получила газ Ямбурга.

Как всегда, на торжественном пусковом митинге упомянуть речников забыли. Есть такая традиция: а при чем здесь извозчик?

К тому времени речники заканчивали перевозку второго блочного завода-промысла. Сибкомплемонтаж сделал необходимые выводы, и новые понтоны, не в пример первым, были устойчивее, герметичнее, стройнее и не старались завалиться набок при первом удобном случае. (Так как на Ямбурге ждут еще пять таких промыслов, надо полагать, что понтоны нового образца будут отвечать всем требованиям судоводителей.) Речники же отказались от слишком мощных буксировщиков, бурный след которых захлестывал нос понтона. Восьмисотильные ОТА тащили понтоны потише, но понадежнее. На «морском» отрезке — по Обской губе — задействовали «челнок»: толковые капитаны, набравшиеся понтонного опыта, привыкшие к короткой толчее волн в губе, работали только на этом участке. Тридцать очередных суперблоков были доставлены к месту монтажа.

— Как Обь, — поинтересовался я у одного из капитанов, — как Обь терпела это надругательство? Действительно, пустили какие-то каракатицы, оскорбляющие ее речное величество.

— Обь вела себя безукоризненно, — улыбнулся речник, — была к нам чрезвычайно благосклонна. У меня даже создалось впечатление, что река сама с огромным интересом наблюдала, чем закончится наша затея. Конечно, были и туманы, и резкие смены ветров, и штормило, особенно в губе, но, пожалуй, все это не переходило рамки дозволенного, того, что могли вытерпеть и мы, и эти хрупкие, ненадежные сооружения с таким, казалось бы, грозным названием «суперблок».

ней палубе свои стихи. Были они неумелы, но одна строчка врезалась в память: «Потные спины рек»...

Наверное, образ не совсем точный, но что-то в нем все-таки было...

Я тогда поправил стихотворца:

— Может — взмыленные? Взмыленные спины рек.

Он, как все начинающие, гордо не согласился:

— Взмыленные... Это река под ветром, в белых барашках. Нет, именно потные. Я как сейчас вижу — река прямо лоснится от напряжения, истекает потом.

Их не переспоришь, начинающих искать гениально-точные образы.

Взмыленные, потные... А впрочем, действительно что-то есть... подходящее для этих неистовых, вечных трудяг.

ЯЗЫЧЕСКИЙ

БАЛЕТ

Какой путевой очерк обойдется без дневниковых записей? На весь дневник замахиваться — несерьезно, но хотя бы кусочек привести, наверное, следует: все-таки первые впечатления.

Останавливаю свой выбор на записи, сделанной в селе Шеркалы. Встречи в нем запомнились, что-то особо привлекало в бесхитростной жизни на обских берегах.

Пожалуй, это стариннейшее село Северной Сибири — год его основания 1596-й. Этому событию посвящен подобающий памятник — на церковном холме строгий обелиск с ажурным корабликом. Основатели русских Шеркал — крутые люди казаки, — видимо, поэтому и выбрали это место с редкой для низменных обских берегов настоящей кручей. С реки казачий острожек был попросту неприступен. Впрочем, выбор места вовсе не казачья заслуга.

В центре сельца, огороженный орнаментальной оградкой, стоит скромный домик, выделенный сельским Советом под хантыйский этнографический музей. Здесь я и встретил давнего знакомого — хантыйского художника-самоучку Митрофана Тебетева. Живет он давно в Ханты-Мансийске, а Шеркалы его родина. По просьбе книжного издательства Тебетев взялся писать историю родных мест, исписал уже пять тетрадок, но — жалуется — по контракту надо еще десяток написать, а материал набирается трудно. Митрофан Алексеевич и поведал часть пер-

воначальной истории Шеркал. Казаки, как всякие смышленные люди, много не мудрили, а, доверяя здравому смыслу и опыту коренных таежников-ханты, расположились рядом с их поселением Шашвож. Переводится это имя — «заспанный город». Странное, не правда ли, название? Оказывается, старинные шашвожцы выбрали место безукоризненно безопасное. Крутая, практически неприступная, тогда еще не изрезанная оврагами береговая стена, а впереди — речная заводь, заливчик. Шашвож с реки совершенно не просматривался, он скрывался могучими береговыми елями, кедрами, и если с другой стороны Оби двигался злоумышленный отряд, он непременно выходил к заливчику и сразу показывал безоружную спину осторожным шашвожцам. По этому мыску-пригорку Шашвож, постепенно разрастаясь, пополз вверх на кручу, превратился в казацко-сторожевые Шеркалы.

Музей в селе взялась организовывать географичка-историчка из местной школы, но потом переехала в райцентр, и все музейные заботы легли на плечи Митрофана Алексеевича. Как-то летом Тебетев привез из соседнего Лохподпугора уникальные вещицы. У знакомого старика выпросил плетенный из кедровых корней колыдан — первобытный рыбацкий трал, дедово наследье. Разыскал кремневое ружьишко аж семнадцатого века, но главная находка — «святой» сундук: в нем давнишние женские платки, в узелки которых завязаны старинные монетки.

Тебетев все это выкладывает-показывает, вроде и вещи-то простенькие, а ведь за ними связь веков, связь поколений!

Мне художник Митрофан нравится, по-сибирски говоря, шибко. Лицо особой, тонкой внутренней опрятности. Талант его, наверное, укромный, смиренный, но — талант. И живопись его аккуратна, опрятна, но это не профессиональная гладкопись, в картинах уважительное отношение мастера к простым людям, к незамысловатым предметам, к понятному, устоявшемуся миру, который он останавливает-запечатлевает на своих полотнах. Художнические поползновения мастера бесхитростны, незатейливы, почти простодушны. Вот он переделывает композицию «Приемка рыбы», где изобразил рыбоприемный плашкоут, к которому подъехали промысловики-ханты на легких лодках. Ему не нравится, что плашкоут загроздил центр картины.

— Заполз, как стрежнем его сюда занесло, — оправдывается художник. — А надо, чтоб все видели калданочки. Раньше на этих лодочках рыбачили, сейчас совсем забыли, нет калданок на реке. А забывать разве можно?

все глобальными проблемами бытия начнут заниматься, кто же другой возьмется-насмелится?

Мне эта художническая «мелочность» нравится. Маленькое внимание рождает большую любовь. Крохотная родинка на плече любимой... Любишь родинку, а оказывается, жить-то не можешь без чело-века.

Калданка опрятного художника Митрофана далеко плывет-уносит. Не только к толстогрудому плашкоуту. В детство... Пора, впрочем, и о детях...

Таких впечатлений я давненько не переживал! Во-первых, по отношению к школьному ансамблю я сразу настроился скептически-критически. Странные школьники, странные подработки, даже на каникулы не разъезжаются, чтобы только заработать туристскую пепси-колу. (Я подъезжал к Шеркалам на туристском теплоходе.) Поэтому на концерт школьного ансамбля с наилучшим названием «Лесная сказка» шел без особой охоты. Но детский замах удивил. В бывшей церкви, в нынешнем холодном клубе с тесной сценой, юные артисты показывают туристам спектакль по «Языческой поэме» Ювана Шесталова. Впрочем, это не просто спектакль, может, опера, может, балет. Самая старшая балерина — девятиклассница, остальные и того меньше. Вел спектакль восьмиклассник, а вот в роли ведущего, Поэта, не постеснялся выступить сам сельский мэр. На детском фоне он выглядел монументально, величественно. А дети на сцене резвились, увлекались, фальшивили, пели-танцевали, шаманили, добивались пронзительной чистоты и были безупречно искренни.

Весь этот детско-языческий спектакль создал — написал музыку, придумал хореографию — здешний учитель пения Дмитрий Георгиевич Агеев. Присутствующим сообщили, что он уезжает в райцентр на «метеоре» и предоставил всю полноту режиссерско-постановочной власти самим участникам спектакля-оперы-балета.

Как все-таки прелестны и хороши провинциальные школьные оперы! Как привлекательно, что современные дети играют не рок, не поп, а национальную оперу, сюжет которой связан с их родными местами, с этой древней, язычески могучей страной. А школьники обычные, после спектакля я видел их в «бананах», кроссовках (не обходит мода и эту даль), и патлаты они по-современному. А впрочем, может, как древние ханты, ножниц не знавшие?

Профессионально это самодеятельное языческое действо, вероятно, не очень высоко (хотя то, что «Языческая поэма» на язык балета-опе-

ры-музыки просится — безусловно, надо подсказать Шесталову, пусть он подбросит идею знакомым композиторам), но уж очень подкупающе искренне.

«Метеор» по причине большого волнения на Оби не ходил, и в конце спектакля появился сам Агеев. Он скромненько отсидел на последней лавочке и вышел на сцену после бурных туристских оваций. Концерт на этом не закончился, дети с учителем начали петь песенки, которые сами сочиняют. Вообще происходящее на сцене становилось похожим на репетицию, только выглядело занимательно. Юные артисты пели-играли раскованно, свободно, как у дружеского костра. Их руководитель вел себя почти ребячливо, но и это не выглядело наигранным, а, наверное, детство в нем жило-затянулось, и видно было, что этот шеркалинский Сухомлинский с детьми вовсе не работает, он с ними живет-играет. Песенки их были непривлекательны, не всегда им доставало вкуса, иногда прорывался-пробивался ненужный и неестественный пафос — но кто ж высоким штилем воспевает их единственные, неповторимые Шеркалы?

Моя соседка, туристка из знойного Душанбе, вздохнула со столичным высокомерием:

— Этой деревне повезло на такого человека!

А мне подумалось, что школьникам-артистам повезло на их юность. Нам в юности часто не хватает такого талантливое взрослого пацана, понимающего нас. Придет трезвая, здравая зрелость, но прелесть юных творческих забав останется навсегда. Пусть вырастет из этой примабалерины добросовестная, добропорядочная хозяйка, но будет жить в ней память ее юных прозрений, приобщения к искусству. И этому патлатому режиссеру, станет ли он шофером, ремесленником или охотником-промысловиком, будет что вспомнить. Учитель пения Агеев, видимо, сумел создать атмосферу содружества, сотворчества, что так необходимо в юности, а пригодится на долгие годы. Это — состояние души творческой и потому вечно юной — важнее, чем сама опера.

Я не стал подходить к Дмитрию Георгиевичу, расспрашивать. Зачем слова, когда видел дело?

Прощаясь, туристы передали артистам «Лесной сказки» свои подарки — ящики пепси-колы, арбузы, собранные рубли. Конечно, момент не особо привлекательный, когда сталкиваются подкупающее искусство и низменно-материальная оценка. Но, оказывается, именно с туристского рубля шьются костюмы, готовятся декорации, совершаются гастролы в ближние и дальние села. Поэтому-то, выясняется, школьники

в туристский сезон (и Агеев вместе с ними) на каникулы из Шеркал не уезжают, а, как всякие чернорабочие искусства, зарабатывают на насыщную жизнь, на артистический хлеб.

Это «заспинное» село на обском, тайгой заросшем крутояре как подарок. И встреча с юной «Лесной сказкой» — тоже подарок. Надолго.

Вернуться в Шеркалы?

Вернешься через год, но не застанешь там Агеева. И это будет совсем иное село. А мы еще обижаемся, что от нас так мало зависит...

ЗАБЫТОЕ

ОТКРЫТИЕ

Никакой научной представительности — сенозаготовки, да и только: правда, кучки сена разложены аккуратно, системно и даже аромат засушенных трав, хотя и очень запашистый, и то как-то упорядочен.

В пустующих летних классах школьного интерната расположились не сезонные сенокосчики, а ученые-ботаники. Посмотришь на их «сенокос» и четко осознаешь, насколько в любом научном исследовании много черновой работы.

Специалисты Института экологии растений и животных Уральского отделения Академии наук СССР несколько сезонов назад начали исследования по программе «Пойма Нижней Оби». Аспирант института Игорь Скулкин ведет сезонно-регулярный «сенокос» недалеко от села Шурышкары именно по этой программе. Пойму северной Оби изучают и другие ученые — почвоведы, ихтиологи, но главное место отведено ботаникам. Правда, люди скромные, они стараются работать незаметно.

За шурышкарской околицей — луговое раздолье.

Я начал с шутки о научно-исследовательском «сенокосе». Игорю шутка не понравилась, но вида он не показал, как всякий уважающий себя ученый, работу которого обывательски недооценивают.

— Вот о ком вам надо писать, о Барышникове.

— Кто такой? — поинтересовался я после паузы: названной фамилии что-то не припоминалось.

— Выдающийся сибирский геоботаник.

— Так я же рекой интересуюсь... (Подразумевалось — какое отношение к Оби могут иметь геоботаники.)

— Вы упрощенно понимаете систему «река», — снова обиделся за 109

родную науку молодой аспирант.— Разве река — только вода? Обязательно еще и пойма. Обская пойма — это ж уникам. Ни на одной реке такой живой поймы вы не найдете.

— Пойма — дитя Оби. Правильно я понял?

— Упрощенно, но в принципе верно,— сдержанно оценил мою понятливость серьезный аспирант.— А открыл обскую пойму Михаил Калистратович Барышников.

— За четыреста лет русские на берегах Оби умудрились не заметить ее поймы? — Меня в этом разговоре почему-то тянуло на ненужное подтрунивание (наверное, все началось с «ученого» сена), и это заметно обижало собеседника.

Однако Игорь уже взял себя в руки и на мои подначки не откликнулся.

— Заметить заметили, но не оценили. А Михаил Калистратович отдал ее изучению тридцать лет. Площадь лугов Оби и Иртыша, как он подсчитал, два с половиной миллиона гектаров. Явление мирового масштаба. И для науки, и для сельского хозяйства, ведь эти луга — колоссальный резерв животноводства.

— Параллельно Оби может течь молочная река? — снова не удержался я.

— А вы посчитайте — сколько коров можно прокормить на этих миллионах гектаров. Разыщите барышниковскую книгу «Луга Оби и Иртыша Тобольского Севера».

Позднее, после встречи с молодым ботаником, я после долгих поисков эту редкую и очень скромную с виду книжечку разыскал. Вышла она в 1933 году в издательстве Госземобъединения и, хотя по солидности содержания не уступала серьезной монографии, числилась печатным отчетом Тобольского окружного отдела землеустройства Уральского отделения Госземтреста.

Как всякий научный отчет, для постороннего читателя она суха и скучна, но современники-коллеги Барышникова сразу осознали важность сделанного открытия. Некто Еленевский из НИИ организации территории (какие прекрасные институты существовали!) писал, предваряя барышниковский отчет:

«Заслуга товарища Барышникова (его экспедиции), впервые открывшего огромнейшие просторы заливных лугов в низовьях Оби, весьма велика. Он описал их не только в геоботаническом отношении, но и указал в цифрах те действительно огромные размеры, которых достигают эти луга».

Специальные экспедиции Наркомзема СССР (они проводились с 1931 года) полностью подтвердили открытие Барышникова.

Что же открыл сибирский ученый? Не удержусь, приведу две красноречивые цитаты из его отчета.

«Исходя из расчетов общую продукцию обских и иртышских естественных лугов в пределах Тобольского Севера можно исчислять свыше пяти миллионов тонн сена в год. При максимальной ежегодной потребности в корме в шесть тонн сена на голову, эти луга могут прокормить ежегодно до 900 000 голов крупного рогатого скота. Таковы возможные сенные запасы естественных лугов Тобольского Севера... Продукция же всех естественных лугов Оби и Иртыша (Тобольский Север и Нарымский край) исчисляется почти вдвое большими цифрами».

«Нас могут обвинить в излишнем оптимизме в отношении возможностей хозяйственного использования обских и иртышских лугов,— предупреждал неизбежные возражения оппонентов Михаил Калистратович.— Наш оптимизм, надо сознаться, основан отчасти и на том впечатлении, какое произвели на нас никем не используемые необозримые луга низовьев Оби и Иртыша. Многие миллионы тонн имеющейся зеленой массы ежегодно используются лишь в ничтожной доле, остальное безвозвратно пропадает. Когда подумаешь о миллиардах, ежегодно теряемых народным хозяйством на лугах Оби и Иртыша, невольно становишься пропагандистом скорейшего овладения этим богатством. Здесь единственное возражение — руки не доходят. Действительно, на Севере мы упираемся в недостаток людей».

Ученый, кажется, оправдывался в своем оптимизме. Еще бы, его открытие лежало если не под ногами, то прямо на берегу!

Полсотни лет минуло. А ведь мысли Барышникова несколько не утратили актуальности, разве что нынче грех жаловаться на «недостаток людей».

Книжечка с порыжело-зеленой обложкой (даже страницы ее не разрезаны) явно не пользовалась читательским вниманием, незаметно забыт и сам прорицатель, и его мысли, и его открытие.

Какая-то фантазмагория!

В то время, когда ни один уважающий себя ученый на «белые пятна» не рассчитывает, происходит поистине великое открытие. Скромно, незаметно открывается зеленый материк, на котором можно вырастить почти миллион коров. Целое луговое государство, страна-пастбище, сенокосный Бенилюкс! Однако мимо открытия проходят, не обращают на него внимания, забывают. Вместо молочных рек в сибир-

ских селах и городах, особенно на нефтяных новостройках,— огромный дефицит коровьего молочка.

Какой-то рок над барышниковским открытием. Нет, его никто не опровергал, но забвение в науке хуже ниспровержения. Конечно, промышленное освоение кое-где луга окоротило, но основной ресурс до сих пор не использован.

Что мешает? Взять эти травы, понятно, не так просто — обская пойма капризна, времени на сенокос оставляет немного, современная техника по низменной луговине не идет. Но никто эту технику и не развивает, не приспособливает ее именно под обскую пойму, специально для нее ничего не изобретается. Правда, в Томской области пришлось видеть плавучие сенозаготовительные заводы-вахты. Но это пока самодеятельность, до настоящей кормозаготовительной индустрии дело не дошло.

Жаль, очень жаль. Единственно, что внушает оптимизм,— этот резерв все еще не поздно ввести в сельхозоборот.

Игорь Скулкин смотрит на проблему с точки зрения вечности:

— Обидно, конечно, что такое открытие лежит втуне, но, наверное, это вообще свойственно человечеству, которое частенько объявляет новым хорошо забытое старое. Наверное, барышниковское открытие пришлось не ко времени — Сибирь решала другие задачи. В то время главными сельхозотраслями на северных берегах Оби считали оленеводство, пушное звероводство, добычу рыбы. Сейчас здесь растут крупные индустриальные центры, растут быстро, возникает проблема их обеспечения. Экономичнее и выгоднее производить продукты на месте — при такой-то уникальной кормовой базе. Остается решить проблему освоения этих лугов. Мы на третьем этапе научных исследований. Первым пиком было начало работ Михаила Калистратовича, в конце пятидесятых годов к проблеме активно подключились ученые МГУ, но, видимо, тоже не совсем своевременно. Будем надеяться, что наш, третий пик станет самым результативным.

Исследования М. К. Барышникова имеют не только сугубо практическое значение. Выходец из самой знаменитой в стране ленинградской ботанической школы академика В. Л. Комарова, он провел свои исследования на высоком профессиональном уровне: тщательно описал луговые ассоциации, определил их видовой состав, установил основные типы обских лугов, высчитал продуктивность. Его открытие строго научно аргументировано, хотя даже приведенные цитаты позволяют за-

О жизни самого Барышникова придется сказать очень кратко, хотя бы потому, что о нем ничего не писали, а сохранились ли его документы — неизвестно. Почему он в тридцатых годах оказался на Севере — можно только предполагать: либо был слишком большим энтузиастом и, начав работать, уже не хотел отсюда уезжать, либо сюда его привело по тогдашним временам вполне ordinary несчастье (тогда и ботанику вульгарно политизировали). В Обдорске (Салехарде) он одним из первых защитил кандидатскую диссертацию на Ямальской сельхозопытной станции, однако после выхода госземовской книги публиковался редко.

В загадке его непроясненной жизни мне чудится какая-то трагедия, сдается, он основательно подрастерял свой оптимизм, когда год за годом наблюдал, что его открытие оказалось никому не нужным.

Впрочем, Игорь Скулкин со строгостью, присущей молодым ученым, меня предостерег:

— Вы, пишущие, позволяете властвовать своим настроениям, хотя для них нет весомых аргументов. Как я понимаю, Михаил Калистратович был человеком интересной судьбы, практически вся его жизнь связана с Обью, с научными экспедициями. Он часто путешествовал и много сделал для науки. Пока единственный источник информации о нем — его статьи и отчеты. А по ним можно сделать лишь одно предположение — настоящий, крупный ученый. Пережил ли он трагедию? Думаю, несмотря ни на что до конца дней своих он верил, что его открытие пригодится людям.

Будем верить и мы. Будем верить, что третий пик внимания к обской пойме окончательно определит ее роль в жизни сибиряков.

...Я беру в руки пучок недавно скошенной травы (Игорь назвал все травы в нем, да я быстро позабыл), поникшие, квелые, засыхающие стебли. Вид у лугового букета, наверное, жалкий, но как одурманивающее пахнет! Ветром с реки, солнцем, простором, мгновенной жизнью...

И в этот миг мне стал понятнее далекий и почти незнакомый Михаил Калистратович Барышников, поэт и чернорабочий своей науки, который — несомненно! — верил, что время для использования его открытия непременно придет.

НЕИСТОВЫЕ

ПРОЖЕКТЕРЫ

В одном из отечественных архивов отыскалась старая английская карта. Безымянная — автор поскромничал и своего имени не поставил. Исследователей особенно привлекли записи, нанесенные твердой рукой прямо на полях рисованного атласа:

«В 1789 году английский полковник Бетсон с английскими матросами исследовал возможность соединения Карской губы с Обью. Он осмотрел две линии, которые обе начинаются от Оби ниже Обдорска, простираются в различных направлениях до Карской губы».

Интерес британской короны к богатой Сибири понятен — самая мощная морская держава и на севере хотела господствовать не меньше, чем на юге.

Кажется, Бетсон открывает список тех, кого не устроило естественное природное течение Оби, и он начал поиски, как бы приспособить реку к своим интересам. Вообще Обь в силу величины, великости своей постоянно смущала дерзкие умы. Может быть, я худовато знаком с историей других рек, но сложилось впечатление, что Обь своеобразная рекордсменка по проектам и прожектам. Что-то в ней не устраивало и наших соотечественников, и заморских визитеров. Или именно на ней хотелось испытать величественную глобальность своих замыслов? Каких только изменений ей не пророчили!

Побратать с Енисеем.

Обратить вспять.

Повернуть устье в Байдарацкую губу.

Обручить с Печорой.

Сделать Обь истоком внутреннего «Сибирского» моря.

Просто какое-то неистовство прожекторов, пожалуй, неуважительное по отношению к реке и природе, ее сотворившей. Не только у одного Бетсона чесались руки вмешаться в прерогативы бога, переделать его божественное творение.

И разумных проектов, и невоздержанных прожекторов существует неимоверно много, о всех рассказывать долго, но мимо некоторых пройти попросту неучтиво.

В 1871 году появилась на свет брошюрка со странноватым названием «О наводнении Арало-Каспийской низменности для улучшения климата прилегающих стран». Автором был мало кому известный ин-

женер Я. Г. Демченко. Хотя брошюру печатали в Киеве, она имела непосредственное отношение к судьбам Западной Сибири. Киевский инженер предлагал вещи не просто грандиозные, а прямо-таки фантастические.

«Если с одной стороны прорыть водораздел между Убаганью и Тургаем и углубить, насколько потребуется, русла последних,— предавался обольстительным мечтам автор,— а с другой — запрудить Обь у места соединения ее с Иртышом, так чтобы она поднялась до уровня окружающей равнины, т. е. на высоту около 35 сажен против настоящего своего уровня, то Обь, наводнив свою долину и долину впадающих в нее рек на известное расстояние вверх от запруды, или, иначе говоря, образовав ветвистое озеро на месте речных долин своей области, потекла бы по направлению Тобольской долины, прорытого канала и долины Тургая прямо в Аральское море».

Искушенный читатель наверняка догадался, что речь идет об одном из первых проектов поворота сибирских рек на юг. Первым подобную идею высказал автор солидного «Путешествия по провинциям Российской империи» П. С. Паллас. Это случилось еще в конце восемнадцатого века. А «Колумб девятнадцатого века», как называли знаменитого Александра Гумбольдта, одобрительно отнесся к Палласовой фантазии. Странное отношение к Северу — он и так достаточно обкраден природой, но даже великие мыслители полагали, что ущемить Север надо еще больше.

Как говорится, идея носилась в воздухе, и, охваченный преобразовательским зудом, инженер Демченко превратил ее в конкретный проект, который, пожалуй, можно обозначить так: «Обь впадает... в Аральское море».

По проекту Демченко, сибирские воды затопили бы Омск, Астрахань, Баку, миллионы гектаров плодородных земель, но все это и полушки не стоило — главное, мыслил прожектант, улучшить климат Арало-Каспия. Заплатить Западной Сибирью за Арал Демченко, видимо, не считал большой ценой. Скандальный проект практического хода не получил, однако и в небытие идея — увы! — не ушла. Ведь что такое Сибирь и как понимать ее роль, прекрасно выразил царский генерал Андриевич, который с присущей жандармам прямотой писал: «Это огромнейший в мире пустырь, не пригодный для жизни и ценный для государства только как место для ссылки». Почему бы и интеллигентному инженеру благородно не принести в жертву это «проклятое место» во имя блага человечества?

...Передо мной карта Среднего региона. Карта почти свеженькая, ей чуть больше трех десятков лет, ее опубликовал яростный поклонник перебреса, еще один инженер, но уже советский — М. М. Давыдов.

Карта не просто странная, а, пожалуй, страшная, даже так — чудовищная. Все «сердце» Западной Сибири на ней занимает черная клякса, из которой проступают слова «Обское вдхр.». Под водами уродливого «вдхр.» оказались Томск, Тюмень, Омск, Ханты-Мансийск, Тобольск. Свердловск — приморский город, а на востоке волны этого моря-«вдхр.» сливаются с енисейским потоком.

Бред?

Но автор тоже не стеснялся вмешаться в божественные prerogatives, поскольку:

«Мощные водные артерии текут на север и бесцельно сбрасывают воды в Ледовитый океан».

Да, природа цели не знает, оказывается, знает ее только Митрофан Давыдов...

Чтобы затопить страну электричеством, автор промышленной фантазии согласен затопить водой пол-Сибири:

«Мы знаем, будущее наше! Поэтому так крылата наша мечта, так величественны наши планы, так смелы наши дерзания».

Мечтать негрешно. Пожалуй, мечтатели нам симпатичнее, нежели бескрылые, приземленные реалисты. Инженер Давыдов высказывал свои идеи в пятидесятые годы, спорить с ним, наверное, бесполезно. Но, наверное, есть смысл вдуматься в психологические мотивы, которыми руководствуются подобные ему дерзновенные мечтатели, о чем они хорошо помнят, но что прочно забывают.

Проект Давыдова выглядел, по словам автора, так:

«На Оби, ниже впадения в нее реки Иртыша, сооружается плотина 78-метровой высоты. Разлившись, вода затопит прилегающие пространства. Возникнет гигантский искусственный водоем — Сибирское море (Обское водохранилище) — площадью двести пятьдесят тысяч квадратных километров: вчетверо больше Азовского моря. Затопив в основном северные районы... Сибирское море по пойме рек Иртыша и Тобола подойдет вплотную к водоразделу между Западной Сибирью и Арало-Каспийской низменностью. Здесь перед обской водой возникнет препятствие — так называемые Тургайские ворота. Длина Тургайских ворот восемьсот километров. Такой протяженности и должен быть искусственный канал, по которому обская вода из Сибирского моря направится в южные пустыни и степи... Эта искусственная река, равная по

водности Волге, появится в выжженных солнцем пустынях и безводных степях! Соединение большой воды и обильного солнечного тепла преобразит облик арало-каспийских пустынь».

Кто станет отрицать, что вода — это живительное благо для засушливого юга? Но какова цена этого блага?

С непростительным высокомерием автор проекта писал о том, что должно быть принесено в жертву: «Затопив в основном северные районы, занятые болотами, кустарниками, лесными зарослями...» Миллионы гектаров замечательной сибирской тайги — зеленых легких планеты — для него не более чем лесные заросли...

Автор забывал, что в природе нет первостепенного и второстепенного, в ней все — едино и важно, ибо это цельный организм. Сибирские реки несут свое тепло не куда-нибудь, а в Арктику, в ту «кухню погоды», которая формирует климат всей планеты. Если эта «кухня» не получит положенного речного тепла, ясно же — это повлияет на погоду в глобальных масштабах. В частности, суровый климат Западной Сибири, конечно же, станет еще жестче. Но Давыдов утверждает совсем другое:

«Благотворные климатические изменения произойдут и в самой Сибири».

Зачарованные, замороженные своими иллюзиями, вроде бы бескорыстные мечтатели старательно отбрасывают то, что мешает построению их заманчивых воздушных замков. А где же изначальное благородство любой мечты? Разве неблагоприятные средства не компрометируют возвышенную цель? Если мечта строится на ложных посылках, если для привлечения сторонников используются передержки, некомпетентные расчеты, сугубо умозрительные, непроверенные данные, о каком благородстве может идти речь?

Давыдов, не мудрствуя лукаво, считал, что поворот сибирских рек на юг был бы не чем иным, как восстановлением геологической справедливости. «Повернув часть стока Оби на юг, — писал он, — мы восстановим ее древнее течение». Инженер не геолог, но смело, широкими, яркими мазками рисовал геологические картины. Неважно, что они ничего общего с действительностью не имеют, зато как заманчивы! И коли мечтателю очень хочется, он перекроит и геологическую историю. Ему мало дерзко преобразить будущее, он похозяйничает и в прошлом. Где настоящий ученый осторожно действует скальпелем, такой мечтатель орудует штыковой лопатой.

«Новый водный путь будет одновременно и первоклассной транс- 117

портной магистралью,— продолжал экологический абстракционист.— При двадцатиметровой глубине искусственной реки, которая соединит Карское море с районами Арало-Каспия, крупные суда смогут из Игарки следовать в Москву, из Енисейска — в порты Каспийского моря».

Мечтать, сомневаясь, наверное, нельзя. Или мечтать, или сомневаться! И в этом проекте нет ни одного слова, хотя бы вскользь, о том, что связи в природе сложны и хрупки, что не все так просто, как нам порой хочется. Все только в утвердительном ключе:

«Энергетический эффект поворота сибирских рек будет столь же разителен, сколь и «оросительный».

Считается, что мечтатели приближают будущее. И это действительно так. Но книга «Рассказ о великих реках», одним из соавторов которой был Митрофан Давыдов, вышла в 1955 году. Березовский газ к этому времени уже был открыт, начинался поиск сибирской нефти. Но, мечтая широко и размашисто, автор глобального проекта такой мелочи, как «открытие века», не придал значения. А ведь не просто «лесные заросли» попадали под Сибирское море, но и Самотлор, Шаим, практически все нефтяные месторождения Среднего Приобья.

Да, хорошая мечта — дерзкая мечта. Но широта кругозора и глубина анализа не помешают дерзновенному мечтателю. Может, и хотелось бы помечтать вместе, хотелось бы согласиться с автором, что «сегодня это мечта, завтра — явь», но что-то не хочется... Видимо, только в последние годы мы начали ясно сознавать: человеческие преобразования должны все же учитывать, что природа достаточно мудра и за века своего существования в ней установилось то соразмерное равновесие, которое не следует нарушать.

Но в пятидесятые годы давыдовский проект получил влиятельную поддержку. Не кто иной, а патриарх отечественных географов, почтенный академик и радетель Сибири В. А. Обручев выступил с безусловной поддержкой:

«Этот проект... нужно считать грандиозным, вполне исполнимым даже без чрезвычайных затруднений и огромных затрат».

Человек, которого мы знаем и как писателя-фантаста, автора романа «Земля Санникова», был, видимо, заморожен фантастическими масштабами проекта; умудренного географа, наверное, утешала ребячливая мысль, что можно переиначивать географические очевидности и смело писать: «Обь будет впадать в Каспийское море».

неудержимый оптимизм. Серьезный географ, профессор Екатерина Орлова строила «иллюзии-51»:

«Суровый Север побережья Ледовитого океана будет утопать в электрическом свете, мощные отопители разгонят холодную зиму, растает вечная мерзлота, мхи и лишайники уступят место бескрайним полям, садам и лесам».

Сегодня многие из нас думают по-иному. Природа уж так устроена, что, если мы берем у нее в одном месте, обязательно теряем в другом и, пытаясь улучшить одно, обязательно ущемляем другое.

Я рассказываю о давних идеях, тех, которые именовали «сталинским планом преобразования природы», но симптомы этой преобразовательной эйфории очень живучи. Сторонники поворота сибирских рек, переброса сибирских вод, по существу, и сегодня оружия не сложили. Настоящим защитникам природы, ее гармоничности и разумности нужно постоянно быть начеку.

Мне хотелось писать об Оби величаво — с точки зрения вечности, но все время заносит на злобу дня, хочется доспорить. Наверное, это и неплохо. Пусть мои заметки останутся вехой своего времени. Мы не можем выпасть из него, ибо против этого потока мы бессильны выгрести, и кто-то через десятки лет, возможно, ниспровергнет мое куцее экологическое благоразумие.

Один из прожектов все же был благополучно осуществлен.

Есть у селькупов — таежного народа, живущего в Обь-Енисейском междуречье, одна примечательная поговорка, которая в общем-то положила в конце прошлого века начало одной грандиозной сибирской стройке:

— На Орловой гагара кричит, а на Малом Касе слышно.

Знающие сибирскую географию быстро вспомнят, что речка Орловая впадает в правый обский приток Кеть, а Малый Кас — «сын» Большого Каса, левобережного енисейского притока.

Гагара кричала, гагара гадала...

Как здесь опрометчиво не соблазниться, не задаться, казалось бы, посильней задачей — обручить богатыря Енисея с красавицей Обью. Ведь нет другого такого места, где они так близко подходят друг к другу.

Первым соблазнился — в середине прошлого века — енисейский купчик Фунтусов. Он прокопал восемь верст существовавшего здесь давнего волока. Но «прокоп» не принес ожидаемого эффекта: енисейско-обский путь мог действовать только при большой воде. Фунтусов, 119

хотя и провел с Енисея на Обь несколько барж, большого барыша не получил.

Но фунтусовский замысел не высох вместе с обмелением «прокона». Большая пропагандистская кампания, затеянная сибирскими патриотами, привела к тому, что царский департамент водяных коммуникаций с большой неохотой рискнул взяться за престижный канал. Соединительный путь был выбран по маршруту: Кеть — река Озерная — река Ломоватая — река Язевая — озеро Большое — Малый Кас — Большой Кас.

Строительство началось в 1883-м, а закончилось только в 1914 году. Долгий срок свидетельствует и о трудностях предприятия, и о скромных индустриальных возможностях царского режима.

Подряд на работы по Кеть-Касскому каналу взял барон Аминов. Он считался выдающимся гидротехником своего времени. Но, и не без оснований, утверждали, что это был выдающийся аферист и казнокрад. Точную сумму украденных денег, конечно, никто не сумел подсчитать, но, по слухам, из пяти миллионов, отпущенных царской казной, барон умудрился истратить на канал только один. О гидротехническом таланте этой широкой натуры свидетельствует то, что и на оставшийся миллион Аминов сумел сделать немало. Правда, вместо двадцати восьми намеченных шлюзов была устроена ровно половина, канал мог пропускать только малогабаритные суда, а не те, что к тому времени уже курсировали по Енисею и Оби.

«Мелководность рек, шлюзование небольшой их части, извилистость Кети и ее притоков, короткий навигационный период, удаленность устья Большого Каса от основной в то время пристани на Енисее — города Енисейска и, главное, удорожание прохождения товаров из-за перегрузок с крупногабаритных судов на мелкошлюзные, — считает Л. К. Малик, — все это обрекло Обь-Енисейское соединение на бездействие и постепенное забвение».

Во время гражданской войны в Сибири аминовский канал, спрятавшийся в глухой тайге, почему-то особенно приглянулся бежавшим белогвардейцам. Металлические части шлюзовых сооружений они использовали для каких-то нужд, а после «гражданки» речь о восстановлении канала уже идти не могла. В паводок один-два каравана сугубо местного значения по каналу все же пробирались.

Самая большая грузовая операция была проведена здесь в 1942 году, когда немецкие подлодки закрыли карский участок Северного морского пути. Вот тогда снова вспомнили о канале, и ранней

весной по нему прошло два каравана с необходимыми военными грузами. Но фашистские субмарины в отечественных арктических морях господствовали недолго...

Последний раз свою грузовую роль канал сыграл в 1980 году, когда из города Колпашева на Енисей пробрались два небольших катера.

Сегодня Кеть-Касский путь рекомендуется только отважным туристам — это их апробированный маршрут.

Лия Константиновна Малик, с которой я специально встретился в Москве в Институте географии АН СССР, вспомнила свое посещение канала в 1983 году — тогда отмечалось (скромно и среди немногочисленных посвященных лиц) столетие с начала государственных работ на соединительном пути:

— Конечно, запустение, обветшалые строения. Жалко немилосердно, ведь какой труд затрачен, какая благородная идея! И должна сказать — мастера в кетской тайге трудились замечательные. Деревянная система шлюзов сохранилась поразительно. А ведь это уникальное гидротехническое сооружение строилось практически простым топором. Основным материалом была выбрана лиственница, из нее сделаны плотины, шлюзовые детали, крепления откосов. Поражали и болты, которые за прошедшую сотню лет так и не поржавели — они ковались в местных примитивных кузнях. Высший сибирский класс! Я много слышала об этом канале, но не передать то восхищение, которое испытываешь, видя это мастерство, поразительную сложность и мастерство. Считаю, что эти гидротехнические руины нужно сохранить, как уникальный памятник сибирским строителям!

Только ли неумеренное корыстолюбие талантливого гидротехника Ампинова сослужило каналу печальную службу? Почему Обь-Енисейский канал так и не стал «Сибирским Суэцем», был ли у него такой шанс?

Как ни привлекательны сумасшедшие идеи, наверное, следует все же признать, что трезвая экономическая реальность плохо сопрягалась с романтическим замыслом, если бы барон даже и не воровал так широко. Серьезной экономической необходимости в канале не существовало. Иначе баржи ползли бы волоком, но ползли. А если канал благополучно скончался, окончательно даже не оформившись, наверняка и замысел был мертворожденным.

Впрочем, идея канала все еще будоражит ретивых энтузиастов. Уже упоминавшаяся Екатерина Орлова, например, вписывала Кеть-

Касский канал в единый глобальный речной путь Тобол — Иртыш — Обь — Енисей — Ангара — Байкал — Селенга — Монголия.

Существовал и чулымский вариант обско-енисейского соединения. Чулым в одном из своих колен подходит к Енисею на дюжину километров. Не соблазнительно ли сделать очередной «прокоп»? Но уровень Чулыма в этом месте на сто метров выше енисейского, получился бы не канал, а водопад — Чулым попросту впадал бы в Енисей.

История Кеть-Касского канала, конечно же, весьма любопытна, примечательна, это замечательная страница в обской истории. Пожалуй, и поучительная. Мы видим, как романтический замысел движется к неизбежному прискорбному концу. Об его участии следовало бы перво-наперво задумываться всем неистовым глобальным прожектерам.

РЕЧНАЯ

ДУША

Кабинет поэта на втором этаже. Отсюда, с высокого берега, открывается превосходный вид на разливающийся Полуй, который вдали, вон за теми островами, сливается с Обью. Нынче большая вода, понять трудно, где Обь, где Полуй и где они сливаются — сплошное море воды с островками. Но это не островки суши, а островки леса, деревья будто осторожно рискнули вброд перейти половодье, думая, что будет по колено, а оказалось — по грудки.

Почему-то — вспоминаю Александра Шумилкина — у творческих натур окна обязательно выходят на реку. Как не подумать о том, что речной простор настраивает на волну вдохновения?

— Хочешь загадку? — спрашивает Роман и, не дождавшись ответа, произносит на родном языке:

— Сот хоят и эсам? Сто человек сосут одну грудь?

Он смотрит на меня с некоторым торжеством, понимает — слабо мне разобраться в хантыйской народной мудрости. Но так как наш разговор был посвящен реке, подозревая, что загадка возникла в беседе не случайно, рискую:

— Неужели Обь?

— Сам догадался? — недоверчиво смотрит Роман. — Наверное, раньше слышал от кого-то из наших?

— Нет, первый раз.

— Да-да, ответ именно такой. У вас, у русских, иногда можно услышать — река-кормилица. А у нас Обь ассоциируется с материнской грудью, вскормившей нас. Река — молоко жизни.

Роман Ругин — известный хантыйский поэт — родился и вырос на обских берегах, сейчас живет в Салехарде. Салехард у ханты считается выдающимся местом, потому что расположен на Ангальском мысу — самом священном мысу небольшого северного народа. Здесь находился главный речной идол, поклониться которому приезжали рыбаки за многие сотни километров¹.

Свято, священно отношение аборигенов к реке.

Обь — великая Ас — считается у ханты живым существом женского, животворящего начала. Большая река — мать своих притоков, зимой она засыпает, чтобы проснуться весной.

Даже не так, река в мировоззрении речного народа не просто оживлялась и очеловечивалась.

— У нас есть такое понятие, Ас-най, — объясняет Роман. — Дословно можно перевести: «река-солнце».

— Река приравнивается к солнцу?

— Обь, как и солнце, — прародительница всего живущего, начало жизни, жизни на земле.

— Великий поэт ваш народ! Надо же так точно сказать: солнечная вода!

— Как не стать поэтом — мы у этой груди вскормлены, — соглашается Роман.

Текущая вода, по понятиям ханты, прекрасно понимает язык людей, она может радоваться вместе с человеком, а может и рассердиться на него (а почему бы и нет?). Когда Ас сердилась, ей обязательно приносили хоть малую, но жертву, бросали монетку, горсть муки, делили с ней трапезу и выпивку. Плывущий по реке обращался с ней не как с безъязыкой стихией, а как с живым существом. Когда подступала опасность, надо было обратиться к ней с добрым словом, умиловить ее, и приносимая жертва выражала не страх, а добрые чувства к разбушевавшейся воде. Ханты не умели плавать, во всем полагались на реку, считая, что, если человек не разгневал дурными поступками речных духов, ему нечего бояться.

¹ Григорий Новицкий, известный православный миссионер, в своем 1715 года «Кратком описании о народе остяцком» нарисовал портрет Обского идола — старика: «Доска некая, нос аки труба жестяна, очеса стеклянны, роги на главе малые».

Настоящие речные люди, ханты даже свой «верхний мир» уподобляли большому текущему потоку. Вроде наивно. Но ведь есть в этих образах мира своеобразная поэзия: даже божественная жизнь для них нечто движущееся, текущее. Поток жизни.

Столь же поэтически точна живая народная символика. Туман у ханты — это «дыхание Оби», а, скажем, роса — «слезы ночи», «слезы травы».

Столь же священное, поэтически-одухотворенное восприятие жизни реки мы можем встретить и у других малых народов, населяющих обские берега.

Если вы увидите большой водоворот — не подумайте, что воде просто делать нечего, вот она и крутит струи-вихри — нет, здесь живет Лух, дух реки. Дух реки неукротим и неутомим, он ткет вечную пряжу движения потока.

Из исторической литературы известно, что кроме Ангальского мыса имелось у ханты еще одно священное место, — оно и по-русски называется сказочно — Белогорье, здесь также стоял идол — «рыбий бог», бог рыбацкой удачи. Идола уничтожил неистовый искоренитель язычества тобольский митрополит Филофей.

Но, надо полагать, сожжение деревянного идола не уничтожило в душах ханты почитание реки, божественного начала «солнечной» кормилицы. Да, именно Обью воспен и вскормлен этот речной народ, она дала ему жизнь, помогла ему выжить.

Она и сегодня остается кормилицей для тысяч людей, животворящая эта река. Мне представилась, наверное, наивная, несерьезная картинка — скажем, в кабинете начальника ли мелкого рыбоучастка, директора ли крупного рыбозавода (а на Оби их десятки), а может, даже руководителя республиканского рыбного управления Сибрыбпром (рыбного хозяина Оби) — стоит скромный, из лиственницы вырезанный идол — рыбий бог. И в урочный час подходит к нему ответственный человек — начальник, все благополучие которого от этого «рыбьего бога» зависит, и молится на него. В отрешенной тиши, несуетности. Ведь ничто не мешает нашим хозяйственным современникам обращаться к духовному началу, да и к духу великой природы. А то ведь именем плана чего только не делают с рекой: вылавливают молодь, тралят, выбирая подчистую... Рыбный промысел на Оби — все еще далеко не культурная отрасль, а дикая охота на рыбу, которая часто и ведется примитивными, чуть ли не варварскими методами. Наверное, надо бы почаще спрашивать нашего внутреннего бога — совесть, разумно ли мы обра-

щаемся с природой, разумно ли пользуемся ее щедрыми дарами, думаем ли о тех, кто придет за нами вслед.

У тех же ханты имелось немало святых рек, озер, участков Оби. К религии и суевериям это никакого отношения не имеет: голодные люди — самые большие материалисты, а ханты в прошлом частенько приходилось голодать. Но святые места не трогались — они были заповедны.

А сегодня нет даже малого кусочка великой Оби, официально заповеданного, чтобы мы — насколько это возможно — могли увидеть реку в первоизданном ее естестве.

Святость наших отношений к природе, понятно же, чувство религиозное, но оно должно оставаться по-человечески святым.

— Почитай из новых стихов, — прошу я Романа.

Читает он превосходно, в нем наверняка умер великий шаман, который своим страстным, огненным камланием умел завораживать соплеменников. На родном языке стихи Романа звучат, пожалуй, лучше, чем в переводе. В них мне слышалось движение потока, шум живой жизни, который так похож на шум реки.

Может, есть красивей где-нибудь,
Но любимей рек на свете нет!
Обь-река, ты жизненный мой путь
Мне указывала с детских лет.

Разжигая дерзкие мечты,
В дали заповедные маня,
Мудрости меня учила ты,
Человеком сделала меня.

В солнечные дни, когда тебя
Гладит солнца теплая рука,—
Как меня ласкала ты, любя,
Смуглого мальчишку-рыбака!

Ты меня учила: «Сильным будь!
Будь упорней всех штормов и бед!»
Обь-река, ты жизненный мой путь
Мне указывала с детских лет.

Без тебя не мог бы выжить я:
Летом и зимой, жирна, бела,
Рыба драгоценная твоя
На бесхлебье хлебом нам была.

С давних, незапамятных веков,
Оживляя наш суровый край,
Ты моих растила земляков,
На ноги их ставила: шагай!

И течешь, как море, широка,
И нетороплива, и строга,
И, как будто два материка,
Друг на друга смотрят берега.

И опять, весло держа в руке,
Я встречаю над тобой рассвет,
И чешуйка рыба на песке
Мне дороже золотых монет!

ЗАГАДОЧНЫЕ

С Л Е Д Ы

Археолог Леонид Хлобыстин нашел на берегу Оби, в урочище Корчаги (это уже за Северным полярным кругом), каменный нуклеус — невидное, непримечательное каменное било. Примечательно оно только одним — непреложно свидетельствует о том, что уже шесть тысячелетий тому назад, как показал специальный анализ, этим билом пользовался древний человек. Здесь, на заполярных берегах Оби. Значит, эти берега обжиты давно, задолго до нашей эры.

Совсем недавно новосибирскому академику археологии Анатолию Деревянко удалось в урочище Сибирячиха на обском притоке Ануе обнаружить кости первого приобского жителя. Коллега Деревянко палеонтолог Крис Тернер (США), используя самые современные методы, определил возраст древнейшего сибиряка-«неандертальца» — ему никак не меньше 25 тысячелетий.

Отдельная книга потребуется, если рассказывать, как и кто обживал обские берега, когда здесь появились предки ханты, селькупов, ненцев, эвенков, татар.

Мне же хочется поведать о двух этнических загадках, связанных с тем, как пробирались на Обь народы самодийского корня, языковые родственники самых северных обских аборигенов — ненцев.

В конце восемнадцатого века доктор медицины и натуральной истории Иван Иванович Георги, которого научные разыскания привели в Восточное Засаянье, застал там карагасов, говорящих на самодийском

языке. Через полвека другой исследователь, Александр Кастрен, уже не мог отыскать ни одного карагаса, который бы говорил на языке, подчеркивающим его самодийские корни.

Современные исследователи карагасов (или, как их сейчас называют, тофаларов) пришли к выводу, что уже в семнадцатом веке этот народ утратил самодийское наречие, перешел на язык соседей тюрков.

Но вот одна каракасская загадка, до сих пор не разгаданная — наверное, потому, что не привлекла большого внимания ученых.

В 1926 году статистики, проводившие государственную перепись, обнаружили карагазов на берегах... Оби, в Томской губернии, за несколько сот километров от Саян. Обская группа карагазов оказалась немаленькой — «2709 душ обоего пола». Комитет содействия туземцам Севера срочно снарядил экспедицию на Обь и ее притоки Шегарку, Саргатку, Казанку. Этнографолингвистический отряд констатировал «отсутствие в Томском округе карагасов». Куда же исчезли почти три тысячи человек «обоего пола»? Нет, они никуда не снялись из своих юрт — Кожевниково, Елегечево, Тарсалгай. Все они говорили на русском и не знали других языков. Но тем не менее местное население считало их карагазами, да и они сами помнили, что их предки были кочующими, занимались охотой и оленеводством, жили в юртах из шкур сохатых. Кое-что в обычаях обрусевших карагазов перекликалось с обычаями их далеких саянских «однофамильцев».

Каким историческим ветром их занесло на обские берега?

А куда заведет нас еще один загадочный — камасинский — след?

Голос далекого сибирского, тоже саянского племени первой в Европе услышала шведская читающая публика. Небольшой словарик камасинского наречия опубликовал Филипп Страленберг, который мог погибнуть под Полтавой, но попал в русский плен, и это стало для него счастливой судьбой. Если незадачливого вояку ныне кто и поминает, то только историки и лингвисты.

Офицер Карла XII отважно сопровождал в путешествии по Сибири русского академика Готлиба Мессершмидта, а после возвращения из плена поведал о сибирских приключениях в толстенной книге, к которой и приложил словарь камасинского языка.

Как здесь не воскликнуть, что Страленберг попал в плен весьма своевременно, ибо позднее чистые самодийцы-камасинцы перешли, как и карагасы, на язык соседних тюрков.

Но на карте — опять же Томской губернии — топонимисты обнаружили «камасинский островок» — здесь есть несколько рек, названия

которых выводятся только из камасинского языка — Двойчага, Ингубы, Сумба, Амба. Странные гидронимы на карте 1891 года обнаружены в бассейне реки Парабель, левобережного притока Оби в среднем ее течении. «Островок» этот расположился в селькуповском топонимическом море. Далековата Парабель от северо-восточных Саян. Что скрывает в себе топонимический камасинский осколок?

Ответить можно одно: река за время своего исторического бега слышала разные наречия, многоязычную речь. Народы приходили и уходили, кто-то шел дальше, кто-то возвращался назад, кто-то задерживался. Не задерживаются только реки в своем неударжимом стремлении вперед.

ОКНО В ЕВРОПУ

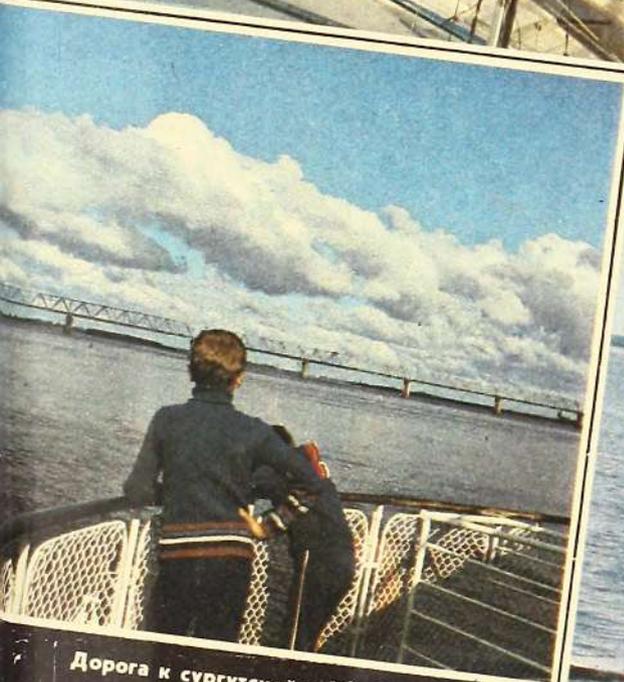
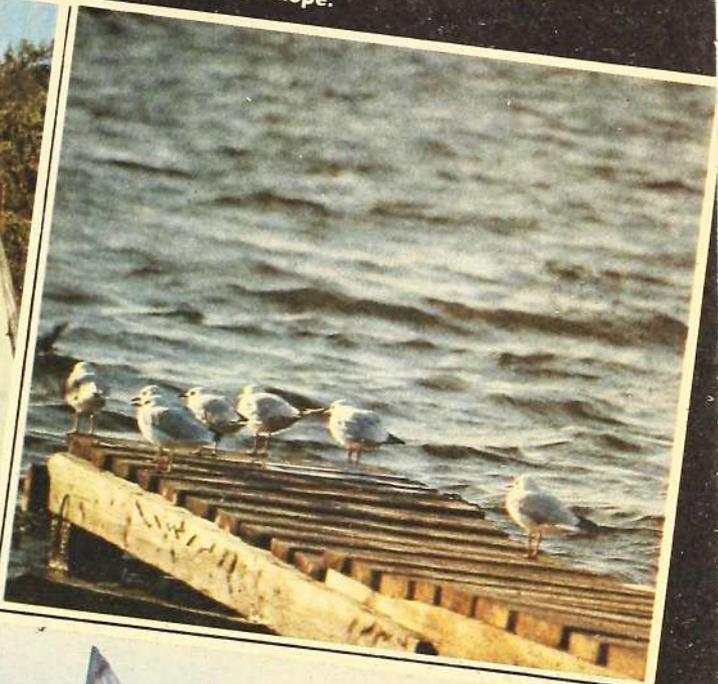
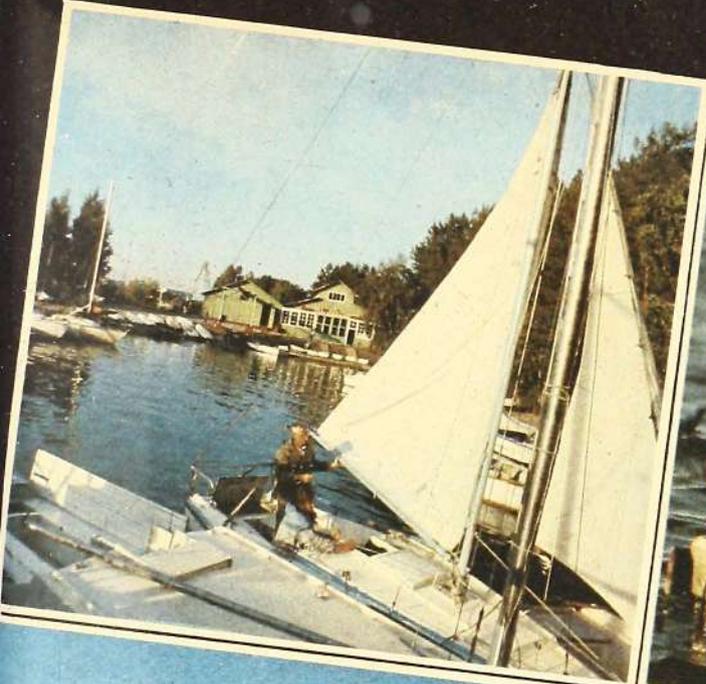
Обь — первая сибирская река, с которой познакомились европейские мореплаватели. Скорее всего, первым был Оливье Брюнель. Некоторое время он служил у знаменитых Строгановых — Якова и Аники — и именно по их поручению ходил за Камень, доходил до Оби и поднимался по ней вверх до слияния с Иртышом на русском карбасе. А в 1576 году на строгановском коче Оливье Брюнель пробился через новоземельские проливы, обогнул Ямал и вошел в Обскую губу. Удача способствовала пронырливому голландцу, пожалуй, лишь потому, что штурманом у него был знающий студеные воды и мангазейский ход поморкормщик — к сожалению, по русской традиции оставшийся безымянным.

Об этом плавании в Европе стало известно, ибо, уехав из России, Брюнель имел важную встречу с одним знаменитым европейцем.

Шестидесятилетний реформатор картографического дела, прославленный автор известного «Атласа» Герард Меркатор жил вдали от суеты в небольшом германском княжестве в Дуйсбурге. «Атлас» еще не был закончен, и великий географ был рад любой весточке, которая могла бы стать кирпичиком в его представлениях о планете, закутанной в сеть параллелей и меридианов.

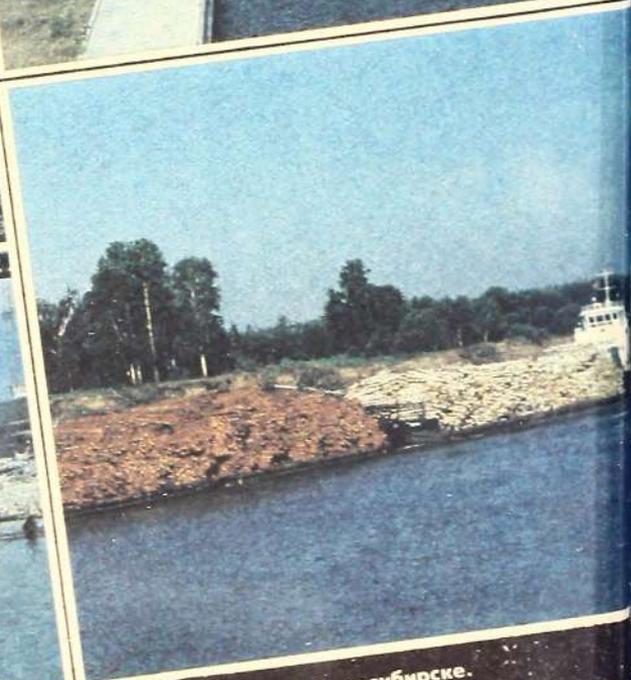
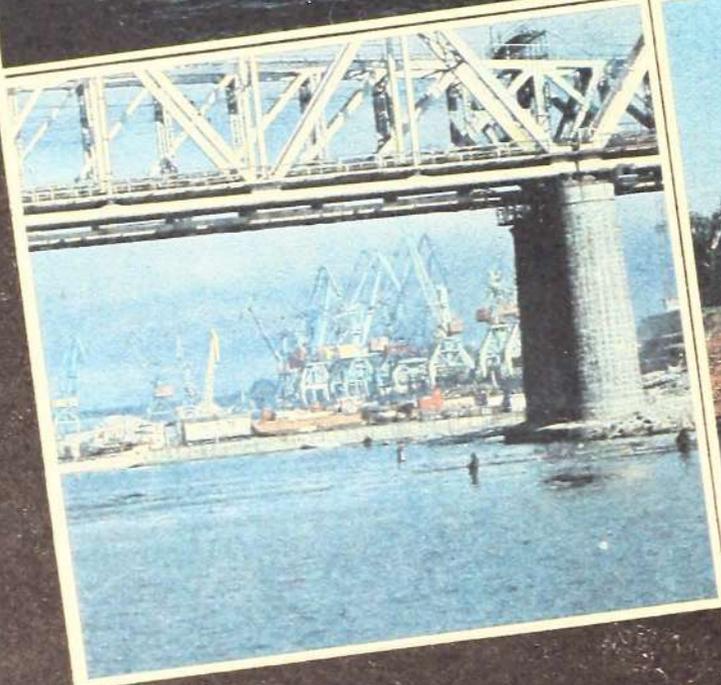
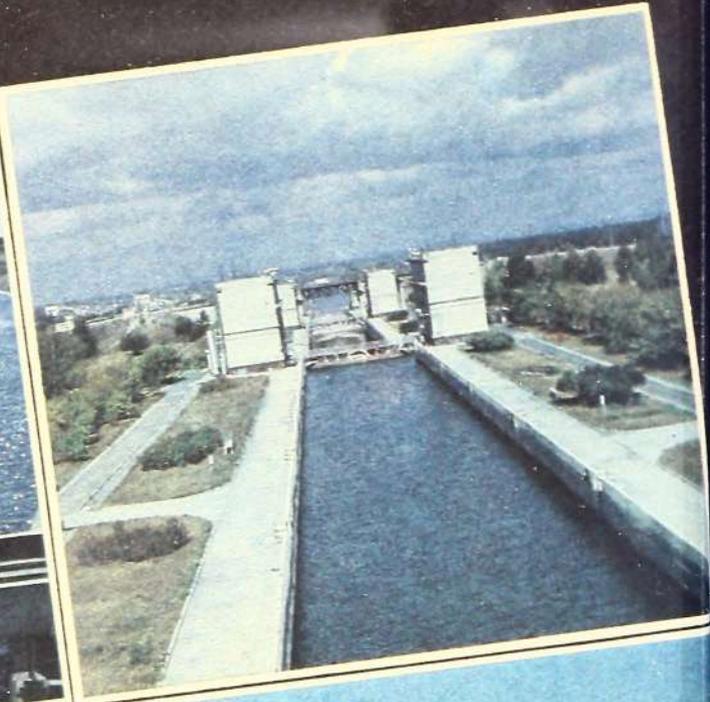
Меркатор, сам не путешествовавший, очень любил беседовать с бывальными людьми, позидавшими многие страны света. Поэтому он чрезвычайно обрадовался Оливье Брюнелю, который появился у него

Яхт-клуб.
Чайка — птица морская.
На Обском море.



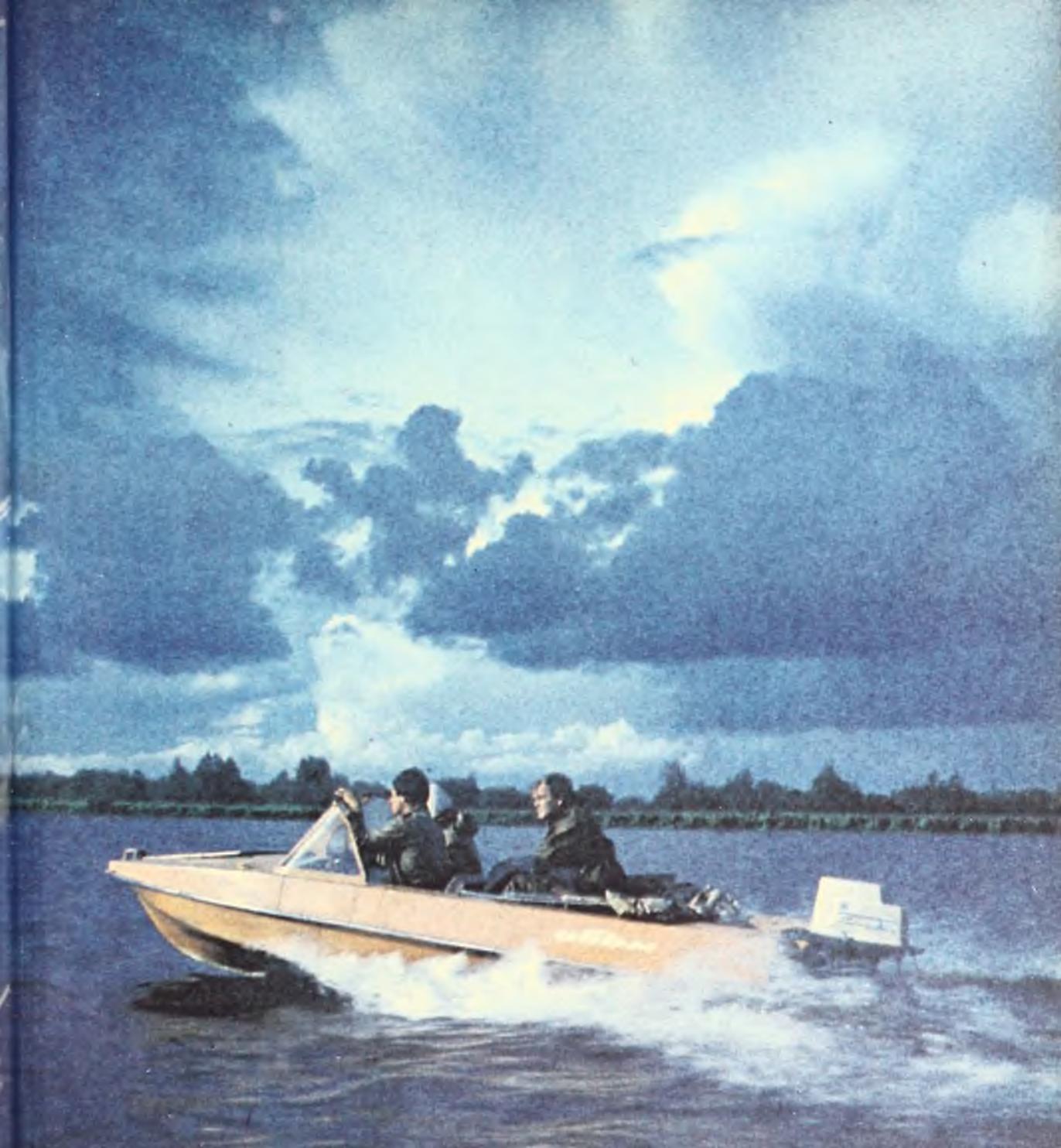
Дорога к сургутской нефти.
Вольный ветер.

Шлюз Новосибирской ГЭС,
единственной на Оби.

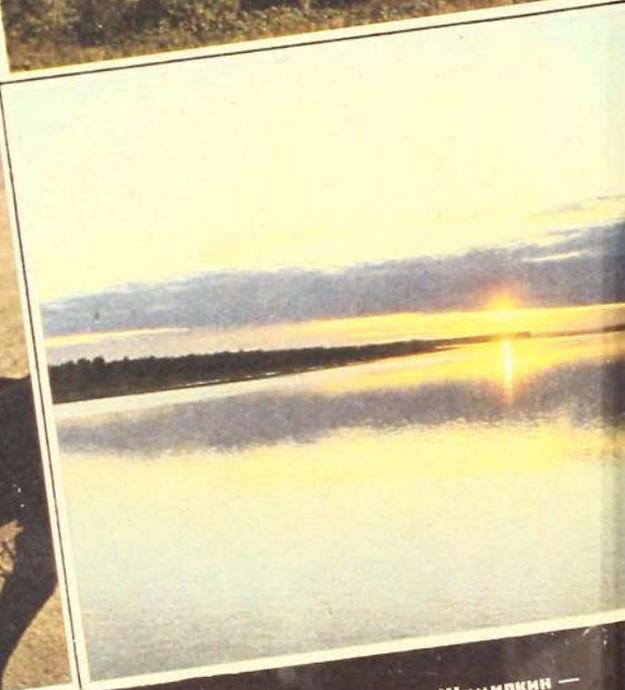
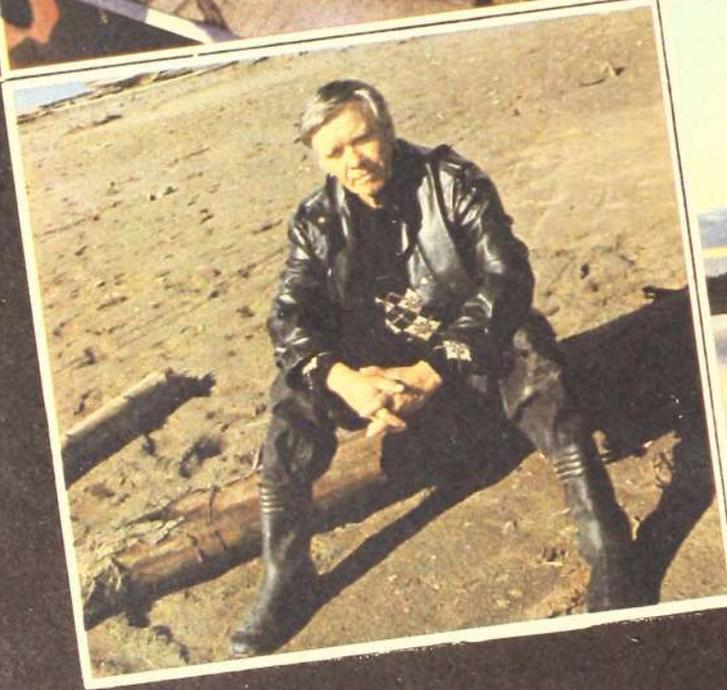
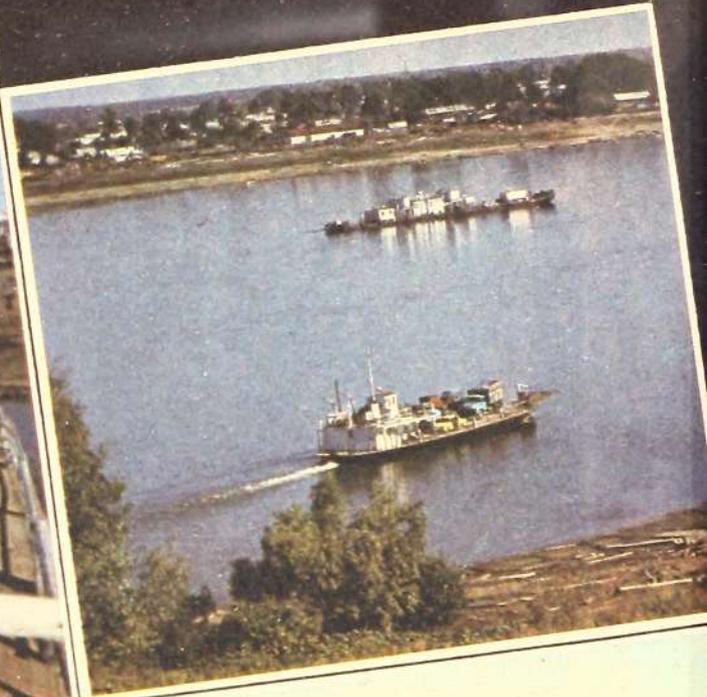
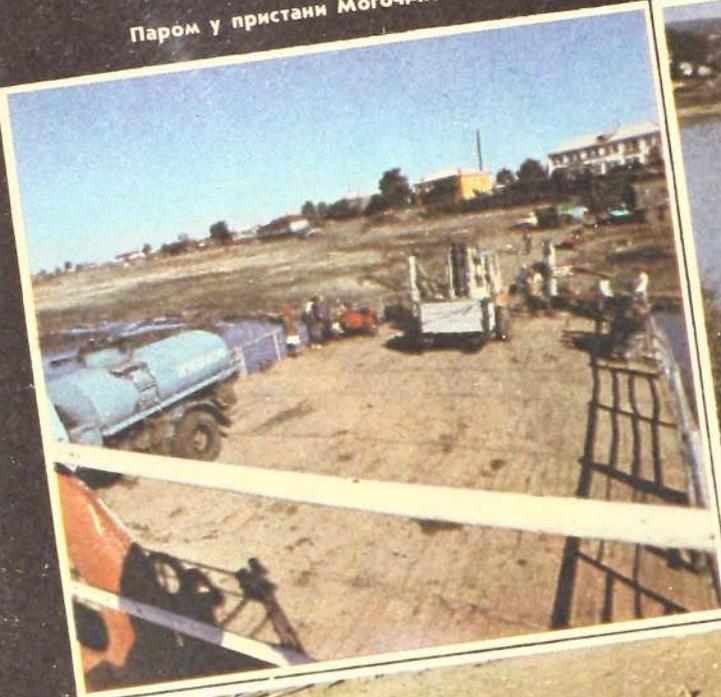


Речной порт в Новосибирске.
В режиме вечного движения.
Этот глиссер называется «Обь».



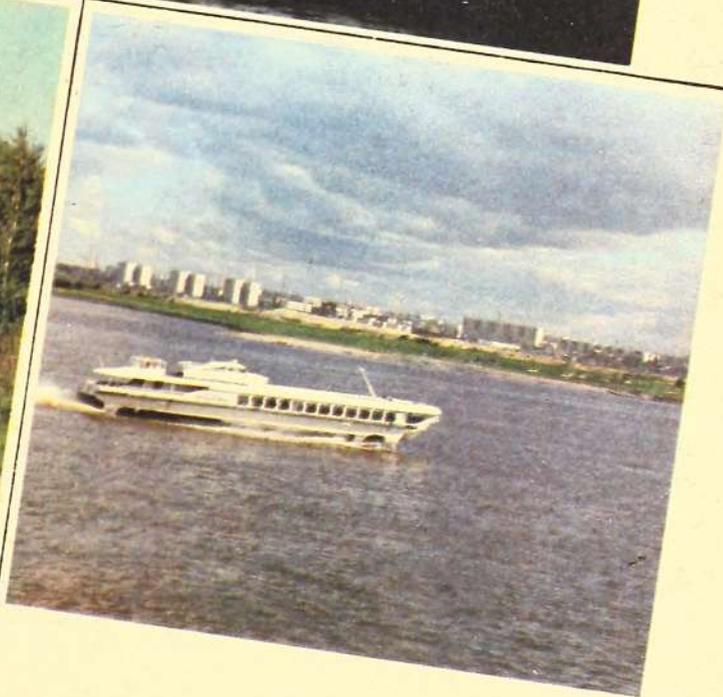
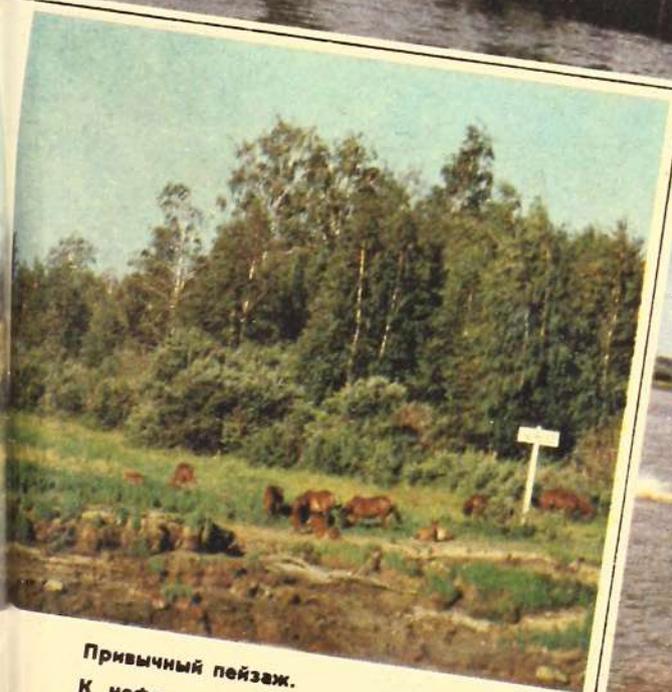


Паром у пристани Могочино.



На этюды. Александр Шумилин —
Хороши вечера на Оби!
Хороши вечера на Оби!
Хороши вечера на Оби!

Нефть открывали с реки.
База геологоразведчиков.

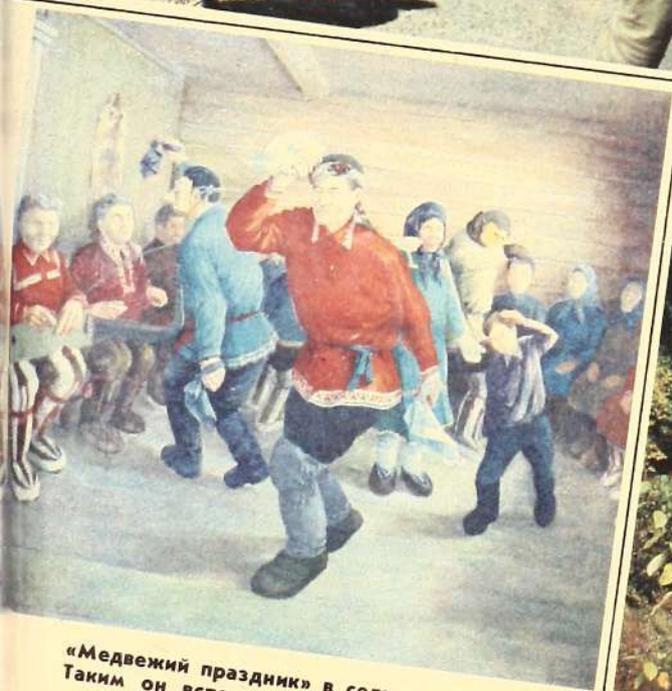


Привычный пейзаж.
К нефтяной столице Сибири —
старинному Сургуту.



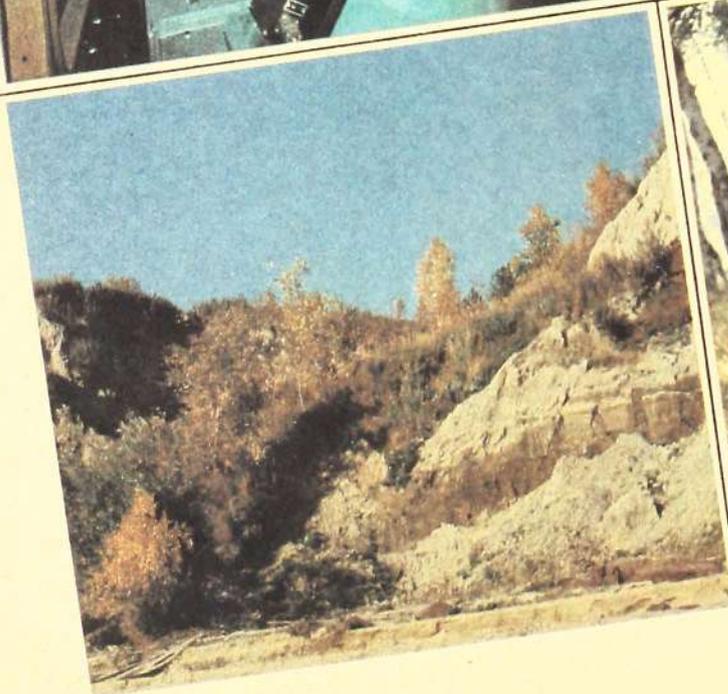
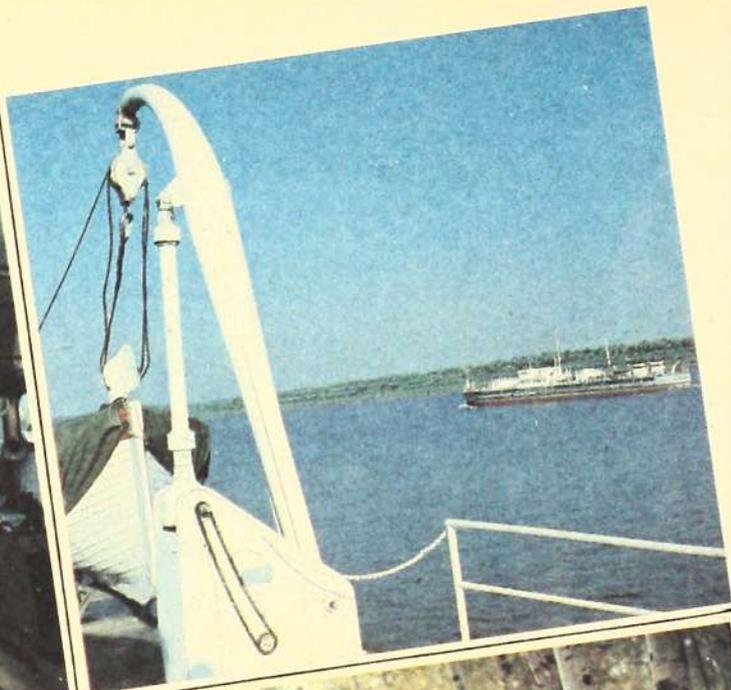
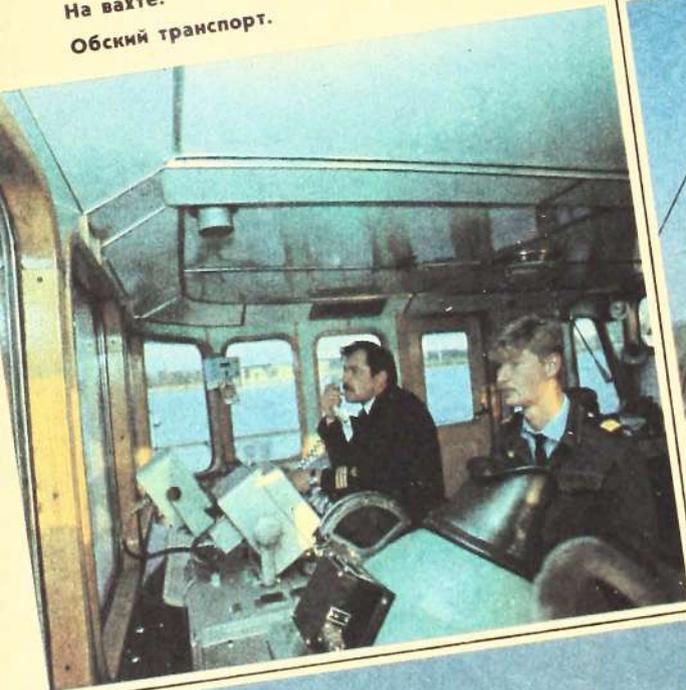


На улицах Ханты-Мансийска.
Лестница на заповедный холм ханты.



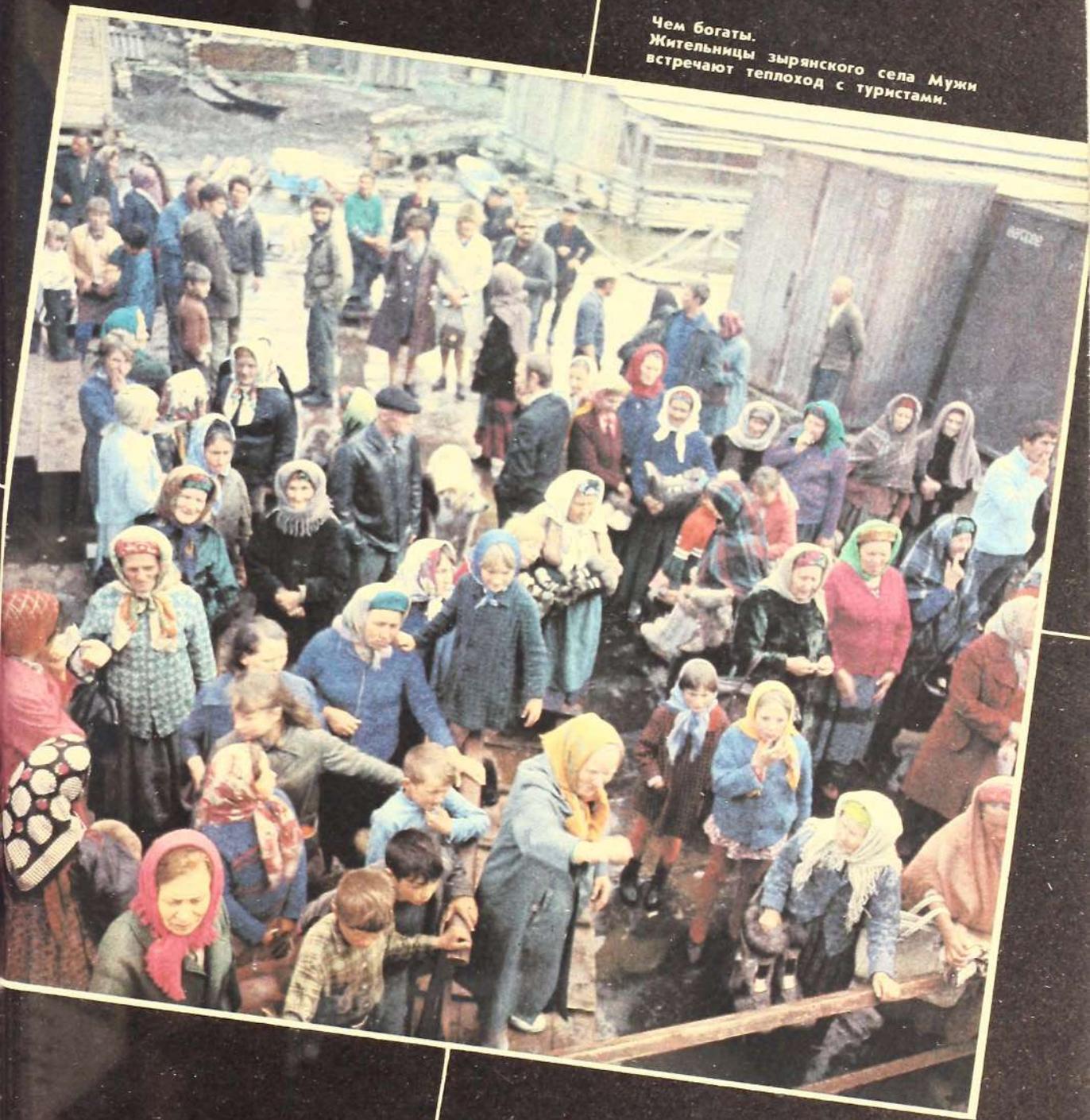
«Медвежий праздник» в сельском клубе.
Таким он вспомнился М. Тебетеву.
Хантыйский художник Митрофан Тебетев.
За этим крутояром Иртыш
сливается с Обью.

На широте Ленинграда. Белые ночи.
На вахте.
Обский транспорт.

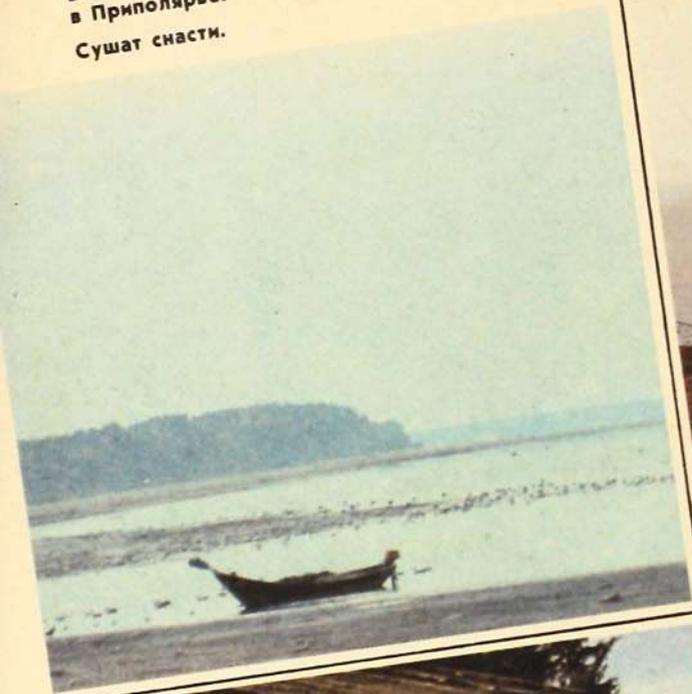


Здесь прошел древний ледник.
Венгерские этнографы в гостях
у мансийской сказительницы
Анны Коньковой.

Чем богаты.
Жительницы зырянского села Мужи
встречают теплоход с туристами.

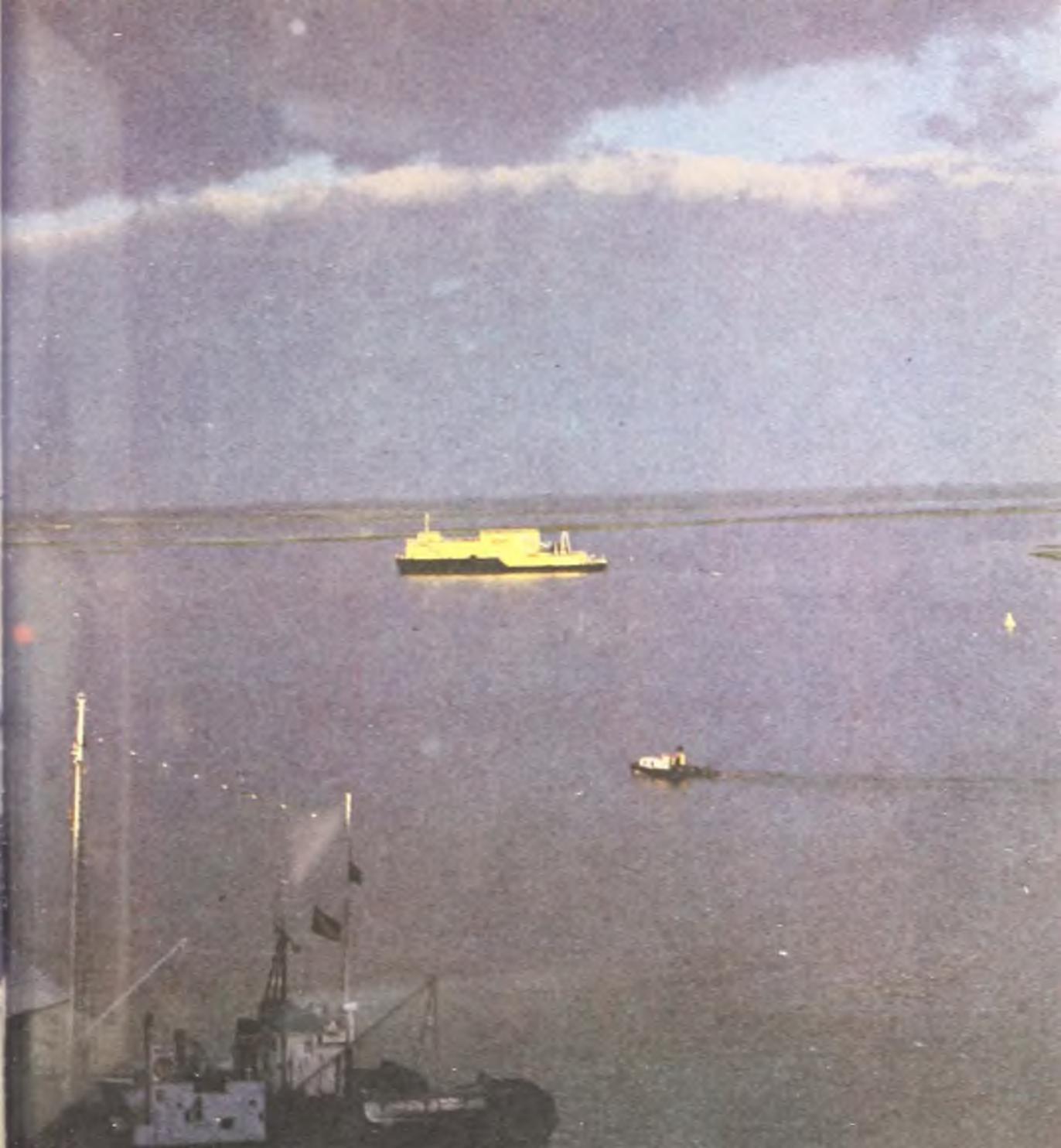


Большая Обь — одно из русел реки
в Приполярье.
Сушат снасти.

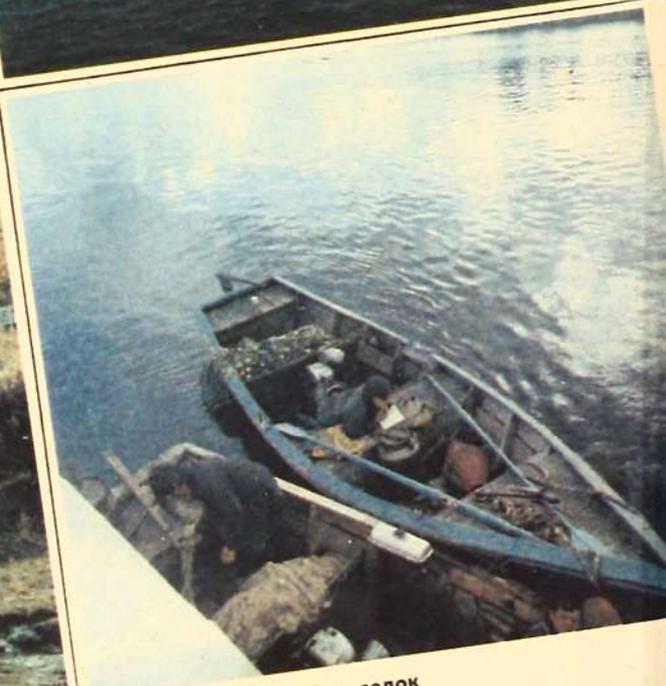
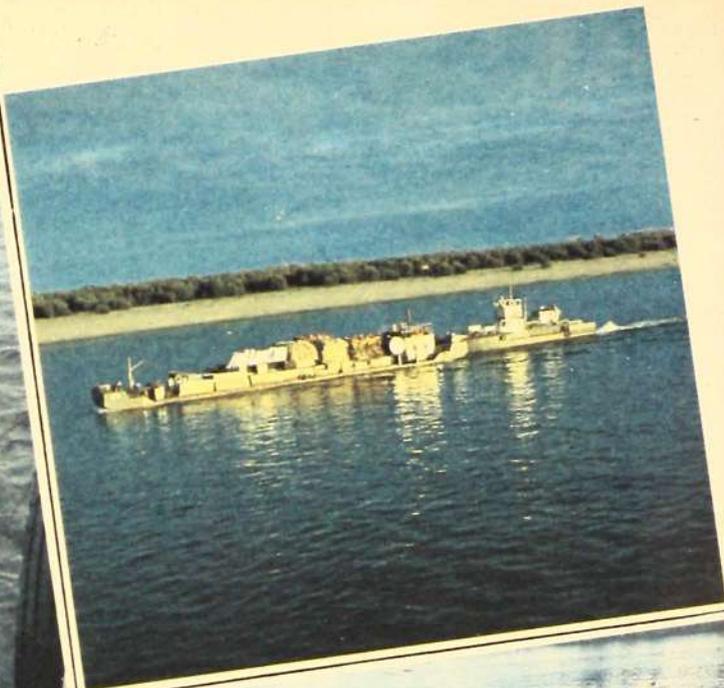
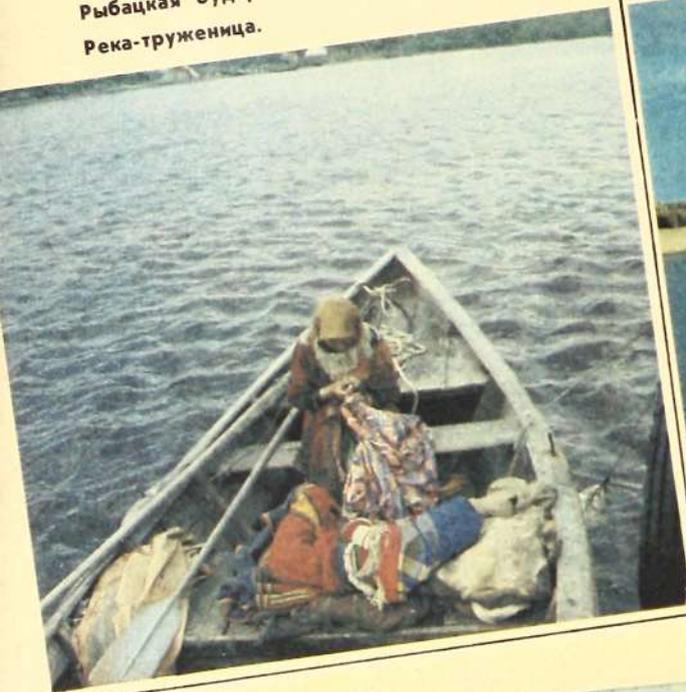


Хантыйский скульптор Геннадий Хартаганов.
Рыбачья зоря на Большой Оби.
На пути в Ледовитый океан.





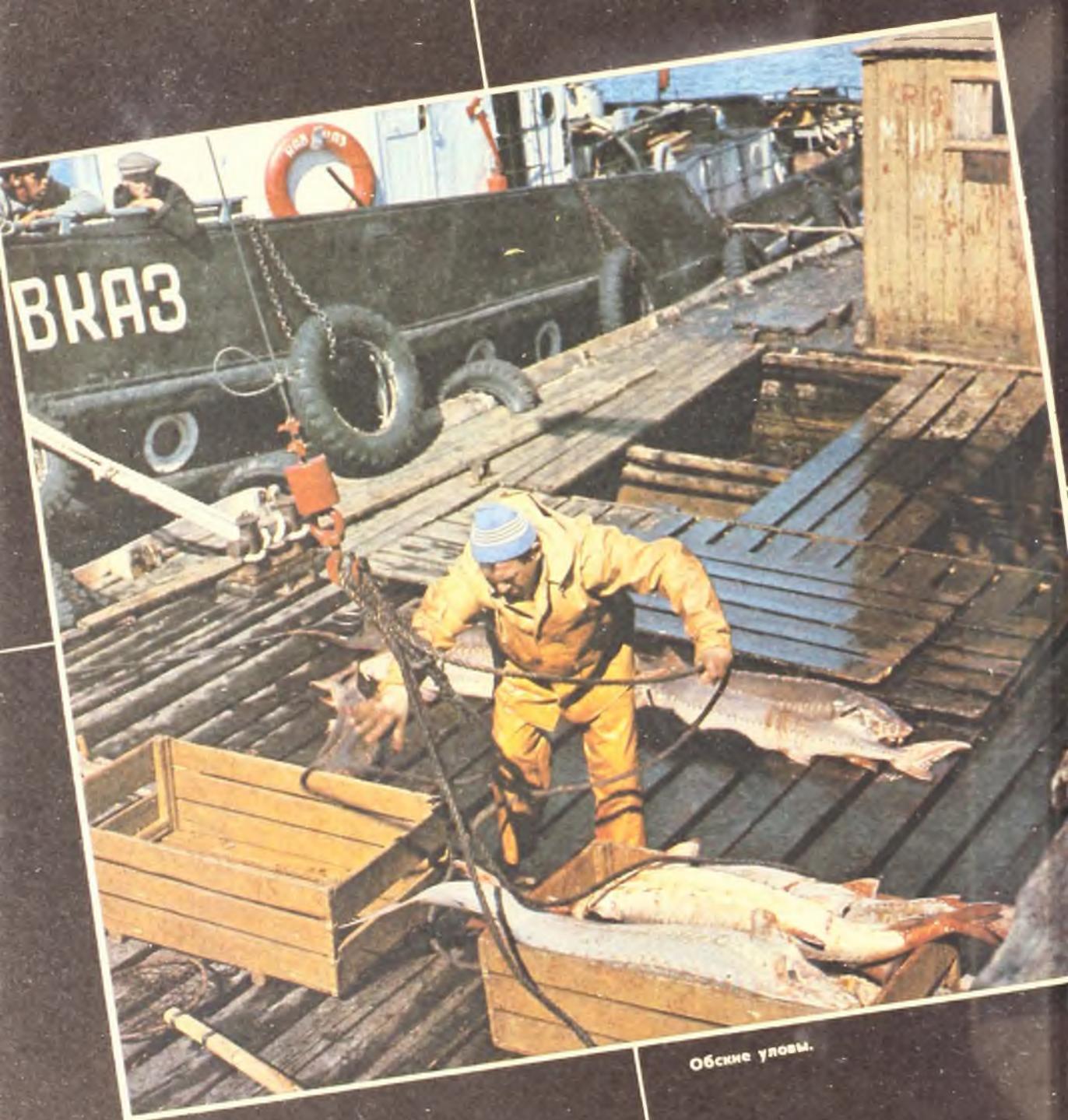
Рыбацкая бударка — дом родной.
Река-труженица.



Этот приобский поселок
называется Горки.
На рыбалку.

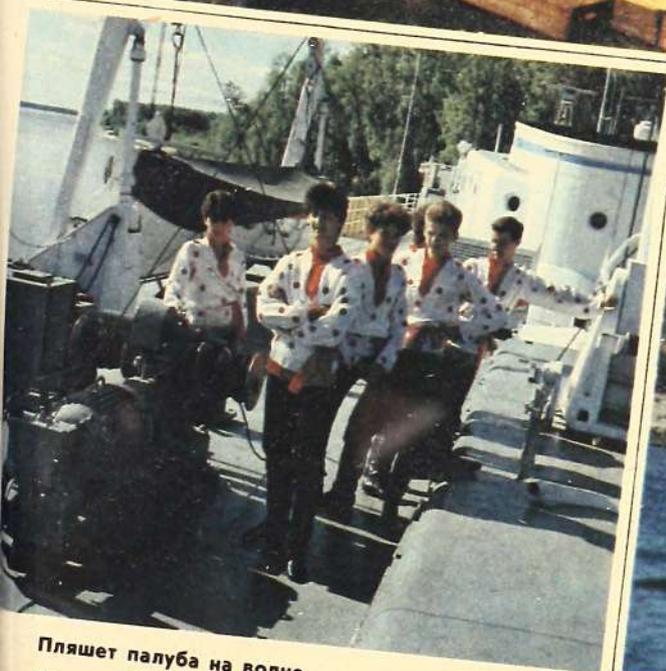
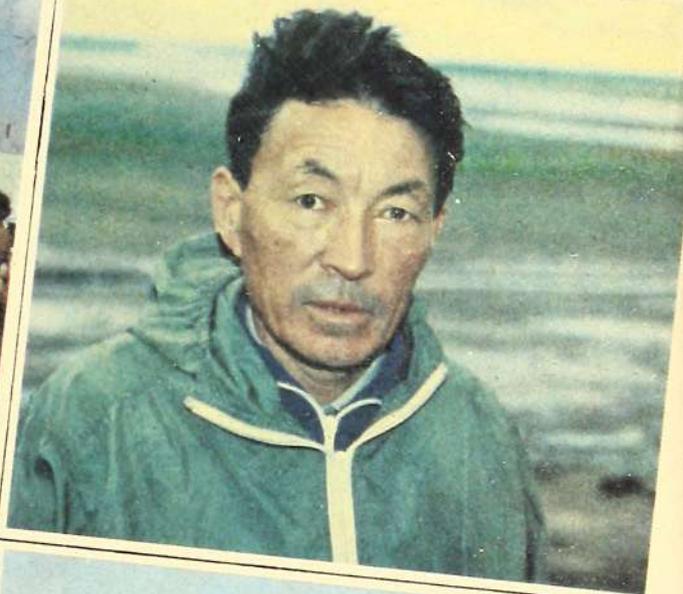


Нашепчет рифму волна...

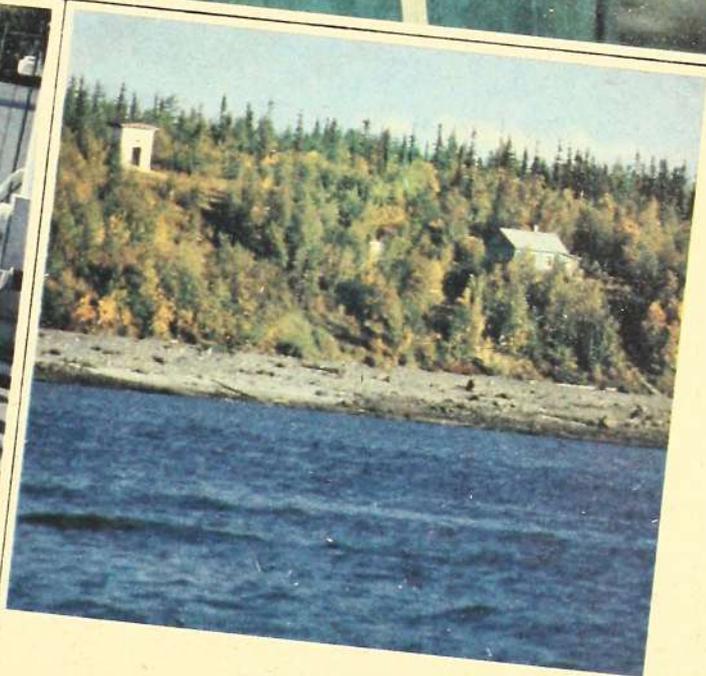


Обские уловы.

Порт на Полярном круге — Салехард.
Хантыйский поэт Роман Ругин —
народный депутат СССР.

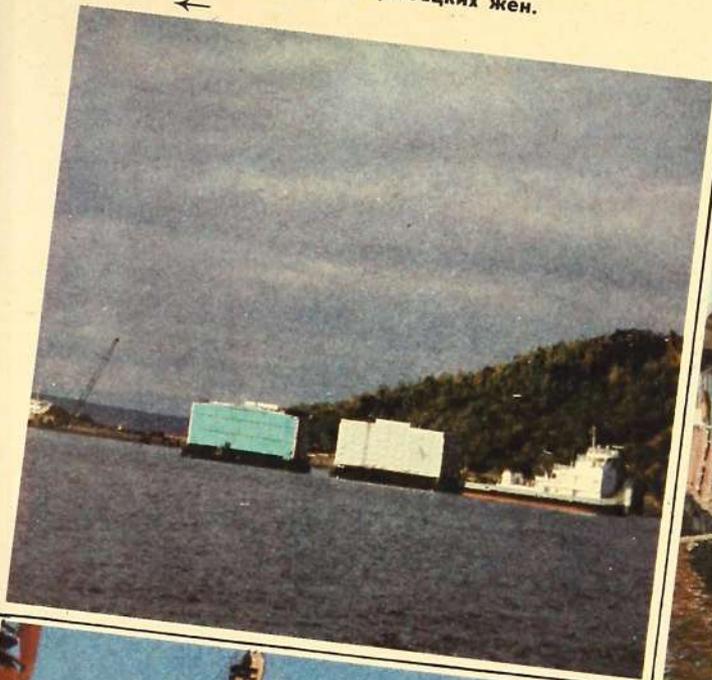


Пляшет палуба на волне.
Водозаборный пункт на
священном мысу ненцев — Ангальском.

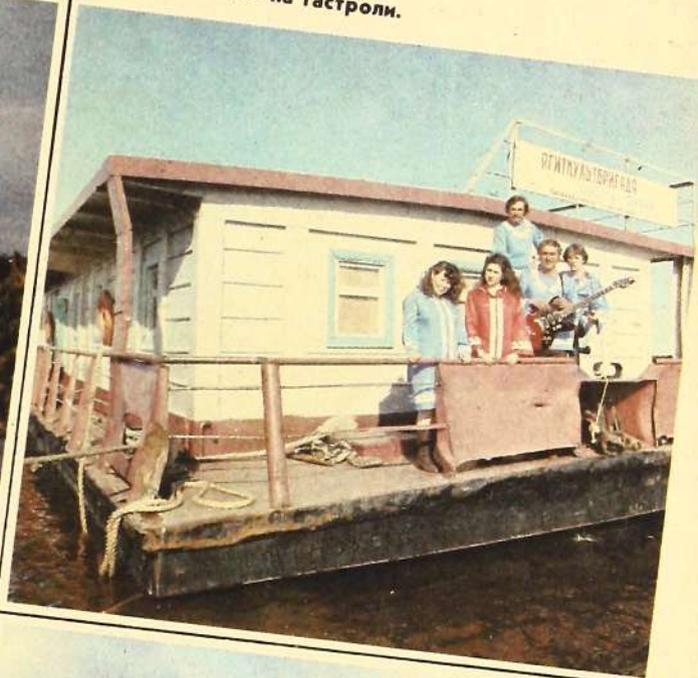




← Вечное ожидание рыбацких жен.

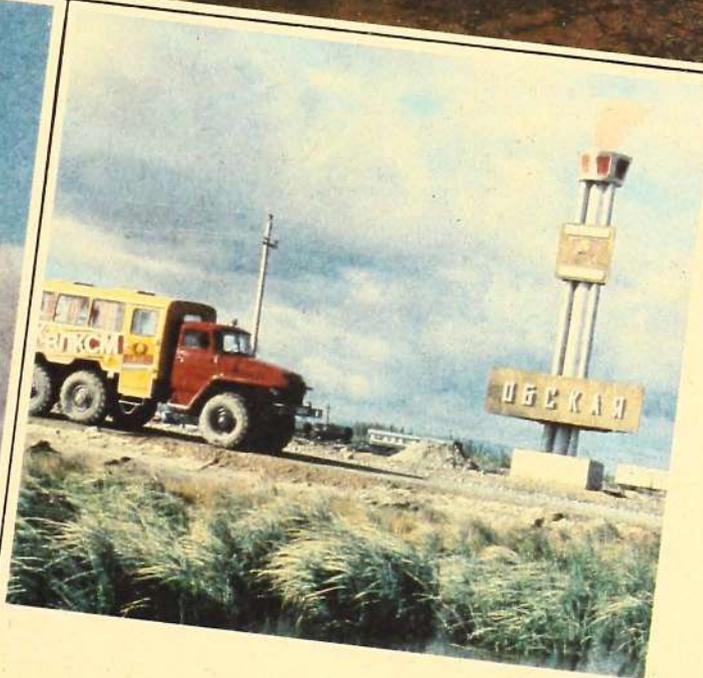


Путь каравана в Ямбург.
Знаменитые суперблоки — части
газодобывающего завода.
К рыбакам на гастроли.



Речной порт Лабитнанги.

Обская — так назвали станцию
железной дороги.





Холодна здешняя водица!
Эти девчушки живут в заполярном
рыбачьем поселке Аксарка.

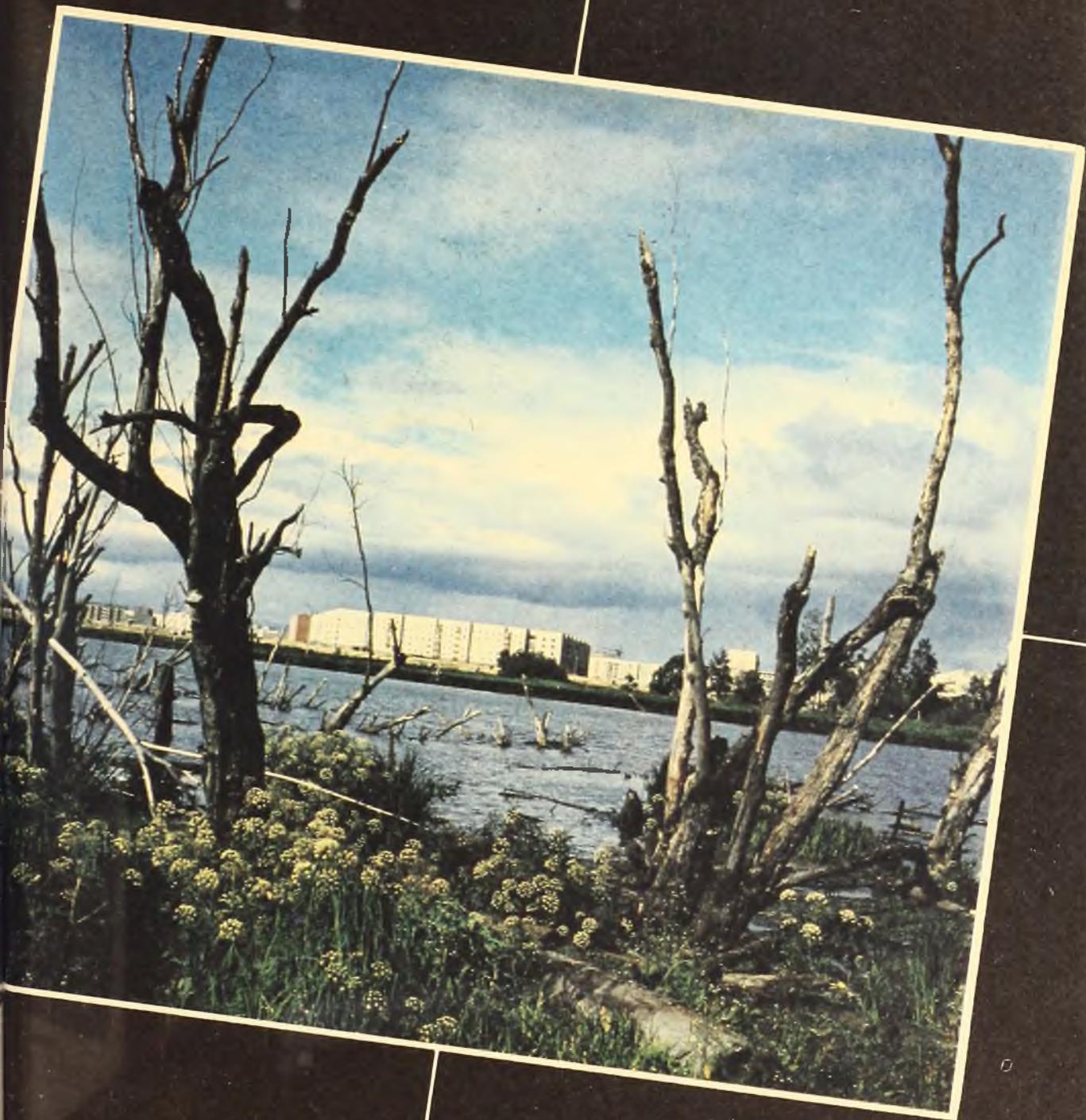


Поморы называли Обскую губу
морем Мангазейским.





Природа капитулирует...



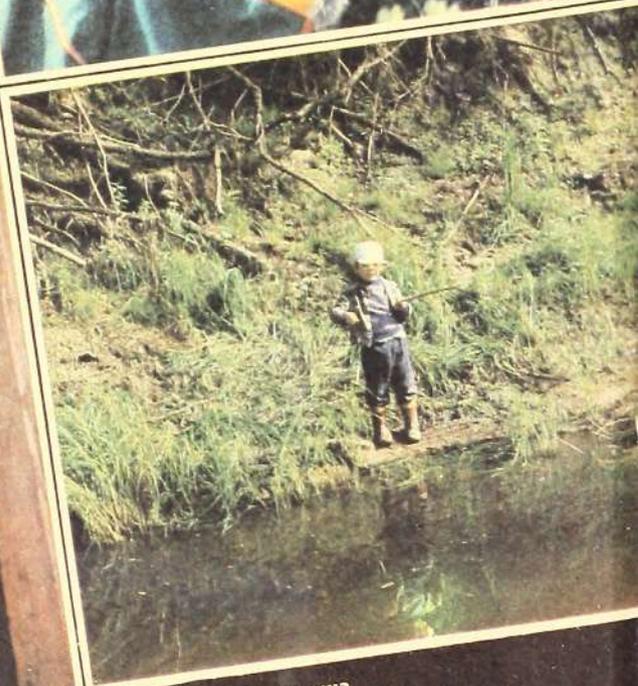
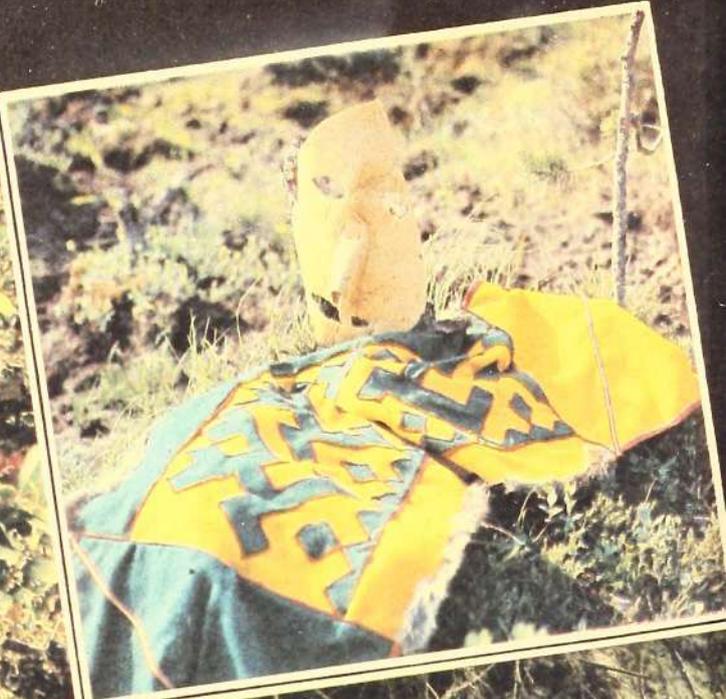
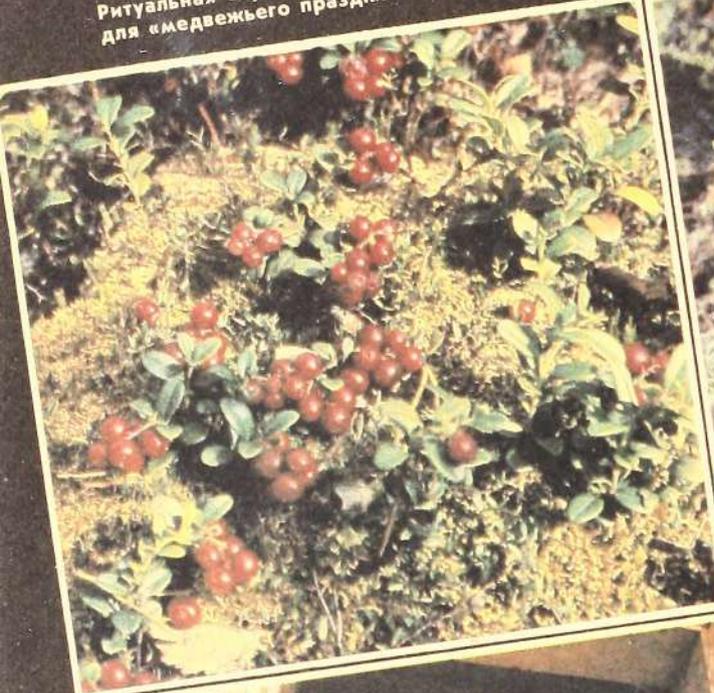
Лебединое гнездо.
Финля.



На затопленных лугах.



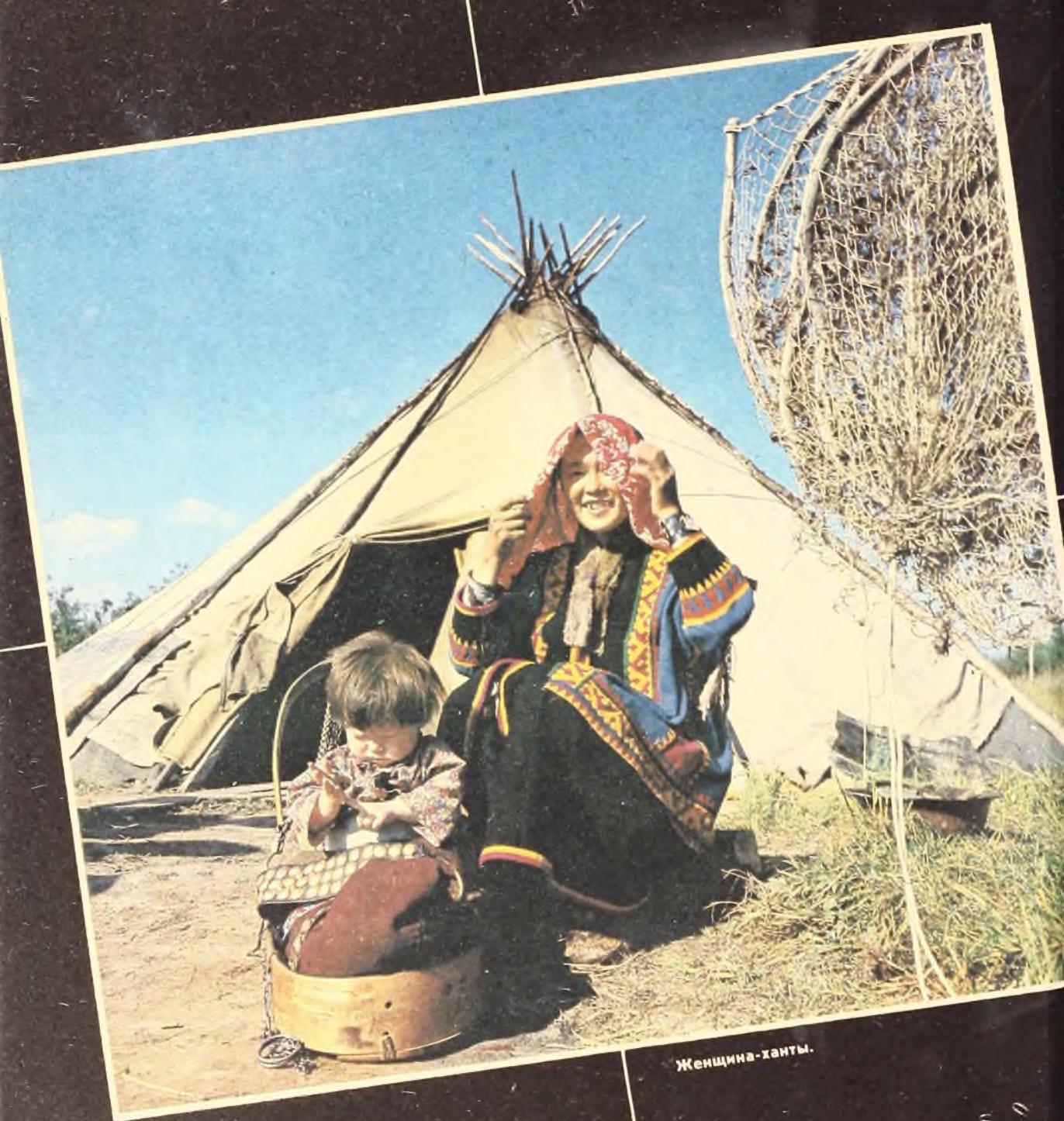
Брусника.
Ритуальная берестяная маска
для «медвежьего праздника».



Бабушка и внучка.
Маленькая рыбачка.
По ягоды.

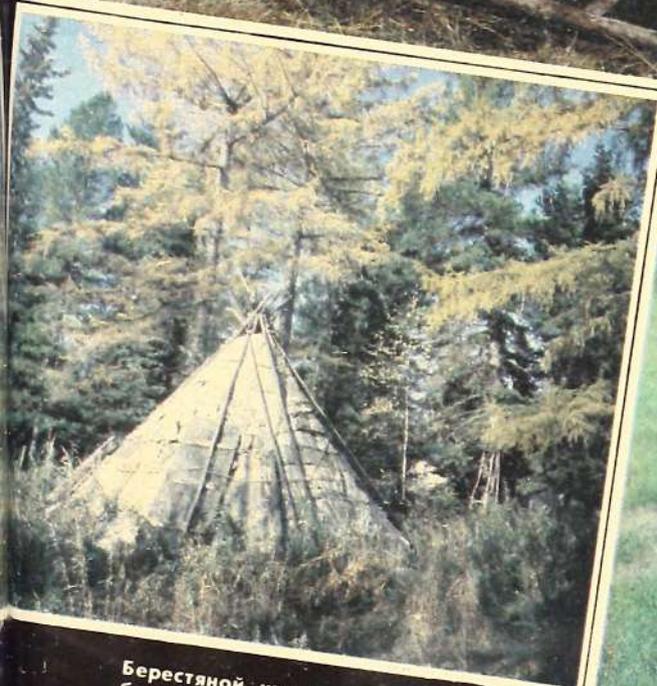
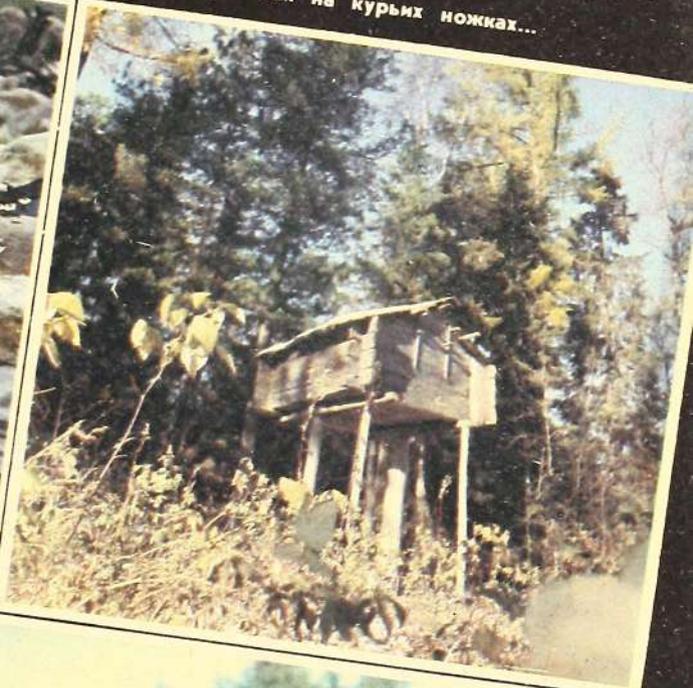
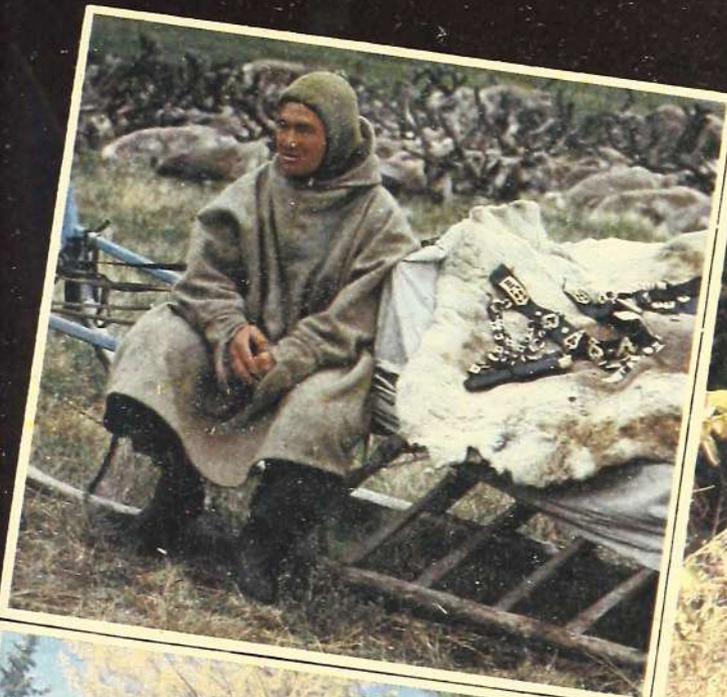




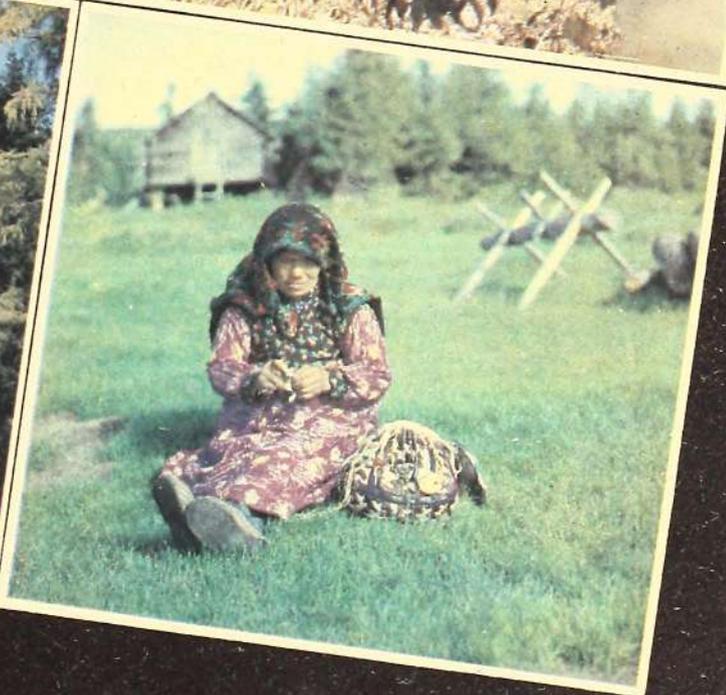


Женщина-ханты.

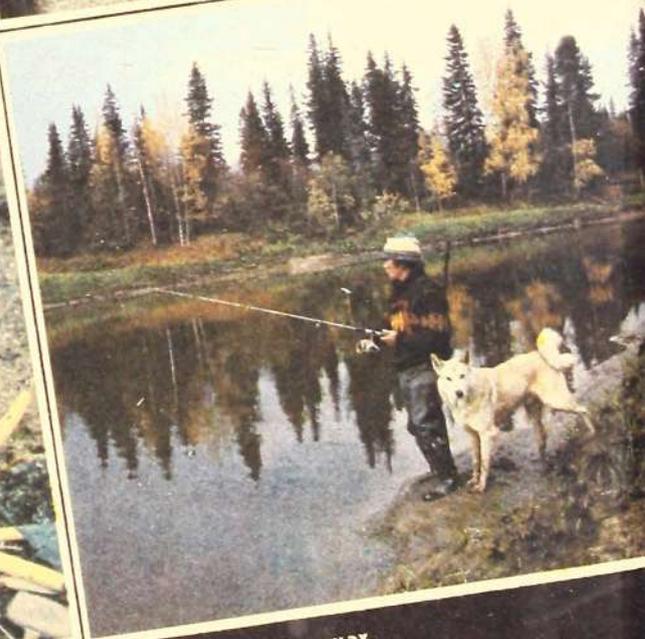
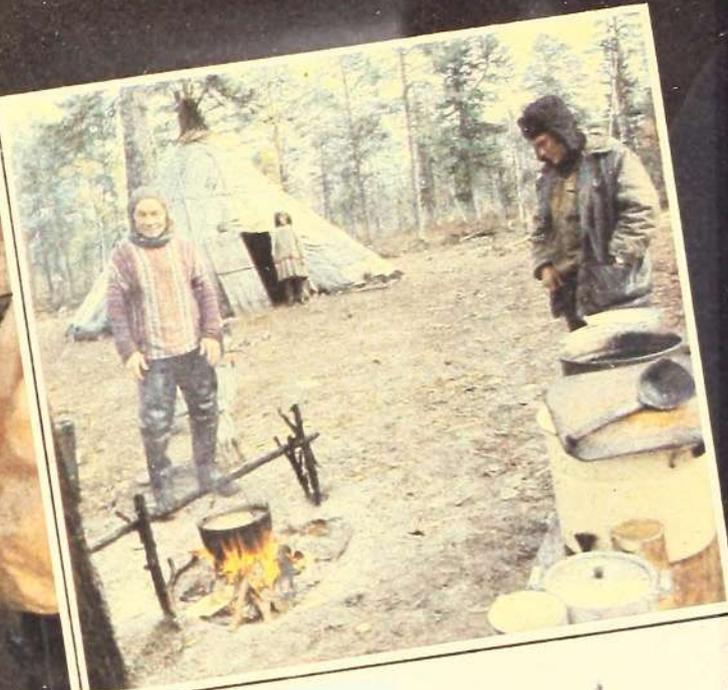
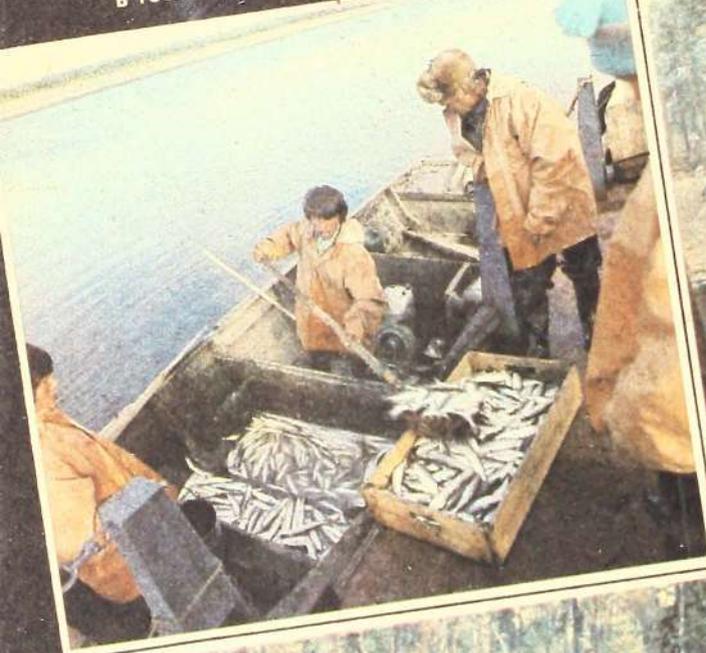
Ненец-олелевод.
Избушки там на курьих ножках...



Берестяной чум в наше время —
большая редкость.
Мастерица.

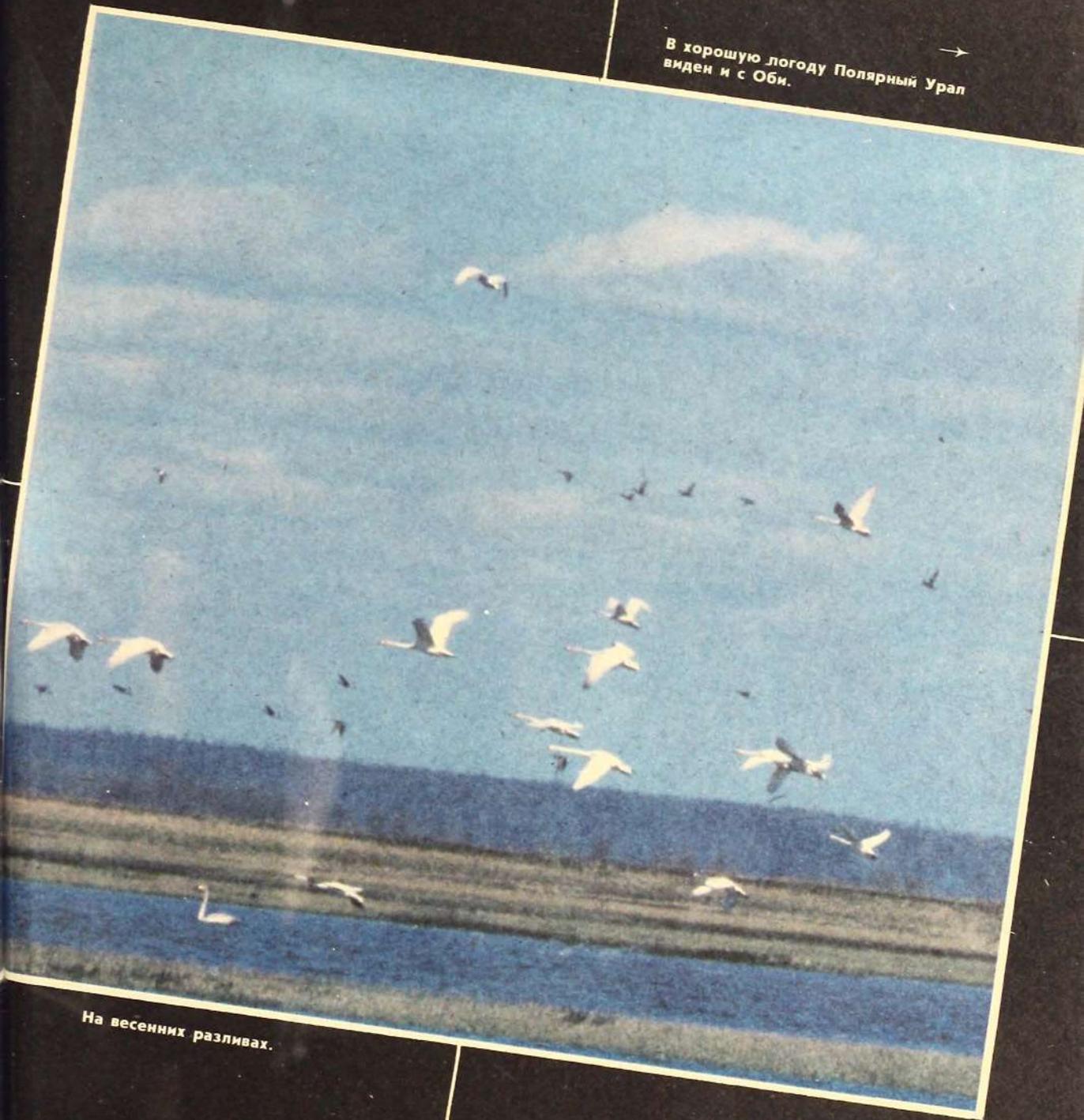


Рыбаков объединяет одно —
рыбачья страсть.
В гостях у ханты.



На обских старицах.

→
В хорошую погоду Полярный Урал
виден и с Оби.



На весенних разливах.



В письме говорилось, что податель сего «родом из Финляндии, званием солдат, был несколько лет пленным в России и состоял в службе некоторых знатных особ Якова и Аникия».

Меркатор с особой заинтересованностью взглянул на посетителя: ему не приходилось видеть путешественников, так далеко забиравшихся в Ледовитый океан.

«Податель сего, — продолжал автор письма, — говорит весьма свободно и открыто, что путешествие в Китай через Восток сколь кратко, столь же и удобно: что он сначала сзидил берегом к реке Оби через Самоедскую и Сибирскую землю и водою вдоль реки Печоры; что для сего покушения снарядил он судно, сидевшее неглубоко в воде, и, снабдив оное всем для того пути потребным и людьми, знавшими как самоедский язык, так положение реки Оби отправился на нем в конце мая к востоку. Река Обь, по сказанию самоедов, имеет семьдесят устьей, между коими многие большие острова населены разными народами; что в реке Оби должно зимовать, чтобы приготовиться к дальнейшему пути; что оттуда в Китай можно достигнуть в одно лето, если только не препятствуют льды, носящиеся перед устьем реки, иногда в большом, иногда в меньшем количестве».

Не сохранилось письменных свидетельств, и мы не знаем содержания беседы, но она явно оказалась плодотворной, ибо в «Атласе» Меркатора Обский Север, о котором рассказывал гость дуйсбургского затворника, изображен более достоверно, чем некоторые другие, более близкие знаменитому европейцу территории.

Далекая Обь манила воображение не только путешествующих авантюристов, она привлекала фантазию поэтов.

Первых читателей знаменитой поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» поразило, как свободно ориентировался автор в географии. Северный колорит привносили заснеженные хребты, полярные ветры, ледяные глыбы, вьюги, бураны, Обь...

Еще в юности Милтон проштудировал немало ученых трудов, посвященных загадочной для европейца Московии. Работая у Оливера Кромвеля государственным секретарем, будущий поэт переписывался с русским царем Алексеем Михайловичем. Уже на закате жизни ослепший поэт распорядился напечатать свой юношеский труд с длинным названием «Московия, или Известия о Московии, по открытии английских путешественников, собранные из письменных свидетельств разных очевидцев; также другие малоизвестные страны, лежащие на восток от России до самого Китая, недавно в разное время открытые русскими».

Издатель замешкался, и книга вышла в свет уже после смерти знаменитого автора в 1682 году.

Что же было известно Джону Мильтону о далекой Сибири?

«К северо-востоку от России, — пишет Мильтон, — при реке Оби, лежит страна самоедов, открыл ее один русский по имени Аника (Строганов), который первый завел с самоедами торговлю и, добывая от них богатые меха, нажил большое богатство и узнал их страну, а впоследствии... указал, сколько полезно будет для государства приобрести эту страну. Борис отправил к самоедам пышное посольство и миролюбивыми средствами достиг того, что они отдались в подданство России с обязанностью ежегодной поголовной дани. Гонцы Борисовы, проехав двести миль к востоку от Оби, донесли, что там красивая страна, изобилующая лесами и источниками, что жители ездят верхом на оленях и лосях, другие же в саях, запряженных оленями, а иные еще на собаках, столь же прытких, как олени».

Как известно, первый царь Романов закрыл — в 1619 году — морской мангазейский ход, оберегая интересы российских и сибирских купцов от завистливых взглядов (и злонамеренных попыток) иноземцев. Наверное, решение для той поры вполне резонное. Жаль, что царское табу затянулось на два с половиной века.

Только в 1874 году в Обской губе появился первый иностранный корабль. Честь первопроходца принадлежит Джозефу Виггину, который за одну навигацию сумел из Европы дойти до устья Оби и обернуться назад.

Это плавание на судне «Диана» принесло ему славу покорителя Карского моря, которое до тех пор считалось непроходимым «ледовым мешком».

«Будучи убежден издавна, — говорил Виггинс, — что Карское море доступно для паровых судов, специально приспособленных, я принял свое первое северное крейсерство на принадлежащем мне специально приспособленном пароходе «Диана», экипаж которого был набран из лучших шотландских китоловов».

Спустя три года из Тюмени в Лондон отправилось первое сибирское судно. Парусная шхуна, построенная на тюменской верфи, несла на борту гордое имя «Сибирь». В ее трюмах находилось 16 тысяч пудов пшеницы и конопля. «Сибирь» благополучно добралась до мыса Хаманел в низовьях Оби, двинулась дальше на север... и пропала из поля зрения любопытствующей общественности. Некоторые поторопились поставить на «Сибирь» крест. Но 25 октября 1878 года из Лондо-

на пришла телеграмма — капитан Курдзен сообщал, что тюменский парусник благополучно вошел в устье Темзы. Это был первый рейс из Западной Сибири в Британию.

Годом раньше, тоже впервые в истории обского судоходства, была произведена грузовая коммерческая операция «река — море». У впадения реки Надым в Обскую губу, на траверзе мыса Линзита, встретились европейские корабли и сибирские речные суда. Первым к надымскому устью подошел «Нептун», на котором фирма Отто Бартинга отгрузила из Гамбурга купцу Функу товаров на тридцать две тысячи рублей серебром. Датский капитан Расмусен довольно быстро привел «Нептуна» к месту назначения: на весь путь ему потребовалось всего двадцать три дня. Второго августа, через сутки, к мысу подошел речной пароход «Сибиряк», принадлежавший купцу Тюфину. «Сибиряк» волочил за собою пару барж, груженных сибирской пшеницей. Плоскодонный «Сибиряк» с трудом выдерживал нижеобские штормы, поэтому, пережидая непогоду у Кушевата, и опоздал к месту встречи.

«Первый обмен иностранных товаров на хозяйственные произведения сибирской земледельческой полосы», как назвал операцию морской историк Н. Балкашин, проходил в трудных условиях. Штормило. Судам пришлось отойти севернее, где глубины были побольше. Десять суток потребовалось, чтобы двадцать три тысячи центнеров пшеницы с тюфинских барж перекочевали в трюмы «Нептуна». «Сибиряк» вернулся в Томск, где Функ имел свои магазины. Подсчитав стоимость перевозки полученных морем товаров из Гамбурга, он снизил цены на масло и керосин, чем привел в ярость своих конкурентов. Так морские перевозки агитировали сами за себя, хоть путь по арктическим морям был еще практически не освоен.

Когда «Нептун» заканчивал погрузку, к Линзиту подошло второе судно — пароход «Воркворт», который привел из Ливерпуля к Надымскому бару тот самый первопроходец Виггинс. На борту «Воркворта» находился груз петербургского дельца, который снабжал свои сибирские магазины солью, маслом, посудой и другими товарами. С опозданием на два дня к морскому партнеру подошел пароход «Степан», принадлежавший компании тобольского рыбопромышленника Корнилова. На его баржах кроме пшеницы были лен, конопля и льняное семя.

Этот груз перекочевал в трюмы англичанина. Путь для Виггинса оказался более тяжелым, чем для «Нептуна». В штормовую ночь пароход сел на мель в не обставленной бакенами Обской губе, и, выбираясь из речного плена, Виггинс счел за благо выбросить за борт почти чет-

верть принятого груза. «Воркворт» сполз с мели и дальше вполне пристойно добрался до родного порта.

Несколько аварий в Карском море — и бывлой северноморской эйфории (а некоторые тогдашние публицисты уже объявили арктическую трассу «надежным путем») пришел конец. Но именно в эти годы закладывалась основа Карских товарообменных экспедиций, у истока которых стоял Владимир Ильич Ленин.

«СОПЕРНИЦА

РЕЙНА»

Объ вряд ли может похвастать именами великих ученых, которые посвятили ей свою жизнь. Да и среди тех, кто изучал ее время от времени, мировых авторитетов не так уж много — разве что Владимир Николаевич Сукачев, отец отечественной экологии, который в 1934 году совершил экспедицию от Новосибирска до устья Тыма и открыл южную границу древнего ледника. Но это лишь эпизод в его богатой научной биографии. Выдающийся исследователь Сибири академик Владимир Афанасьевич Обручев работал на берегах Оби, но тоже эпизодически.

Так что из всех знаменитых обских путешественников я выберу двух — нашего соотечественника и прославленного европейца.

...Юный Иван Поляков служил вестовым не у кого-нибудь, а у князя Петра Кропоткина — великого анархиста и великого географа. Насчет анархизма неизвестно, а вот страстью к странствиям князь юного забайкальского казачка заразил. Иван Семенович умер молодым, но его путешествий хватит и на более долгую жизнь. Восточный Саян и Западный Алтай, Семиречье и Сахалин, Сингапур и Кузнецкий Алатау, Прииртышье и Япония, Суэц и Нижняя Обь. Больших научных чинов бывший вестовой не достиг, числился рядовым ученым-хранителем академического музея. Путешествие в долину Оби он совершил в 1876 году.

«Надым оказался фокусом, в котором сосредоточился весь свет обской рыбопромышленности. От самих рыбопромышленников я ничего не узнал существенного касательно их занятий; они сами, по собственным рассказам, — народ страждущий, обиженный остяками, которые ими благодетельствованы; все же их торговые обороты с остяками составляют «коммерческую тайну», неприкосновенность которой я и приму в настоящее время решимость нарушить с целью выяснить суть

132 этой тайны. Первостатейный элемент, с которым рыбопромышленник

пробирается к северу по Обской губе, это — давно известный на Оби запретный плод, главная составная часть «коммерческой тайны» — водка».

Так писал Поляков в своих «Письмах и отчетах о путешествии в долину реки Оби», опубликованных в «Записках Академии наук». Академической инструкцией ему вменялось в обязанность антропологические и этнографические исследования остяков (ханты), он должен был ознакомиться с их хозяйством, промыслами, бытом. Третья задача в его «Письмах» стала главной: отчет — гневный протест ученого-гуманиста против изощренной эксплуатации коренных северян.

Чтобы добраться до Надымского устья, Полякову пришлось проделать большой путь. Приятная неожиданность поджидала профессора в селе Самарове. Проживающий здесь рязанский крестьянин Земцов, движимый, как он писал в письме к Полякову, патриотическим чувством, предложил ученому изготовленный им самим восьмивесельный крытый каюк. Неожиданный дар решил многие транспортные вопросы. В благодарность дарителю Поляков назвал научно-исследовательскую лодку «В. Земцов». В пути ему не раз пришлось благодарить судьбу за нечаянный, но благословенный дар.

На многокилометровом маршруте Поляков встречал неприкрытые формы по-северному дикой эксплуатации. Страдали не только коренные северяне. В нечеловеческих условиях жили и рыбаки, которых промышленники нанимали на пугину в Тобольске.

«Трудно найти какие-либо удобства в помещении рабочих, — пишет Поляков. — Оно состоит из низенькой лачуги, сажени полторы-две по диагонали; в одном углу его обыкновенно находится чувал — самая первобытная форма камина; пол помещения — земля. На некоторой высоте от пола находятся по стенам лачуги нары, на которых рабочие спят вповалку. В таком тесном помещении спят обыкновенно пятнадцать — двадцать человек рабочих, смрад в помещении уменьшается потому, что лачуга представляет бесчисленное множество отверстий в стенах и крыше».

Редкий здоровяк мог вынести бесчеловечные условия. Слегшие больные были предоставлены собственным мукам. Многие нашли на Севере свое последнее обиталище под крестом из прибрежной ольхи.

Если из русского пролетария тянули последние жилы, то ключ к коренному жителю Севера оборотистые промышленники нашли в другом. Хотя официально ввоз «вина» ниже Обдорска был запрещен, водка в остяцкие и самоедские юрты завозилась ведрами.

«Чем ниже по Оби, — замечает Поляков, — тем рубль становится дороже, а остяцкий товар дешевле».

«Мое присутствие, видимо, очень стесняло рыбопромышленников в Хоровой, — отмечает путешественник, — но в Паули было больше свободы, там происходило что-то таинственное, коммерческая тайна, — остяки возвращались молчаливыми, задумчивыми. Я почувствовал в себе тяжелую нравственную усталость».

Однако он много времени уделил и прямой задаче: собрал хорошие зоологические и ихтиологические коллекции, изучал верования и культы нижнеобских ханты, религиозные и бытовые обряды.

В Обдорске путешественник пересел на пароход «Сибиряк», на котором собирался добраться до Тобольска. В салоне парохода подобралась довольно солидная компания ученых, которые в 1876 году занимались изучением Ямала: члены Бременской северо-полярной экспедиции Брем и Финш, капитан парохода «Москва» Даль со своим помощником Раудзепом. Все они были подавлены увиденными порядками, царившими в этом суровом краю.

На палубе «Сибиряка» Иван Поляков и встретился со вторым героем главы.

Самым знаменитым исследователем Оби, видимо, следует признать автора «Жизни животных», всемирно известного Альфреда Брема. На субсидию сибирского миллионщика-золотопромышленника Александра Михайловича Сибирякова он с другим немецким ученым доктором Отто Финшем составил экспедицию Германского северо-полярного общества и не только проплыл всю Обь от истока, но и на шхуне, которую верноподданнически назвал «Бисмарк», проделал путь к Байдарацкому заливу, помня идею того канала, который столетие назад интересовал капитана Бетсона. Результатом их экспедиции стали выставки в крупных городах Германии и Европы, в «Жизни животных» были четко представлены животные Сибири, а доктор Финш оформил совместные путевые наблюдения в книге «Путешествие в Западную Сибирь», которая вышла в русском переводе и благодаря которой мы знаем подробности этого путешествия.

Что касается байдарацкого канала, то здесь мнение путешественников было однозначным, они пришли к неутешительному для Оби выводу:

«Если Суэцкий канал сокращает дорогу из Индии в Лондон на двадцать четыре дня, то Обский канал не доставит ни малейшего сокращения».

Путевой дневник сообщает интересные подробности жизни на Оби в конце прошлого века. Впечатления европейских путешественников были удручающими: Сибирь им представлялась «ужасной духовной могилой», хотя по-немецки аккуратный Финш старался быть объективным:

«Поездка по Оби, хотя и довольно однообразна, все же не может быть названа скучною и во всяком случае гораздо интереснее, чем, например, по нижнему Дунаю».

У Белогорья, уже на обратном пути, Финш увидел большую стаю гусей, насчитав в ней не менее четырех тысяч птиц. Но даже это не улучшило его настроения:

«Обь поразительно бедна живою жизнью, и в некоторых местах на ней царствует мертвая тишина».

Мало того, Финш постоянно полемизирует со своим соотечественником Албином Коном. Мне, правда, гораздо симпатичнее романтическая точка зрения Кона, а не голый объективизм Финша.

Ну как не согласиться с Албином Коном, который утверждал, что Обь — «величайшая река земного шара», что она по красоте «соперница Рейна», а это в устах правозверного немца звучит наивысшей похвалой.

Финш, оспаривая коновские заявления, опирается на авторитет Александра Кастрена: «Лучшую характеристику Оби дает Кастрен, говоря: «С европейской точки зрения, Обь дикая и однообразная река, которая не возбуждает в душе созерцателя природы ничего, кроме уныния и тоски». А от себя Финш присовокупляет:

«Хотя Обь никогда не будет привлекать своею живописностью туристов и вообще людей, путешествующих ради удовольствия, она все-таки заслуживает большего внимания как величайшая река Сибири».

«Величайшей» он назвал ее вовсе не по географическим, а по экономическим причинам, ибо Обь, по его рассуждениям, «ближе других к Европе, а ее обширная водная система распространяется на запад и на восток до богатых рудников Урала и Алтая, а на юг до степей, изобилующих стадами, и вообще охватывает самую плодородную, наиболее возделанную и наиболее населенную часть Сибири».

Конечно, осторожный Финш куда ближе к истине. Албин Кон в Сибири не бывал, книга его на русском языке не издавалась, но, мне думается, ничего плохого нет в том, что прочитавшие ее немцы, вместе с автором, могли считать Обь величайшей рекой мира. Мне это коновское заблуждение импонирует.

Из обширной книги Финша приведу одну цитату, которая покажет нам, что все города Северной Сибири начались с реки. Привычным транспортом на тогдашней Оби была барка. Вот как ее описывает многознающий немец: это «колоссальное судно, к которому лучше бы шло название ковчега, потому что знаменитое Ноево судно вряд ли было неуклюжее. Такой ковчег имеет от восьмидесяти до ста футов длины... продолговатый пятиугольный ящик, сделанный из бревен, обшитых лесом». По Оби плыли настоящие срубы. Обская барка — судно одноразового действия, но двухцелевого назначения. Плавающий хлебный магазин где-нибудь в Тюмени или Тобольске загружался мукой прямо в трюмы и сплавлялся вниз до Березова и Обдорска почти самосплавом, десять его весел служили скорее рулями. Самосплав длился долго, на место назначения барка прибывала, как правило, поздней осенью, и торговля мукой шла всю зиму.

«Так как обратный путь невозможен, то судно продается на постройки. Почти все дома в Обдорске, — свидетельствует Финш, — большинство их, в Березове и других местах построены из барочного леса». Купец в проигрыше, как правило, не оставался — на зимней ярмарке он отоваривался мехами так, что покрывал все свои расходы.

Что касается Брема, то на Оби тот испытал лишь одно приключение: всегда аккуратно приходивший к вечернему чаю, однажды у вечернего костра он не появился: вместе с графом Вальдбургом они заблудились в прибрежной тайге, на болотине, и, как не преминул отметить объективный Финш, «переночевали в ней и немало натерпелись страхов». Думается, Финш делает реверанс в сторону читателя: как это — побывать в дикой тайге и не попасть в опасное приключение!

Надо признать, что сибирское путешествие Брема — Финша проходило вполне нормально, без тех приключений, которыми вроде бы должна славиться дикая Сибирь.

...Девятнадцатого марта 1879 года в Бремене, в штаб-квартире Германского географического общества, состоялся званый, чрезвычайно необычный обед — в меню впервые в Германии значилась обская нельма. Этот обед с сибирским деликатесом имеет непосредственное отношение к экспедиции Брема — Финша.

Иван Николаевич Корнилов, знатнейший обский рыбопромышленник и пароходчик (на его пароходе и проделали немецкие гости большую часть обского пути), на прощание шутливо пообещал, что прилетит в Германию так понравившуюся путешественникам обскую рыбу.

136 Он свое обещание выполнил. Муксунов и нельму заморозили в воде в

жестяном ящике, поставили жестянку в деревянный ящик, засыпав зазор мелким толченым углем. От Тобольска до Нижнего Новгорода корниловская посылка добиралась семьдесят четыре дня на санях, а от Нижнего до Бремена на паровозе ехала еще девять суток. К столу немецких географов она прибыла, как утверждает Финш, «совершенно свежей, как бы сейчас пойманной».

Так невинное, шутливое обещание превратилось в первый опыт международного выхода обской рыбы «в свет» и получило широкий резонанс. Крепкий сибиряк Иван Николаевич, видимо, толк в рекламе понимал. Международный дебют обской нельмы, надо признать, прошел вполне успешно.

«ОД ПРАМЕНУ К ОКЕАНУ»

Я получил бандероль из Праги. В ней — книга. В чешском не сплен, но название книги перевести, пожалуй, не составит труда: «От истока к океану» («Од прамену к океану»). А имена авторов — Отакар Штерба и Яромир Штетина — сразу заставили вспомнить былую встречу.

...В конце редкостно жаркого полярного августа 1984 года к сале-хардскому причалу пришвартовались два необычных, нарядно изукрашенных суденышка с парусной оснасткой — яхты. На борту одной имя — «Святая Магдалена», на другой — «Безумству храбрых». Яхточки уже прошли путь от обского истока и намеревались через Ямсальский бар проскочить в Обскую губу до Яр-Сале или Нового Порта. Экипажи яхт — совместная экспедиция двух молодежных газет, «Комсомольская правда» и «Млада фронта», ее девиз — «Путешествие в страну будущего». В страну будущего ведет, конечно же, Обь.

На борту «Безумству храбрых» я и познакомился с симпатичным журналистом-кругосветником Миреком Штетиной и его суроволиким другом — доктором Отакаром. Позади многомесячный путь, другие организационные неувязки — неизбежный спутник советско-международных предприятий. Усталые чехи были невероятно довольны, строили обширные планы: как в оставшие деньки, которые за ними числились, поглядеть как можно больше — и ямальскую тундру, и горы Полярного Урала, его ледники, и желанное Карское море. Неистовая жажда всех путешественников! А Мирек и Отакар — путешественники со стажем.

Штетина, несмотря на свои неполные сорок, успел к тому времени побывать в Африке, Иране, Пакистане, Китае, странствовал по Гималаям и Гиндукушу. В промежутках между путешествиями успел издать четыре книжки, в том числе перевел героический эпос алтайцев «Всадник на белом коне».

Поджарый человек спортивной выправки (сразу видно, турист и альпинист), доктор зоологии из университета в Оломоуце Отакар Штерба тоже путешествовал немало — по Алтаю, Кавказу, Памиру, Средней Азии, Монголии, Северной Африке, Гималаям, но особенно часто бывал в районах Палеоарктики. Он пишет научные и популярные книги, снимает документальные фильмы.

Какое же впечатление произвело на них путешествие по Оби? Конечно, лучше всего перевести бы присланную книгу, но, думаю, время изучать чешский уже упущено, однако у меня сохранились на магнитной пленке интервью, взятые тогда, на борту яхты «Безумству храбрых», а те впечатления с симпатичным славянским акцентом — самые свежие, самые первые и потому, наверное, самые достоверные. И Мирек, и Отакар неплохо говорят по-русски, только иногда надолго задумываются, подбирая — с их точки зрения — наиболее точнейшие русские слова.

— Мы не увидели суровой Сибири, — тон Мирека несколько разочарованный, — как это европейцу побывать в легендарной Сибири и не кусить ее знаменито-страшных достопримечательностей!

Тепло стояло, на Алтае мы... застigli засуху. Такой Сибири я не представлял. Разве я мог подумать, что здесь, на Северном полярном круге, смогу с удовольствием искупаться? Мы долго готовились к встрече с Сибирью, шесть лет, это не так просто организовать международную... экскурсию. Если бы не ваш прославленный Дмитрий Шпаро, экскурсия могла вовсе не произойти. Конечно, мы приехали сюда, чтобы увидеть великую реку. Мы нашли здесь великую реку, но этот великий естественный путь привел нас к замечательным людям — сибирякам. Мягкая, ровная, спокойная река с илистым дном создает особую атмосферу, мы встречали здесь неизменное доброжелательство, радушие, мы не заметили злых людей. Гостеприимство поразительное — в какой-то деревеньке одинокая старушка принесла нам кринку молока от своей коровы и пяток яиц куриных. Это, говорит, вам на дорожку, вы издали прибыли, да и дорога неблизкая, согдится. Не забуду ее простого лица, натруженных рук, материнской заботы. На других берегах можно встретить приветливость, улыбку, но с истинным радушием мы встретились именно на обских берегах. Мне кажется, Обь — река

Добра, сибирские морозы законсервировали резервы доброты, которых все меньше остается в мире. Я бы сказал, — закончил Мирек Штетина. — что на великой реке живут великие люди.

— Особых приключений у нас не было, — продолжил рассказ доктор Штерба. — Правда, мы смогли убедиться в правоте знаменитого Брема, что сибирские комары наиболее беспощадные в мире. Да от озера Телецкого, когда мы на резиновых надувных лодках сплавлялись по Бие, было несколько нештатных ситуаций. Сама же Обь удивительно доброжелательная река, она нам предоставила хорошую возможность плодотворно поработать. Дмитрий Горбунков писал репортажи в «Комсомолку», Мирек — в «Младу фронту». Я и кинооператор Франтишек Шлама трудились над двумя фильмами: «Большая река» — для молодых чешских любителей кинопутешествий и «Естественные пояса» — для школьников. Важно показать во всем величии и сибирскую тайгу, и алтайскую степь, и северную тундру, и великую реку, вечную мерзлоту. В Чехословакии всего этого не увидишь. Ваш край не может не поразить! Когда три часа летишь на вертолете (мы на нем делали отклонения от речного маршрута) и видишь только болота, болота, тайгу, тундру, все в естественном виде, тогда только и поймешь — вот она, настоящая Сибирь. Она не пугает, она поражает воображение. И какие люди! Мне есть что рассказать своим студентам из славного Оломоуца.

Дмитрий Шпаро, один из спонсоров экспедиции, специально прилетел в Салехард (в Обской экспедиции, кстати, принимал участие один из его спутников по высокоширотным странствиям Владимир Владимиров), чтобы приободрить чешских коллег перед самым трудным, заплярным участком плавания.

— Это экспедиция дружбы, а Обь — река дружбы. И здесь все в порядке. Совершенно замечательно, когда нас сводит вместе неизлечимая, неистребимая страсть к путешествиям.

Вот о чем мне напомнила изящно изданная книга «Од прамену к океану».

КОРНИ РЫБНОГО

« Д Е Р Е В А »

— Знаете, сколько стоит Лонгот-Юган? — Шишмарев смотрит с любопытством, которое можно назвать ехидным.

— Реки в нашей стране, кажется, не оценены... — мнусь я.

— Даже бросовая цена Лонгот-Югану — миллион. Я подсчитал.

— Но такой миллион в сейф не положишь, охрану не поставишь?

— Да, с дензнаками проще. Голову на эшафот положат, если сейфовский миллион унесешь. А речка спокойно себе течет, утекает, и не всякий сознает, что это течет миллионное богатство.

— Так если один средненький приток на миллион тянет, во сколько же тогда Обь обходится?

— Не буду говорить — миллиарды, скажу попросту — цены нет.

...Прекрасное ощущение — на быстроходной моторной лодке вплывать... в горы. Перед тобой — холмы, они величаво спокойны, хотя любые горы — взволнованная земля. Берега становятся выше, круче, а там, в синеватой мари, появляются дальние голые горы Полярного Урала, с которых так и не сошел припозднившийся снег. Но туда на лодке не доберешься, здесь же Лонгот-Юган хотя бурливо стремителен, но для лодки вполне проходим.

Горные реки, как все легкомысленные красавицы, в своем поведении непредсказуемы. Еще вчера горный поток бежал спокойно, но за какие-то три часа начал взбухать, чистая вода помутнела. Видно, настойчивый теплый дождь в верховьях прибавил скорости тающим горным снежникам.

Уровень подъема оказался неожиданным, рекордным для реки. Экспедиционную избушку строили на таком месте, куда вода никогда не доходила. Бывалый Шишмарев на этот раз паводка не предугадал: он спокойно уехал на катере «Наука» за снаряжением в Лабитнанги, а здесь, в полевой базе на берегу обского притока Лонгот-Югана, оставил ассистентку, жену Валентину Николаевну. И Мишку, наверное тоже ихтиолога, но пока не штатного — будущего. Жена и сынишка, обывшие в полевой жизни, занимались дежурными делами, не думая об опасности, которая в эти часы проливалась обильным дождем в ближних горах.

Даже резкий подъем воды Валентину Николаевну не испугал. Это 140 так похоже на резвый характер Лонгот-Югана: если он и выйдет из

берегов, до избушки ему еще надо метр подниматься. Мишка глазел, как стремительно поднимается вода: прямо морской прилив — такое ни в каком кино не увидишь. Только когда, почти не задержавшись, вода перескочила кромку основного берега, Шишмарева забеспокоилась. Надо спасать запасы сезонного горючего. По воде неполные бочки плыли-качались легко, как поплавки, — с сыном Валентина Николаевна подтянула их к сухому бугру. В лодку на всякий случай сложила все самое ценное — вода затопила пол в избушке. Однако печку на ночь они сумели разжечь: сухие дрова на мокром угле горели как ни в чем не бывало. Но к утру печка наполовину ушла в воду. Валентина Николаевна решила перебраться в лодку. Здесь они целые сутки — с ночевкой — и «промазаили».

Лонгот-Юган бушевал. Со стремительной силой он нес лед. Лыдины, как острые косы, резали береговой ивняк, ломали большие осины и лиственницы. Эти ломаные деревья острым тараном вгрызались в берега. Полевая избушка защищена ивняковой грядкой, в спасительных зарослях все трещало, скрежетало, хрустело. Если ледолом скосит ивняк, то избушке несдобровать.

Катер с Шишмаревым вернулся только на третьи сутки.

Свежие впечатления еще памяты женщине, которая пережила не особо приятные дни.

— Красота какая! — неожиданно восхищается она, вроде напрочь забыв о своих тревогах. — Какая сила! Сначала только мутная вода неслась, а потом начался ледоход. Видимо, где-то затор был. Лыдины неслись с торпедной скоростью! Я впервые видела — горный ледоход!

— Красиво, но приятно, что мимо?

— Нас ивняк спас — хорошее место для избушки выбрали. Да, красотыща, но правильно — хорошо, что мимо. Ой, думаю, только б в избу не попало, не в лодку. Сомнет заросли, силищи-то сколько! Мишке — приключение, мне — воспоминание, Валера-то жалеет, что не посмотрел.

О недавнем наводнении напоминает сырая серая полоса на беленой извести печке. А Лонгот-Юган пошумливает рядышком на голосистом перекате, почти спокойно, как укрощенный, умиротворенный зверь. И воды его, как у всякой горной речки, невинно прозрачны.

Почему на берегах этой, не особо примечательной, типичной полярноуральской речушки поставил стационарную базу старейший ихтиолог Ямала? Лонгот-Юган, как и другие пока еще чистые притоки Оби — убежище для благородного рыбного населения.

Притоки — это даже не ветви великого рыбного «дерева» — Оби. Это его корни. Так что, когда мы пренебрежительно относимся к так называемым малым рекам, загрязняем их, — не веточки сечем-отсекаем, рыбные корни рубим.

Те процессы, которые отмечает на Лонгот-Югане ихтиолог Шишмарев, пожалуй, тревожны: сюда, в его чистые, незагрязненные воды, бегут, спасаясь, те рыбы, которых здесь никогда не бывало. Это настоящее рыбье высокоблагородье — пыжьян, пелядь, сиг — чир, ряпушка, тугунок — который в мире гурманов известен более под именем сосьвинской сельди. В холодных и прозрачных водах Лонгот-Югана может нереститься даже капризная нельма.

Все эти ихтиологические факты непреложно свидетельствуют об одном: воды Оби загрязняются, начинается водный «смог», от которого в кислородную подушку чистого горного протока бежит-спасается всяческое рыбье население.

Лонгот-Юган — открытая река, здесь ведут промысел рыбаки государственного лова, на его берегах разрешена хозяйственная деятельность, беспрепятствен вход туристам.

Шишмарев убежденно доказывает, что Лонгот-Юган с его нерестилищами нужно, как и другие горные притоки Оби, немедленно закрывать, оберегать, как всякий роддом. Речной «сейф» следует беречь.

...Если вспомнить слабоватые университетские познания в древних языках и перевести слово «ихтиолог», то с греческих корней получится — «изучающий рыбу». Но если подходить житейски, получится — «ученый рыбак». Впрочем, это не только попроще, но, пожалуй, и вернее. Посмотрел я, как работают ихтиологи Шишмаревы, — в просоленных штормовках они выглядели, как заправские рыбаки; он бы сошел за бывалого кормплавича, она — за умелую весельщицу. Ихтиолог обязан быть рыбаком не просто умелым, но и особо удачливым. Если он не выловит нужную рыбу нужной ловушкой в нужном месте, ему нечего изучать и исследовать.

Так что рыбацкий опыт для ученого — дело первейшее. Для старшего научного сотрудника Института экологии растений и животных Уральского отделения АН СССР, заведующего ихтиологической группой Свердловского стационара Шишмарева проблем с опытом нет. За два десятка северных лет Валерий Михайлович основательно перебрал всю гидросеть Тюменского Севера: Северная Сосьва, Сыня, Войкар, Сось, Куноват, Харбей, Тазовская губа, многочисленные Пуры.

шли серьезные крены — сегодня ихтиологам угрожает реальная опасность потерять предмет своего изучения. Из несколько академически-нейтральной эта биологическая наука перешла в разряд «горячих» социально-экологических: стала изучать не просто рыб, но и взаимоотношения человека с водной средой, человеческое влияние на рыбные обиталища. Ихтиолог — по долгу ученой службы — становится активным защитником этой среды.

Влияние это человеческим, конечно, не назовешь. Скорее, оно античеловеческое, антиживое, так что лучше обходиться абстрагированным термином — антропогенное воздействие.

— Какой переброс вод! — возмущенно машет руками Валерий Михайлович. — Если мы и дальше так будем хозяйствовать, никому эти сточные воды не потребуются. В полный голос следует вести речь о деградации обского речного стада. Мы уже вылавливаем муксуна, тощего, как селедка. Да что там нежный муксун! Ерш, неприхотливый ерш исчезает из рыбацких уловов. Даже он не может выдержать антропогенного пресса. Читал я недавно старинную работу Варпаховского, он пишет, что в Москву из Обдорска привозили замороженных ершей весом почти в килограмм. Любил столичный купчик ушцу из обского ерша. Килограммовый ерш! Но скоро он станет редким, как осетр, а веса в нем нынче — одни колючки. Куда ж мы идем?

— Вы наука — кому, как не вам, подсказывать выход?

— У меня складывается впечатление, что мои современники, — после паузы, передохнув и подумав, ответил «ученый рыбак», — поставили негласную задачу, которую выполняют с завидной и целеустремленной последовательностью: загубить рыбные реки. Примеров и в Сибири, и за ее пределами сколько угодно. Я считаю, что задачу надо сделать гласной: пусть рыбаки, речники, нефтяники, строители, все те, кто ведет хозяйственную деятельность на берегах и на воде, возьмут честное обязательство: превратить Обь в неживой организм к такому-то сроку!

— Вот так прямо?

— Иначе нельзя. Мы должны знать, с кем боремся. А то ведь все кругом застенчиво объявляют себя защитниками природы. Пусть наши потомки (мы часто, чтобы пробудить собственную совесть, обращаемся к ним) точно знают, что именно освоители Сибири восьмидесятых, скажем, годов поставили себе задачу и успешно с ней справились. Это будет честнее.

— А если без шуток?

— Какие могут быть шутки! Пока мы не разучимся красивыми словами объяснять наши грязные дела, все рекомендации науки бессильны. Возьмем только рыбников. Думаете, все они защитники реки, которая их кормит? Я помню недавнюю историю — наш научный сотрудник Богданов выступил в передаче Салехардского радио «Убийство... во имя жизни». Он выступал против электрорыбозаградителя, который применили рыбники на горном обском притоке. Ученые считают, что применение этого «электрического стула» для рыбы наносит огромный вред реке. И что же в ответ услышал специалист? Что информация «чрезвычайно искажена», что это анекдот из серии «одна гражданка сказала», что говорить о катастрофическом подрыве запасов сиговых рыб — «преднамеренно искажать истину», что выводы ученого «сомнительны и неправдоподобны». Да, кстати, что он и права-то не имел выступать, не посоветовавшись с Минрыбхозом. Каково? И догадайтесь, кто ответ подписал? Тогдашний начальник Сибрыбпрома товарищ Будылдин. А ведь начальнику ответ помогали писать ученые из подведомственного института СибрыбНИИпроекта. Слушайте, ведь это не технократ-нефтяник отбрехался, который в ихтиологии не смыслит, — а хозяин рыбной Оби. А вы спрашиваете — где выход? Только в совести. Это моя единственная научная рекомендация. Пока мы свои мерзкие дела будем выдавать за речение о деле, все разговоры о спасении природы неразумны.

— Так не становится ли ваша работа бессмысленной?

— На похоронах присутствие священника обязательно, — мрачно заметил Шишмарев.

— Не очень ли мрачно?

Ему виднее.

Но совершенно очевидно, что река — клад бесценный и неоценимый — идет у нас по разряду малоценки. Есть, скажем, месторождение нефти. Клад. Геологи подсчитают его запасы, эксперты проверят, нефтяники проконтролируют. Никто не имеет права, кроме одного хозяина, лезть в недра. С рекой сложнее — она на виду, бери богатство любой. Но и запасы ее никто не подсчитывал, да и хозяин такой, что хочет сам у себя урвать побольше.

— У этого невеликого Лонгот-Югана есть ли хозяин? От истока его и до устья кто владелец его богатств — воды, рыбы, берегов и дна? Нет, даже юридически-формального хозяина мы не отыщем. Наверное, есть кто-то неконкретно бесплотный, как Саваоф на небесах. А с кого же конкретно мы хотели бы спрашивать? — негодует Шишмарев. — А

про великое обское речно-рыбное государство я уж не говорю. Всеобщее бесценное достояние.

В слове «бесценный» корень — «цена». Но, к сожалению, нынче это понятие, — когда речь идет о природных драгоценностях, — скорее нравственное, чем экономическое. Драгоценная, но конкретно не оцененная вода-река приравнивается по сути к никудышной, бросовой вещи.

— Наводнение — вещь хорошая, — неожиданно признается Шишмарев.

— Чего ж хорошего — вон сколько расстройств у Валентины Николаевны?

— Полезное дело. Река умывается, всю грязь смывает. Это не только про Лонгот. Вешний паводок на Оби для ее здоровья — серьезное дело. Только вот грязи столько становится, что и вешние умывания скоро уже вряд ли помогут.

Только одно утешение после таких встреч — еще не поздно взяться за сбережение великой сибирячки. Югу не отдали, да чтобы самим загубить?

МЕРТВАЯ

ВОДА I

...На вечерней реке — малиновые блики разгорающегося заката, отблеск костерка, разгоняющего комаров. За нашими спинами — островерхий рыбачий чум. Старый рыбак Николай Сязи нежно вертит в продубленных руках городскую сигарету.

— Нефть нужна, понимаю, — он завороченно смотрит в малиновую воду, — газ нужен, понимаю, гравий тоже нужен, понимаю. Одного понять не могу — разве рыба не нужна? Приезжает газовик — дай рыбу, просит. Сварщик мимо едет — от рыбы не откажется. У начальника портфель пузатый — брось пару хвостов, говорит. Ни одного корреспондента не видел, который бы от рыбы отказался. Зачем же ее травить? Какие уловы были! А какие стали? Иван Вокуев как-то осетра на восемь пудов словил, сейчас таких даже на картинках не рисуют. Почему сначала нефть, а потом рыба? Пусть вместе. На Севере без огня трудно, кустиками печь топят, и ничего, терпит тундровый ненец. Но без рыбы не терпит, без оленины не терпит. Зачем столько нефти, если она по реке плывет? Значит, столько не надо. Зачем столько газа, если небо им греют?

Преступление против великой реки продолжается! Вот свежие данные. Справка подписана начальником Тюменского областного центра по гидрометеорологии Л. Черкасовым:

«Среднее содержание основных загрязняющих веществ на уровне 1,8—8,9 ПДК. Практически во всех прибрежных населенных пунктах в 1987 году отмечался рост нефтепродуктов по сравнению с 1983 годом в среднем в три раза... На участке от города Нижневартовска до города Сургута река наиболее загрязнена нефтепродуктами и фенолами. В районе Нижневартовска среднее содержание нефтепродуктов самое высокое — 8 ПДК, фенолов 5 ПДК. В 1987 году ниже города зарегистрированы случаи высокого загрязнения нефтепродуктами, превышающими ПДК в 92 раза, а выше Сургута — в 59 раз».

Вас убили эти цифры? Но это вовсе не предел: вот графическая сводка лишь одной былой нефтяной аварии. Пробы отобраны 45 дней спустя, превышение ПДК за 75 километров от места аварии все еще составляло 29830 (!) раз.

Три года назад кандидат биологических наук Людмила Владимировна Михайлова принимала участие в составлении проблемной записки «О нарастающем влиянии нефтяного загрязнения на рыбное хозяйство Обского бассейна». На последней страничке этой записки, в разделе рекомендаций, есть строчка: «Минрыбхозу РСФСР укрепить единственный в Западно-Сибирском регионе отдел токсикологических исследований СибрыбНИИ проектами кадрами». Михайлова как раз работала в этом отделе. Незамедлительное «укрепление кадрами» выглядело странновато: саму Михайлову уволили под универсально-благовидным предлогом сокращения штатов. Хорошо, что ей предложили место на кафедре генетики и экологии биофакультета Тюменского госуниверситета.

Прошу Людмилу Владимировну охарактеризовать состояние экологического здоровья Оби. Она невесело вздыхает:

— Состояние больной тяжелое. Ежегодно в Обскую губу, в Карское море, в Северный Ледовитый океан уносится более 120 тысяч тонн растворимых углеводородов. Нефтяники в год теряют примерно 6—7 миллионов тонн нефти, практически вся она попадает в водосброс Оби. Сама река находится в центре Западно-Сибирского «блюдца», все нефтяные ручьи-капилляры стекают в основную магистраль. За годы нефтяной эпопеи Обь «проглотила» 250 тысяч тонн сырой нефти — это лишь то, что учтено, а неучтенного, необнаруженного, конечно, в несколько раз больше. Загрязняют водный бассейн горящие факелы, бу-

ровые амбары, но главное бедствие — трубопроводы. Аварий — до 700 в год, значит, не меньше двух порывов в день. Прорвавшаяся нефть рано или поздно оказывается в воде. Мы исследовали обский приток Ватинский Еган — в донных илах на 100 граммов грунта 10 граммов нефти. Я разговаривала с водолазами, которые занимались ликвидацией аварий: на многих участках они встречали сплошную нефть. Донный «асфальт» со временем заиливается, но потом вымывается речным потоком; вторичное загрязнение длится долгие годы. Даже если сегодня по мановению волшебной палочки прекратится нефтяное загрязнение, то его последствия будут сказываться, как минимум, полсотни лет, а то и добрый век. Нетрудно посчитать: мы уже сегодня отнимаем реку у трех будущих поколений сибиряков. А пока и волшебной палочки не предвидится...

Обь — можно уточнить — все еще главная рыбная река Сибири. Но деградация рыбной сокровищницы стремительна. До начала нефтяной эры среднетюменские уловы держались на уровне 32 тысяч тонн в год. Есть четкая граница, когда они катастрофически покатались вниз, — начало шестидесятых, именно в эти годы нефтяники громогласно рапортовали о первых героических деяниях. Раньше наблюдалась строгая естественная зависимость: больше воды — выше уловы. Нефтяное загрязнение естественную закономерность стерло, все смешалось в речном хозяйстве, сегодня в самый водный год могут случиться самые низкие уловы. Что потеряла рыбная Обь? Много. Очень много. По подсчетам специалистов СибрыбНИИпроекта, только в пределах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса ежегодный недолов составляет почти 146 тысяч центнеров. Это треть былых обских уловов. Чтобы потерять эту треть, потребовалось меньше тридцати лет. Если дела будут двигаться с подобным ускорением, уже при жизни нынешнего поколения великая рыбная житница превратится в рыбную пустыню.

Вот как выглядят потери по некоторым видам рыб: осетр — 325 т, стерлядь — 175 т, нельма — 190 т, муксун — 1590 т, сиг-пыжьян — 747 т, тугун — 53 т, корюшка — 587 т, налим — 198 т. Особо крупные потери несет неприхотливый, казалось бы, частик: язь — 820 т, плотва — 3261 т, ерш — 920 т. Настоящим индикатором подступающей ихтиологической трагедии являются щуцы потери. Ее в достославные донефтяные годы добывали до 80 тысяч центнеров, а сейчас этот показатель редко — в водный год — превышает 30 тысяч. Щука нерестится ранней весной, и нефтяная грязь, смытая вешними паводками, убивает ее икру.

— Нефтяная эпопея Тюмени — нефтяная драма Оби? — спрашиваю 147

кандидата биологических наук, заведующего кафедрой ихтиологии Тюменского СибрыбНИИпроекта Владимира Крохалева.

— Именно так, — подтверждает он. — Нефтяные приоритеты пагубно сказались на состоянии рыбных запасов. Мы видим все признаки надвигающейся катастрофы, деградация идет неотвратимо. Нефть в грунтах я лично фиксировал, к примеру, в Ханты-Питлярском соре — это почти за тысячу километров от мест добычи и вовсе не на магистрали реки. Весенние подпоры загрязняют нефтяным осадком горные нерестовые речки, места жирования — сора. Это настоящие раковые метастазы всей речной системы.

— Но сводки двух последних лет вроде бы заставляют настроиться на оптимистический лад — уловы поднялись, стабилизировались. Вроде нет особой причины бить тревогу.

— Перед агонией у больного часто наблюдаются симптомы выздоровления. Эта кажущаяся стабильность — результат стечения благоприятных условий. Но наш прогноз на ближайшие годы однозначен: уловы неизбежно упадут.

В коллективном исследовании сотрудников СибрыбНИИпроекта читаю: «Донные биоценозы Средней Оби вступили в фазу интенсивной деградации», «отдельные водоемы полностью или частично утратили свое рыбохозяйственное значение», «Средняя Обь — зона наиболее неблагоприятного санитарного состояния водоемов», «необратимая деградация». Если (по Пантле и Буку) качество вод Средней Оби можно определить как «умеренно загрязненное» и «грязное», то (по Гуднайту и Уитлею) Средняя Обь находится в «сомнительном» и «тяжелом» состоянии.

Некоторые обские притоки уже полностью деградировали. Вот печальный мартиролог: Баграс, Мега, Ватинский Еган, Остяцкий Живец, Демьянка, Лангепас, Быстрый Кульеган, Золотарка, протока Ганжева, Савкинский Пасол, Малый Салым, Большой Балык, Вань-Еган, Нерпалка... Кто следующий?

— Что может предотвратить агонию?

— Возвращение к здравому смыслу, — отвечает Крохалевский. — Мы должны вернуть природе полагающееся ей первое место. Но и сегодня я только слышу красивые призывы, но не вижу конкретных дел.

— Наверное, во многом виновата и наука?

— Несомненно, она исправно и достойно молчала, когда ей затыкали рот, не бунтовала, часто брала по швам, когда надо было кричать
148 всемирный караул. Мы сегодня знаем диагноз и располагаем рецепта-

ми. Но если нам разрешили вопить, то себе позволили не слышать наши вопли. Так что на горизонте ничего радужного, кроме нефтяных разводов на воде.

Ихтиологи осваивают новый научный термин — «нефтяные мутанты». Это рыба по виду, но отнюдь не по содержанию. Рыба накапливает нефтяные углеводороды, причем в самой вкусной своей части — тешке, и, по существу, становится ядовитой.

— Все малые северные народности: ханты, манси, ненцы, селькупы — находятся в большой опасности, — продолжает биолог Людмила Михайловна. — Все они рыболовы и рыбоеды, рыба, чаще всего, — основной продукт питания. Канадские исследователи провели интересные наблюдения для населения, живущего в устьях рыбных рек. Корреляция между раковыми и иными заболеваниями для людей, основным видом питания которых является рыба, прослеживается четко. Если рыба не погибает, она перестает быть пищевым продуктом.

Информация, которую сообщает Людмила Владимировна, раньше считалась закрытой, она и сегодня воспринимается психологически тяжело. Неужели все так плохо, так безысходно, так безнадежно, неужели нет никакой панацеи, чтобы не деградировал великий водный поток в нефтяную канаву, неужели предельно допустимые ситуации не поддаются контролю?

— Внушите надежду, — вопию я. — Хоть что-то в сегодняшней действительности может внушить надежду?

— Я ученый и поэтому пессимист, — жестко отрезает Михайлова. — Нефтепроводы стареют, металл корродирует, трубопроводов этих десятка два тысяч километров, аварий будет не меньше, а больше, и все они непредсказуемы. Плюс нефтехимические комплексы, которые проектируются в Тюменской области. Все они привязаны к Оби: Нижневартовск, Сургут, завод БВК в Нефтеюганске. Чистоты реке они, в лучшем случае, не добавят. Нефтегазовое освоение полуострова Ямал положит начало деградации Обской губы, — а это роддом всего обско-го стада ценных пород рыб.

Что ответить орденоносному рыбаку государственного лова Николаю Сязи на его недоуменный вопрос? Ведь устами его сам здравый смысл говорит. Но, видимо, при освоении Западной Сибири этот простонародный здравый смысл основательно подрастерян, утрачен, заменили его «высшие» соображения, а точнее сказать — ведомственная нахрапистость, вседозволенность, маскирующаяся под государственный интерес.

Чтобы оставаться оптимистами, надо действовать. Похвастать здесь 149

особенно нечем. Мелкое копошение водоохраных служб проблему глобально не решает, у местных Советов столько проблем на суше, что до воды руки не доходят. Потому обращает на себя внимание инициатива журналистов салехардской окружной газеты «Красный Север», создавших Всеобский общественный комитет по спасению реки, в который помимо газетчиков вошли ученые, специалисты, работники природоохранных служб и обществ, энтузиасты Алтая, Новосибирска, Кузбасса, Томска, Тюмени, Урала, Казахстана — все, кому дорога судьба великой реки. Может, идея преждевременна? Ведь Обь все еще полна сил, чего, к примеру, не скажешь о национальной святыне — Волге. Но чем раньше начнется активная работа по спасению великой сибирячки, тем дешевле это обойдется природе, обществу, нашему государству.

Нефть — благо экономики, но она — убийца реки, убийца ее вод, рыб, кормов, убийца величайшей в мире речной поймы. В силах ли человек прекратить нефтяное убийство Оби? Здесь не может быть фатализма. Как не согласиться со старым рыбаком Николаем Сязи и его наивным вопросом: «Надо ли стране столько нефти, если она течет не по трубопроводу, а по реке?» Надо брать столько, сколько позволяют технические возможности, — стопроцентно надежной гарантии, ни грамма больше. Превращать Западную Сибирь, попустительствуя министерским амбициям и бесхозяйственности, в нефтяную лужу, платить вечной рекой за сегодняшнюю нефть — слишком дорогая плата. Если взглядеться в карту Тюменской области, Обь на ней как могучий ствол, на котором держится-шумит мощная зеленая крона.

Выдержит ли многострадальная река очередной промышленный пресс-нажим — на сей раз нефтехимический? Впрочем, давно уже пора от разрозненных разговоров по отдельно взятым («горячим») объектам переходить к четкому плану экологической защиты всей природы Сибири. Требуется не отдельные вопли, необходима четкая система защиты. Где не горит сегодня — загорится завтра. Бессистемная защита позволяет «заинтересованным ведомствам» пролезать и там и здесь. А речная система в природном комплексе играет главную, первенствующую роль. Деградация жизни начинается с деградации рек.

НА ЭКОЛОГИЮ

Капитан драги осторожно разворачивает шелестящую кальку.

— По этой схеме мы и работаем.

На кальке-карте четкие линии речных берегов, а между ними похожие на монетки кружочки-бляшечки.

— Где здесь нерестилища, зимовальные ямы, устья соров?

— К чему это нам? — тоном подчеркивая наивность моего вопроса, объясняет умудренный капитан. — Все, что нас интересует, на карте имеется, а нас интересует только мощность гравийных залежей: здесь слой в метр, а тут — уже в пять.

На миг невинная калька показалась мне зловещим рентгеновским снимком: рядом, за бортом драги, течет не просто живая — уникальная речка Сось, а капитан смену за сменой видит как бы грубый скелет ее, без той живой плоти, которая и делает Сось неповторимой. И если вот так день за днем — то не приучится ли смотреть на нее как на пустую воду, которая только скрывает под собой нужные ему залежи?

Но нет, командир драги ПЧС-606 Михаил Новоселов еще не одеревенел от работы настолько, чтобы не замечать протекающей рядом, утекающей, как жизнь, окружающей красоты.

— Вообще-то не надо бы тут работать, — говорит он веско. — Нерестовая река, она и есть нерестовая. Мы русло уже просадили, из устья-дельты сделали прямоходный канал. Кончаем речку! По осени уже и смотреть на нее страшно. А когда пришли сюда — красотища какая! Будь моя воля, я бы Сось не губил.

— Так не губите!

— Мы — люди подневольные: задание дадено, я с этого плана своих детей кормлю.

С его капитанского мостика открывается прекрасный вид на зеленую тайгу предгорий, петляющее русло реки, а на заднем плане панорамно — под ярким солнцем и голубым небом — открываются блистающие и все еще снежные бастионы гор Полярного Урала.

На гидрологической карте Тюменского Приполярья, где от синих жилок многочисленных рек и речек рябит в глазах, Сось ничем не выделяется. Но в чистых водах левобережного обского притока — Сось начинается у седоглавых вершин Полярного Урала — нерестится северное рыбе «благородье» — редкостный таймень, луннобокий шекур, нежный пыжьян, собрат знаменитой сосвинской сельди — тугун, жир-

ная ряпушка, мечта любого рыбака — хариус. На зиму заходят в собские воды молодые осетры, лососи, сиги. За сотни лет речка накатала в своем русле великолепный нерестовый субстрат — на ее холодных галечниках прекрасно вызревает икра. Идеальный рыбий роддом! Специалисты включают Сось в первую десятку нерестовых притоков, которые и создают рыбную славу Обского бассейна. Прав ихтиолог Шишмарев: не сук рубим, без которого великое древо проживет, вовсе не сук...

Нерестовый субстрат — для ихтиологов, а для речников — песчано-гравийная смесь для отсыпки фундаментов и дорог. Дефицитнейший материал для нефтегазового комплекса, новостройки которого поднимаются прямо из необъятных болот, на тундровых топях. Нужны дороги, нужны новые стройплощадки, — значит, подавай гравий. А на Катравожском месторождении (это и есть русло Собь) геологи насчитали песчано-гравийной смеси более 50 миллионов кубометров!

В 1984 году, когда подошла очередь заполярного Ямбурга, газового гиганта в арктической тундре, глаз строителей вождественно остановился на Соби. Недалеко, дешево... Столь же вождественно затуманился и взор речников: добыча гравия — дело не особо трудоемкое и экономически беспроигрышное — сулит скорые, легкие прибыли.

Но ведь не простая речка Сось. Статус у нее почти заповедный — нерестовая. Столетиями этот нерестовый субстрат намывали собские воды в полярноуральских предгорьях.

К ней просто так не подступишься.

Как действует опытный ловелас? С подходом. К невинной девице настырно не пристает, искательно просит рядышком на лавочке посидеть, за пазуху нагло не лезет. Кавалер добивается своего обходительностью. В переводе с любовно-житейского на экономически-законный это выглядело так: добычу гравия на Соби разрешили сначала (большую и незавидную роль здесь сыграл московский гость — зампред Совмина РСФСР В. А. Демченко) в порядке эксперимента, потом как пробную эксплуатацию, дальше — по временной технологической схеме. На каждую навигацию находилась свой обходительно-обходный маневр. Столь ловко все было обставлено, что хозяин реки, рыбхоз, эти временные схемы разрешал. Конечно, скрипели опытные рыбохозяйственные эксперты, но — кто же будет мешать досрочному вводу в строй легендарного Ямбурга? — соглашались; если подписи не ставили, то закрывали глаза.

Но вскоре освоители Ямбурга от собского гравия отказались. Нет, 152 вовсе не потому, что их экологическая совесть замучила: их не удов-

летворяло и качество гравия, и система доставки, к тому же хороший гравий они отыскивали поближе.

Вроде бы отпала необходимость губить уникальную речку?

Но разыгрался аппетит у речников Обь-Иртышского пароходства. Да и как ему не разгореться — только за год с Соби они получили 9 миллионов рублей чистой прибыли! Не зря бляшечки на карте-кальке капитана Новоселова напомнили мне монетки — голые деньги гребут с собского дна. Однако рыбхоз в лице Нижнеобьрыбвода — накопец-то! — никаких разрешительных документов не подписал.

Почему же по-прежнему, пугая северную тишину, грохочут на Соби беспощадные драги и целеустремленно ползут вперед громоздкие землесосы?

Владимир Сенин — начальник грузового района от Салехардского речного порта. Его плавучий штаб расположился у национального поселка Катравож в устье Соби. Это он и командует добывающей флотилией, и перегружает гравий на баржи, которые разбегаются потом по всей Оби и Иртышу.

Молодой инженер заметно измотан (работа напряженная), да и вряд ли особо рад предстоящему разговору — нынче к нему зачастили представители строгих инстанций, вездесущей прессы и озабоченной общественности.

— Вы не хотите меня понимать, — произносит он как заклинание, — никто не хочет, вообще никто не собирается меня понять.

— Почему же — очень бы хотел. По каким разрешительным документам вы работаете?

— У нас есть телеграмма облисполкома.

Такая телеграмма действительно существует, она гласит: «В связи с необходимостью неотложного проведения работ по ликвидации последствий небывалого весеннего половодья, в первую очередь в южных районах области, допустить в порядке исключения, до разрешения Совета Министров РСФСР (а в Совмине — большой поклонник собского гравия тов. Демченко! — А. О.) Обь-Иртышское пароходство (т. Люфт) в 1987 г. к разработке Катравожского месторождения песчано-гравийной смеси на р. Сось и доставке потребителям области».

— Но это разрешение не дает права на добычу гравия без утвержденного проекта. А у вас же согласованного проекта нет.

— Как вы не хотите меня понять! Я уже получил предписание и заплатил штраф из собственного кармана. Я выполняю распоряжение советской власти.

— Но разве облисполком дал разрешение на безграмотную разработку месторождения? Конечно, текст многомысленный, но только при изощренной фантазии можно прочесть его так, будто он дает санкции на экологический грабёж. У ваших капитанов нет даже ихтиологических карт — они берут гравий там, где им удобно. Вы залезли в чужой огород и делаете вид, что имеете на это право.

— Но у меня есть приказ, все говорят — разрабатывайте, только рыбхоз упрямится. А договоры заключили еще зимой почти на 5 миллионов тонн гравия.

— А ваше личное мнение — вы же видите, что губите реку?

На лбу молодого руководителя выступают капли пота.

— Это спорно. Еще двояко можно сказать — губим ли мы реку или помогаем ей. У ихтиологов тоже единства нет. Ведь три года они разрешения подписывали...

Да, капитан Новоселов, делая неблагодарное дело, хотя бы честно оценивает его. Инженеру Сенину быть честным, видимо, не позволяет должность. Он советует мне обратиться к начальнику Салехардского речного порта — тот, мол, юридическое лицо.

Думаю, аргументы и у начальника Салехардского порта, и у руководителей Обь-Иртышского речного пароходства будут те же, что привел Сенин, — и задача, мол, государственно важная, и телеграмма исполкома имеется, да и вообще дело спорное и неизученное, и где же тогда гравий добывать? Общественность — дай ей власть! — все речки перекроет...

Пожалуй, с речниками все ясно — они за свои ведомственные дивиденды будут стоять до последнего — миллионы голой прибыли под ногами не валяются.

Разве Владимир Сенин не понимает, на что идет, какая участь ему уготована — ведь именно он может оказаться пресловутым стрелочником, козлом отпущения, если серьезно возьмутся наконец-то за собские дела органы правопорядка. Телеграмма Тюменского облисполкома дает все же, как представляется, принципиальное разрешение на научно обоснованную разработку месторождения, а ведь речники на Соби продолжают настоящий экологический разбой. Сенин это наверняка понимает, но в интересах ведомства продолжает работы без утвержденного проекта. Неужели так называемая честь мундира дороже простой человеческой чести и личной свободы?

И вот что еще перспективно пугает — хозрасчетная работа пред-
154 приятней ныне оценивается по прибыли, и, как нетрудно представить, у

многих из них возникает опасный соблазн везде, где только возможно, рвать эту прибыль — из земли, из воды, из природы. Кому-то прибыль, природе — убыль.

Некоторые горячие головы — я это часто слышал — требуют:
— Запретить! Во веки веков.

Хорошо, а где взять гравий? У нас что, много бросовых, не нерестовых речек, где добывать гравий можно без всякого природного ущерба? Наверное, не без серьезной нужды и на уникальную Сось полезли?

В таком грубом виде, в каком осуществляется нынешняя добыча, запретить, несомненно, нужно — и немедленно. Навсегда? Вот в этом, честно говоря, не уверен. Я не эксперт. Запретить, чтобы изучить и стопроцентно точно знать — возможна ли добыча действительно позарез нужного собского гравия и в каких количествах, в какое время, в каких местах. Но ведь речники, получая миллионные прибыли, умудрились за три года так и не подготовить обоснованный и экологически грамотный проект. Они оправдываются тем, что с каждой тонны гравия отчисляют пять копеек на охрану природы, считая, что откупились этим пятяком от всех будущих экологических катастроф.

Видится мне охваченный дрожью нетерпения промышленный насильник — взять, овладеть, пока это доступно, пока дешево, выгодно.

Мудрая мать-земля привычно отдает богатства сыну своему, человеку. Да, она будет кормить нас, как всякая мать, из последних своих сил. Мы все берем у природы, только у нее одной. Но когда мы берем не в меру, неграмотно и нерасчетливо — на пользу ли это нам самим?

— Руководству виднее, — сказал умудренный капитан Новоселов.

Да, у каждой экологической драмы есть свои руководящие виновники. Но снимает ли это ответственность с тех, кто считает, что он махонький винтик в большой системе и не в его силах что-либо изменить?

Да, уже давно пора задаться вопросом — а кто же борется за спасение речки, если не за полное запрещение работ, то по крайней мере за грамотную, а не варварскую разработку Катравожского месторождения?

Ведь сколько у нас контрольных и карательных инспекций, охранных обществ! В Салехардском речном порту существует отдел охраны окружающей среды. Что он охраняет — непонятно. Нынешний его руководитель, правда, принял дела совсем недавно — но мы полистали прошлогодние дела: ни один экологический летописец по этим «делам» не догадается, что в последние годы творилось на Соби. Отдел ни разу не воспользовался даже куцем своим правом — лишать экипажи судов

премий. Да-да, за экологическое варварство на Соби работавшие там экипажи исправно получали премии. Премии за разбой! Наказывались только те, кто умудрялся, ко всему прочему, сливать в Сось солярку...

Беседую с участковым рыбинспектором. Знаю Ивана Васильевича Мишина как бесстрашного борца за экологическую справедливость, грозу всех — невзирая на ранги — браконьеров. Он мне рассказывает, что на Соби уничтожено семь зимовальных ям, замыто 12 устьев соров, безвозвратно утеряно 15 километров нерестового субстрата в русле, а на протяжении 35 километров от устья уничтожена кормовая база для рыбы. Природе для восстановления утраченного потребуется 700—800 лет...

— Как же вы наказывали виновных?

— Шесть предписаний выписал. И Сенину, и Кочерге — начальнику порта. По сотне каждому. Кочерга, так тот наготове при себе «дежурную» сотню держит.

— 600 целковых — не мало ли за целую речку?

— Что могу, то и делаю, — разводит руками Мишин. — Все оформленные акты передаю выше по инстанции.

Не узнаю храброго Ивана Васильевича. Перед вооруженными браконьерами не пасовал, сейчас безобидного грохота драги убоился, что ли? Может ли он о себе сказать, что сделал все для спасения речки?

Владимир Федорович Чусовитин — начальник Ямало-Ненецкой окружной рыбохраны — тоже перечисляет, что наговорили эти варвары-речники. Из-за разработки гравийных залежей рыбки не выловили 839 тонн рыбы, но даже не это главное. Главное — убивается генетическая память реки: рыба идет сюда на нерест, но выметанная икра попросту гибнет в иле и глине. Идет утрата потомства. Рыбий родильный дом превращается в младенческое кладбище. Ущерб рыбной промышленности оценивается в 13 с лишним миллионов рублей. (Кстати, приблизительно такую прибыль получили речники. Вроде для государства выходит ноль: ноль — из одного кармана в другой? Правда, попутно мы потеряли нерестовую жемчужину!)

— И что же предприняла рыбинспекция?

Владимир Федорович листает пухлую папку. Да, если бы этими бумагами можно заменить нерестовый субстрат дна Соби...

Судьба Соби — судьба рыболовецкого поселка Катравож, стоящего на слиянии Соби с Обью. Здесь живет несколько сотен рыбаков. Пропадет рыбная Сось — чем заняться этим людям, ненцам, ханты, зырянам, которые поколение за поколением ведут здешний промысел?

Трудновато придется потомственным рыбакам. Что же предприняли катравожцы, чтобы позаботиться о будущем? Скромно, надо сознаться, страдают за свою судьбу катравожцы, не похоже что-то на серьезную, активную борьбу.

— Мы начальство поставили в известность,— запальчиво, напористо произносит молодой председатель сельсовета,— пусть оно и принимает меры. Я в райисполком звонил, мне посоветовали: не суйся, не твоего ранга дело.

Он считает, что свое дело сделал честно, а вот я занимаюсь демагогией, призывая за реку бороться.

— С кем бороться? — смотрит он на меня победительно.

Руководство Приуральского района исчерпало методы борьбы кулуарными чиновными собеседованиями, тоже, видимо, посчитав, что это дело не «их ранга». А общество охраны природы со всеми его многочисленными (если верить справкам) активистами набрало воды в рот — видимо собской.

Ни одного толкового дела, но, конечно, много устного и кулуарного пафоса, который не шадит ничьих авторитетов и репутаций, оставаясь при всей своей эмоциональной горячности стопроцентно безобидным.

Все, кажется, ждут неистового подвижника, влиятельного энтузиаста, нового Валентина Распутина, который придет да и защитит — конечно же! — всеми любимую Сось.

Куда-то идут экологические пятаки, которые исправно выплачивают речники, и исправно получают природоохранные премии и зарплаты, но от неистового потока защитительных речей не становятся прозрачнее некогда хрустальные, а ныне смертельно взбаламученные воды Соби.

Экологическое наше сознание — это много громких слов или одно маленькое, но конкретное дело?

Я пишу и с тревогой думаю: опять слова, а кто же бросится на амбразуру, кто речку делом защитит? Ведь пока, как изысканно выразился знакомый ихтиолог, «красавица Сось превращается в лунный ландшафт, зарегулированные протоки превратились в застойные грязные лужи, а голубовато-зеленая вода, отражающая вершины Полярного Урала,— в мутный поток».

...Я не стал бы возвращаться к очерку, написанному осенью уже далекого 1987 года: много воды за это время утекло и в Соби, и в Оби. Да и мало ли подобных безобразий творится на многочисленных прито-

ках Оби — и великих, и малых, везде найдутся корыстно заинтересованные ведомства и высокопоставленные покровители варваров, которые из самых «высших интересов» позволяют губить прекрасные реки Сибири. Но у собской истории очень импонирующий, очень обнадеживающий, очень перспективный эпилог, поэтому я и вспомнил этот эпизод. Слава Богу, я оказался не прав, скромно оценив степень гражданской активности жителей Катравожа. Конец их терпению пришел в навигацию 1988 года. Поняв, что речники своими меркантильными интересами не поступятся и под всякими благовидными предлогами продолжат грабеж собского будущего, катравожские рыбаки к приходу первого судна на тяжелых бударках перегородили Сось, а для большей надежности перекрыли ее и бревенчатыми бонами. Путь первой землечерпалке был закрыт. Потыкавшись туда-сюда, она вынуждена была стать на якорь. Та же участь ждала и другие подходящие на гравийный промысел землесосы. Каждый житель села, имеющий лодку, — днем ли, полярной ночью — дежурил у заградительных бонов, при малейшем намеке на движение земснарядов бросался наперерез. Были драматические моменты: капитаны и рыбаки испытывали нервы друг друга — в открытой схватке столкнулись ведомственный приказ и гражданская решимость. Чиновные речники потрясали бумагами, требовали призвать к порядку распоясавшихся «местников и партизан». Катравожцы со звали сход, решение его было единодушным: стоять до последнего, Сось — река наших сыновей и внуков, они не простят сегодняшней трусости. Председатель сельсовета, еще год назад демонстрировавший робость и почтительность перед вышестоящими, сейчас был заодно с односельчанами. В окружной столице — Салехарде — сочли за благо принять резоны катравожцев, уже на третий день окрисполком благо разумно рискнул узаконить решение сельского схода. Работы речников были приостановлены. Им дали время подумать не только о ведомственном кармане, но и о нуждах людей, для которых собские берега — родные. Однако до сих пор грамотного проекта не разработано, видимо, нет навыка работать умно, серьезно, а не на шермачка...

Сегодня трудно отыскать, в честь какой прекрасной женщины назван этот пароход, но обская история «Луизу» будет помнить долго. Знакомый нам капитан Христиан Даль привел ее в Тобольск из английского порта Гулле. Для этого «Луизе» пришлось пройти десять северных морей и всю Обь, первой преодолев столь долгий, коварный и неизведанный путь. Правда, лавры европо-сибирского первопроходца у Даля за три года до этого отнял Виггинс. Тоболяки встречали винтовую и не особо взрачную «Луизу» 8 сентября 1877 года.

Это был первый рейс судна под русским флагом из европейского порта в сибирский. Император Александр II «всемилоостивейше» разорился на «августейший привет, изложенный в телеграмме». Однако поздравляя царь не команду отважных во главе с Далем, а графа Комаровского, возглавлявшего общество для содействия русскому торговому мореходству.

Немногословный Даль не особо распространялся о переходе. Он только говорил, что путь по Обской губе и низовьям реки оказался тяжелее, чем поход в морях. Как не понять досаду капитана: пять дней «Луиза» проторчала в Надымской Оби. С мели удалось сползти, лишь перегрузив на баржу тысячу пудов труб, железных цепей, якорей и такелажа, половину бочек с галлипольским маслом передвинули с кормы на нос.

На следующий год владелец «Луизы» решил повторить удачный опыт и, загрузив пароход пшеницей, отправил в Европу.

Еще не выйдя в губу, шкипер Рауцип посадил «Луизу» на песчаный бар. Лишь через десять суток сменивший направление ветер нагнал с моря воды и стронул «Луизу». Скоро поднялся свежий ветер, превратившийся в шторм. Баржу оторвало, и она исчезла в белых бурунах. От Ямальского побережья пароход перетащило к Гыдану. Сделали обсервацию: приборы показали семьдесят один градус шестнадцать минут широты. Ветер не стихал, температура неуклонно падала. Брызги застывали на лету. Через палубу перекатывались холодные валы, оставляя после себя лед на всем, чего они касались. Обросший ледяной бахромой руль уже не слушался замученного кормщика. У Рауципа не оставалось другого выхода, как бежать под защиту мыса Трех Высоких Бугров. Там, где лодия показывала глубину в пять сажен, «Луиза»

(а ее осадка была всего двенадцать футов) напоролась на дно. Рауцип срочно дал задний и рискнул выбросить на борт семьдесят мешков зерна. Но судно не стронулось с места. Волны мотали его всю ночь. Руль не выдержал и «полетел». Судовой плотник наскоро сколотил замену из плах. Но новый руль продержался всего несколько минут. Выбрав самое удобное место, где команда могла рассчитывать на высадку, Рауцип, в сложную минуту показав свое мастерство, выжимая из штурвала все, на что он еще был способен, повел «Луизу» к берегу, сознательно загоняя ее на мель, чтобы спасти людей. Но то, что привлекательно выглядело с моря, вблизи оказалось весьма ненадежным: люди вязли в непромерзшей, топкой тундре. Для зимовья облюбовали песчаный бургор. Меньше чем в полуметре от поверхности песок представлял смерзшуюся массу и не поддавался штыковым лопатам из запасов судового боцмана. Слякоть и снежные ветры заставляли бежать под укрытие кубриков — стены зимовья росли медленно.

К большой радости будущих зимовщиков показались олени упряжки. Приезжих обильно угостили. Захмелевшие оленеводы улыбались, кивали головами, но ни слова не понимали по-русски. В становище, правда, отыскался старшина, которому приходилось встречаться с русскими чиновниками. С его помощью Рауцип и занарядил восемь десятков нарт и три тысячи оленей на перегон до Обдорска. Пароходную машину разобрали, «Луизу» утеплили для долгой зимовки. На пароходе оставалось семь моряков: четверо из них плохо себя чувствовали, и трудный переход мог для них оказаться губительным. Рауцип обещал, если представится возможность, прислать фельдшера. Но обещал нерешительно, понимая, что вряд ли единственный обдорский доктор согласится ехать столь далеко. Больным приходилось уповать на резервы собственного здоровья. Особенно плох был штурман, которого схватывали острые приступы ревматизма. Он дождался возвращения шкипера в мае, но прожил после этого всего несколько дней. От цинги скончался еще один зимовщик...

В начале декабря закончился переход по тундре, который длился сорок четыре дня. Чтобы уладить необходимые дела, шкипер помчался в губернский город. В феврале он вернулся в Обдорск с рулем, слаженными тюменскими корабелями. Путь до зимовья вновь занял сорок четыре дня. В конце мая руль был благополучно водружен на место, машина парохода работала исправно. Две недели матросы пытались снять пароход с мели. Завели полуверстовый якорь на глубину и стали ждать нагона воды. Прилив пришел вместе с ураганным ветром, его не выдер-

жали даже стальные тросы. «Луизу» снова загнало на прежнее место, сильный удар о дно продырявил трюм. Вода затопила кормовой отсек, «Луиза» в последний раз завалилась набок и торопливо скрылась под водой. Рауцип и его команда были вновь на берегу, только уже без судна. К счастью, шлюпки удалось спасти, и желающих шкипер отправил к Ныде, где они могли рассчитывать на помощь пароходов, приходящих к мысу Линзита.

Сам с семьёю рабочими занялся спасением того, что еще можно было переташить с «Луизы». Партию шкипера сняла с берега шхуна «Надежда», шедшая из Тобольска в Лондон.

Ужасно невезучим был шкипер Рауцип! «Надежду» затерло льдами в Байдарацкой губе, и шкиперу пришлось искать спасения в Обдорске, на этот раз пройдя по ямальским тундрам.

ЭСТАФЕТА

Э П О Х

Много имен мы найдем в лоции Оби. Попадутся среди них такие, расшифровывать которые не нужно — их знают все. Но много и таких, что требуют специальных исследований. Или даже так...

В первых послереволюционных лоциях восточного берега Обской губы (южнее современного Ямбурга) можно прочесть: мыс Грдины. На нынешних этот мыс именем уже не помечен. Что за исследователь с редкой фамилией, что сделал он для изучения северной части Обского бассейна или имя его не случайно не задержалось на карте?

Без путеводной ниточки трудно вести поиск, но, если очень требуется, обязательно отыщешь то, что необходимо: не столь уж необъятно братство исследователей северной Оби. А попутно можно выяснить массу интересных подробностей.

Чуть выше по карте, на том же берегу Обской губы, но севернее слияния ее с Тазовской губой, мы найдем мыс Сапожникова. Пойдем от Сапожникова — найдем Грдину.

Я всегда помнил о выдающемся исследователе Алтая, замечательном геоботанике Василии Васильевиче Сапожникове. Но он казался 161

столь преданным своему Алтаю, что я никак не связывал его имя с заполярным мысом Обской губы. Сапожников — фамилия распространенная... Мог быть кто-то менее знаменитый. Но выяснилось, что интересы Василия Васильевича шире алтайских привязанностей, о сибирском Севере он мечтал всегда, говорил: «Обский Север давно был пробелом в моем знакомстве с Западной Сибирью». Случай заполнить этот исследовательский пробел представился в весьма смутную эпоху.

Два мыса на берегу Обской губы связывают одну экспедицию и две эпохи: советская власть принимала от царской эстафеты исследованный Обского бассейна.

В 1919 году известный гидрограф, руководитель Северообской экспедиции Д. Ф. Котельников пригласил Сапожникова на Ямал. Василий Васильевич долго не раздумывал. Позднее он объяснял свое решение: «Ввиду крайней недостаточности исследований Обского Севера, я уверен, мои материалы послужат существенным дополнением к тому немногому, что было сделано в этой суровой и далекой окраине, тем более что такие места, как восточный берег Обской губы севернее устья Тазовской, ни разу не посещались ботаниками, и мои материалы представляют бесспорный интерес новизны».

Субсидировал поездку ректора Томского университета (Василий Васильевич избирался им с 1917 года и оставался ректором до самой смерти в 1924 году) Институт исследования Сибири. Упомянем о немаловажном обстоятельстве. В 1919 году, как известно, в Сибири распорядился адмирал А. В. Колчак, некогда подававший большие надежды моряк-гидрограф. В Томске, откуда брала старт экспедиция Котельникова, у власти также находились белые. Гидрографическое описание низовий Оби было необходимо для того, чтобы встречать европейские морские караваны с грузами от союзной Антанты.

Следует оговориться, что позднее, когда советская власть укрепилась в Сибири, и Котельников, и Сапожников безоговорочно встали на ее сторону. О Котельникове известно, что уже в 1921 году он делал доклад в отделении математической и физической географии Российского географического общества о Северном морском пути. Сообщение его большей частью базировалось на результатах Северообской экспедиции. Таким образом, Котельников передавал в руки советских органов сведения, полученные его экспедицией в 1919 году.

Время гражданской войны — эпоха суровая, а для ученых, которые, конечно же, революционерами себя не считали, это время оказалось в 162 прямом смысле «смутным». В водовороте идей, мнений и демагогических

лозунгов разобраться было трудно, поэтому ученые старались честно заниматься своей работой, понимая, что научные исследования в конечном итоге пойдут на пользу родной стране.

Как бы там ни было, экспедиция 1919 года в Нижнее Приобье осуществлялась вовсе не под красным флагом. На борту головного экспедиционного судна «Мария» находился французский ревизор, морской офицер Гюлен.

Сапожников и его спутница Еннафа Васильевна Никитина отправились из Томска до Самарово на пароходе «Иван Корнилов». Восьмого июля над самаровским рейдом раздался гудок флагмана экспедиции — винтового парохода «Мария», который экспедиция подрядила у известного тобольского воротилы Плотникова.

Задачей гидрографической экспедиции, как объяснили Сапожникову, ставилось обследование «Обской губы со стороны ее проходимости для морских судов, определения курса плавания, постановка береговых знаков и другие работы, связанные не только с приемом иностранной флотилии в этом году и перегрузкой товаров, но также и с упорядочением плавания на будущие годы Северным морским путем». Адмирал Колчак надеялся долго властвовать и торговать сибирскими богатствами, но, как помним, история и красногвардейские штыки рассудила иначе.

Двенадцатого июля гидрографическая эскадра встала на рейде у Обдорска. День, который получил в свое распоряжение Сапожников, он провел в обдорской тундре, описывая тамошнюю растительность. Но назавтра снова пришлось подниматься на загроможденную досками, бревнами, поленницами дров, керосиновыми бочками палубу «Марии», пробираться в крохотную, с тусклым иллюминатором каютку, которую отвели ученому. В полевом дневнике Сапожникова есть запись: «Я мечтался о пароходе, который когда-нибудь построят следующие поколения для научных исследований Севера и других частей Сибири, пароходе с помещением для научных исследований, библиотекой, метеорологической станцией и тому подобным. Если бы тысячная, даже меньшая, доля тех ценностей, которые разрушены войной, была употреблена вовремя на исследование и просвещение, Россия была бы в первом ряду на пути к настоящей культуре. Ведь один выстрел из большой пушки стоил дороже содержания лаборатории в течение целого года».

Досадно, но до сих пор мечта ученого так и не осуществилась: не ходит по Оби хорошо оснащенное, комфортабельное научно-исследова-

тельское судно. А разве нечего изучать в этом великом речном «государстве»?

Базой Котельников выбрал бухту Находка, что на восточном берегу Обской губы, чуть южнее современного Нового Порта. По пути к ней ботаники провели исследовательские экскурсии у Пуйко и на мысе Ям-сале. Берег находкинской бухты они имели возможность изучить более обстоятельно, собрали богатые гербарии, взяли образцы почв и описали ямальскую пятнистую тундру.

Котельникова грузовой лихтер должен был доставить на рыболовецкие пески в Тазовской губе. Сапожников попросился в рейс. Однако первые попытки «Марии» оказались безуспешными: судно не могло пробиться сквозь ледовую пробку в «горле» меж двумя мысами Каменным и Круглым. Пришлось возвращаться назад, в спасительную находкинскую бухту. Только через две недели «Мария» вышла в Тазовскую губу. «На шестерке, сопровождаемые любопытными тюленями, мы высадились верстах в 3-х севернее крутого обрыва мыса и направились по верхнему краю яра к слиянию Тазовской и Обской губ».

«Вообще Таз и Тазовская губа во многих отношениях представляют еще «белое» место, ждущее своих исследований», — резюмировал Сапожников, подводя итоги этой экскурсии.

Сапожников и Никитина были первыми ботаниками, высадившимися на этом участке побережья Тазовской губы. «Мария», пробиваясь во льдах, сломала две лопасти винта, поэтому у исследователей оказалось достаточно времени, чтобы сделать полные описания арктических лугов Гыданского полуострова.

Суховатый стиль исследователя преобразуется, когда он рассказывает о берегах Гыдана.

«Картина впереди и по сторонам при солнечной погоде была еще неопределеннее и даже фантастичнее, чем накануне. Вследствие рефракции вставали и таяли высокие берега, над горизонтом реяли и колебались какие-то извилистые черные линии, быстро пропадая из глаз для того, чтобы вновь появляться. К вечеру впереди забелели сначала отдельные льдины, а потом показались и большие ледяные поля. Через первые полосы льдов «Мария» пробилась легко, но следующие поля окончательно остановили пароход, и ему пришлось ретироваться».

Одному из мысов, что южнее Трехбугорного и несколько севернее семидесятой параллели, руководитель экспедиции присвоил имя Сапожникова. Еще один мыс в этом районе получил имя самого Котельникова. 13 августа университетские ботаники были высажены в Обдор-

ске, а «Мария» вновь ушла на север. Программа гидрографических работ была выполнена обширная: судходные знаки установлены на западном и восточном берегах губы — на мысах Виткова, Каменном, Пато, Котельникова, на мысах Фирфарова и Таране. Работы осложнялись тем, что в то время не существовало хоть сколько-нибудь точных карт безлюдного района. Характерна запись в дневнике Сапожникова: «Справа, со стороны восточного берега губы, был отчетливо виден синий береговой яр с полосами снега, сохранявшими постоянное расстояние. Был ли это реальный берег или результат рефракции — сказать трудно. По поводу развернувшейся перед нашими глазами неясной картины на мостике возникли дебаты, французский капитан Гюлен не хотел признать белую поверхность за льды и стоял на том, что это небо-склон с темной полосой облаков. Однако новые доказательства опровергли его».

«Мария» меняла курс не только из-за встречавшихся на пути льдов, но и потому, что часто теряла ориентиры.

Опубликованный Сапожниковым в «Трудах Института исследования Сибири» полевой дневник — первое ботаническое описание берегов Тазовской губы. Именно работы этого замечательного ученого, одного из выдающихся учеников великого Тимирязева, послужили основой для изучения флоры заполярных площадей Тюменского Севера.

Но где же обещанный и все еще неведомый Грдина?

Среди участников котельниковской экспедиции был девятнадцатилетний моторист Александр Вейнберг. Сапожников в своих записях не упоминает его, но должен был знать — это сын его коллеги по институту, известного сибирского астронома, ученика Менделеева, Бориса Петровича Вейнберга.

После того как Сапожников покинул Обскую губу, там разыгралась трагедия.

Но — все по порядку. Наверное, не особо трудно представить чувства отца, который отправляет сына в полярную экспедицию. Множество опасностей поджидает исследователя, тем более время беспокойное... Но желание девятнадцатилетнего топографа было непреклонно, он добровольно записался в Северообскую гидрографическую экспедицию простым матросом.

Тревожным предчувствиям отца суждено было оправдаться: он уже никогда больше не увидел сына-студента, на которого возлагал немалые надежды.

Котельников, вернувшийся в Томск поздней осенью, скупо сообщил 165

отцу, что его сын погиб 7 сентября в бухте Находка при «исполнении обязанности моториста вместе с 27 военнопленными (спаслись только 1 матрос и 1 военнопленный), которых вместе с их багажом погрузили в шестерку сверх нормы в бурную погоду».

Молодой Вейнберг вел топографические зарисовки берегов Обской и Тазовской губ, но большая часть этих представлявших научную ценность зарисовок пропала. Многие другие вещи покойного также были похищены.

Мы должны помнить, что «военнопленными» на гидрографическом судне явно были красноармейцы. Почему на перегруженной шлюпке, в шторм их отправили на безлюдный берег Обской губы и почему в этой шлюпке оказался Вейнберг? Эта трагедия остается загадкой, боюсь, что документальных свидетельств уже не отыскать.

Вейнберг-отец постарался оказаться в тех местах, где погиб сын. В Институте исследования Сибири географический отдел создал комиссию по восстановлению результатов экспедиции 1919 года, так как пропали не только результаты исследований молодого Вейнберга, но и другие материалы. Старый астроном стал главным инициатором Обско-Тазовской экспедиции, которую снарядили в навигацию 1920 года. Профессор возглавил картографическую работу.

По тем нелегким временам это было обширное научное предприятие. В нем принимали участие астроном, топограф, триангулятор, метеорологи, зоологи, энтограф, ботаники. Вейнбергу помогали практиканты по магнитометрии, в том числе и его второй сын — студент Константин.

Экспедиция проводилась в сложнейших условиях — первые сибирские исследователи советского времени не располагали судном. Если до Обдорска они не без приключений, но все же смогли добраться, то дальнейшие исследования в Обской и Тазовской губах были заметно осложнены отсутствием собственного транспорта. Приходилось пользоваться редкими попутными судами. Томичам помогли моряки парохода «Урал», на котором работала экспедиция по обстановке Нижней Оби, и экипаж парохода «Орлик» — флагмана Обской гидрографической партии под начальством А. И. Осипова. В Обской губе в это же время выполняли работы экипажи уже знакомой нам «Марии» и «Пермяка», с капитанами которых также были заключены контракты о помощи.

Участникам исследований пришлось испытать немало опасных приключений. Практикантку по ботанике Козьмину и студента Грдину (вот

он наконец!) высадили сначала на острове Определенном, где они работали больше недели. «Урал» снял их с острова и доставил в Ныду. 11 августа практиканты двинулись к мысу Круглому, где находились другие участники экспедиции. Они оказались на мысе 2 сентября, но опоздали совсем ненамного: несколькими часами раньше «Орлик» снял работавших там людей. Корабль на горизонте превратился в черную точку и скрылся из виду.

«Вследствие сильного северного ветра они, — описывает приключение практикантов профессор Вейнберг, — не могли ехать далее на лодке, а отправились пешком, но были остановлены речкой. Пройдя в один из следующих дней до устья реки Ненянг-Юн, которую они считали конечной точкой своего пути и от которой построенные на мысе Круглом домики и знак отстояли всего на 7—8 верст, не будучи, однако, видимы оттуда, они 11 сентября отправились в обратный путь, который и совершили с большими опасностями и лишениями, вследствие непогоды, холода и истощения всех запасов. Днем 19 сентября они добрались обратно до Ныды, откуда рано утром в тот же день ушел «Урал», снявший метеорологов Семеновых и полагающий, что Грдина и Козьмина дошли до мыса Круглого; поэтому они двинулись далее на лодке же до Хэ, откуда их взял пароход «Пермяк».

Примерно с такими же приключениями добирались до пунктов сбора и другие участники экспедиции.

Вейнберги с «Орлика» пересели на «Марию», которая шла в Тазовскую губу, чтобы забрать там баржу с рыбой. «Мария» достигла Ямбургсале, потом прошла к Юрхарово и в устье Пура — Гейвайсале. Не реже, чем раз в пять минут, астроном делал отметки курса, пеленговал приметные точки на берегу, отмечал траверзы, делал зарисовки берегов...

«Таким образом неожиданно для нас, — радовался старший Вейнберг, — получилась возможность — хотя и с большими трудностями — собрать значительный материал для картографии Тазовской губы. 19 августа вечером «Мария» двинулась в обратный путь, и мы снова несмотря на усталость от предыдущих почти непрерывных наблюдений, продолжали использовать всякое удобное время как для засечек приметных точек, так и для астрономических наблюдений».

В 1921 году в «Известиях Института исследования Сибири», которые выпускались в Томском губернском отделении Госиздата, была опубликована крупномасштабная «Карта берегов Тазовской губы и южной части Обской губы» — главный итог Обско-Тазовской экспедиции

1920 года. Исследования Вейнберга дополняли изыскания Сапожникова.

На середине пути от мыса Парусного до мыса Круглого составители карты — отец и сын Вейнберги обозначили «мыс Грдины», отдав таким образом дань мужеству одного из самых юных участников экспедиции.

С первых дней своего существования советская власть брала дело исследования сибирского Севера в свои руки. Казалось, были более насущные задачи, чем изучение Обской губы, но в самом факте экспедиции мы видим, что победивший народ понимал не только свои первоочередные, но и перспективные задачи. Он брался за дело изучения и освоения Сибири на долгие годы.

Великий сибиряк и великий патриот Сибири Дмитрий Менделеев в книге «К познанию Сибири» писал:

«Для успешного и верного движения вперед — лучше всего на один из первых планов поставить завоевание Ледовитого океана!»

Профессор Б. П. Вейнберг был не только прилежным учеником Дмитрия Ивановича, но и верным последователем. Первая советская сибирская экспедиция за Полярный круг северного Приобья — свидетельство того, что он свято выполнял заветы великого учителя.

СОЛОН РЫБАЦКИЙ

П О Т

В июне солнце здесь не заходит. Четкий бледновато-желтый шар зависает над кромкой горизонта. Земля, кажется, неудержимо тянет его к себе: вот уже скрылся краешек. Но, словно раздумав, солнце вырывается из плена и продолжает свой путь по небосклону. Подъем его стремителен, для светила тороплив до несолидности. Все действие происходит в течение нескольких минут.

Это июньская полночь.

То ли земля здесь, на широте Северного полярного круга, изгибается круче, то ли свет так играет, но берега широко разлившейся Оби кажутся приподнятыми, летящими, а многочисленные острова словно парят, оторвавшись от сверкающего зеркала воды.

Просторную тишину солнечной полночи рассекает гулкое тарактенье «зидовского» движка рыбацкой мотобударки. Спокойную блестящую гладь режет ее нескладный нос. Лодка движется по направлению к бочатам — пузатым бочкообразным поплавкам, обозначающим «кры-

ля» плавной сети. Плав закончился, рыбак спешит выбрать улов. А из-за заросшего густым тальником мыска выскакивает вторая бударка, потом появится третья... По солнцу — утро, по часам — глубокая ночь. Но одна за другой сплавляются сети, спешат к ним бударки. С плава заведенным порядком они торопятся к приемному плашкоуту, чтобы сдать рыбу еще парной. Небритый шкипер на приемке, поднявшийся из своей каютки на приближающийся звук, уже ворочает тяжелые крышки трюма, где у него лежат ящики со льдом и куда он спрячет свежий улов.

На горизонте появляется тонкий стерженек мачты, обрамленный ажурными вантами. Он словно бы вытягивает за собой грузноватый корпус судна — «пэтээски». Этот корабль-холодильник в свою очередь обходит кольцо плашкоутов, стоящих у рыболовецких песков. Скрипят лебедки, хрипловато (спросонок, только что принял вахту) ругается старпом, когда пачка ящиков с рыбой, ползущая из трюма плашкоута, накреняется.

— Вира!

Лебедка вздрагивает, скрежещет. Пачка приобретает прежнюю стройность.

— Майна!

Ящики скрываются в отдающем металлическим холодом люке — чреве приемо-транспортного судна. Лунобоко посверкивают серебристые туши нельм и муксунов.

Шкипер плашкоута отдает швартовы, устало чешет всклокоченную бороду и небрежно отмахивается на прощальный гудок старпома. К борту уже чалится очередная бударка...

ПТС доставит свежий улов на рыбоконсервный завод. На Нижней Оби — вонзы! Малоизвестное это хантыйское слово (означает оно «головка рыбного косяка») звучит на здешних берегах, как сигнал к атаке. Вонзы ждут, готовят снасти и флот, а когда она приходит — работают, как и природа в этих краях, путая день и ночь. Косяки сырка, муксуна, шекура идут щедро, но недолго. Спать некогда.

— Э-э-э... Это целое искусство — рыбака разбудить, если его сон сморил, — делится опытом бригадир. — Приходится на разные недозволенные приемы идти. Одного толкнешь: «Аркаша, жена к другу ушла». Второго пихнешь: «Иван, мотор потопил!» Встрепенутся, глаза протрут, вот только тогда и с разговором. А иначе как? Ведь в считанные сутки, понимай, годовой план берем.

Неостановима путинная вахта, бессонны рыбацкие сутки.

Хорош северный малосол на столе, но если добавить к нему рыбацкий пот, крутого посола получилась бы рыбка!

Путина — время горячее, страдное и, как полярное лето, короткое — дает основные тонны всего обского рыбного улова. Трудная пора, мозолистая, красноглазая с недосыпу. Но если уж говорить о рыбацких трудах, я бы вспомнил зимний лов, подледный.

Среди восьми рыбозаводов объединения Ямалрыба есть один — Новопортовский, в котором летние отпуска не проблема. Летом завод можно закрывать «на перерыв». Почти все свои тысячи центнеров заводские рыбаки берут из-под льда.

Знаменит в Новом Порту Прокопий Яковлевич Чапала, все знает, за полсотни лет всех местных ветеранов пережил и хорониться собрался, часто об этом в последние годки поминует, в здешней вечной мерзлоте.

Он приходит в заводскую контору с обязательностью старого служаки. Заглянет на рацию — послушает, что за промобстановка в губе. Самый информированный в поселке человек — радист Мишка — дополнит, если что упустил. К трактористам в отсек заскочит, те только что из рейса, сто верст по льду губы. Трещало?

Присядет, сняв шапку и обнажив светлый шар бритой («под Котовского») головы, присядет на краешек стула в тесноватом пенальнике кабинета зама директора по добыче. Зам молод, в комсомольском, как говорится, возрасте. В кабинет заходят и случившиеся в порту рыбаки, и вернувшиеся из командировок специалисты. Разговор один: рыба, рыба, рыба... Как идет, какне фокусы выкидывает, почему ее нет там, где всегда брали надежно.

Он не молчит. Наоборот. Всегда готов сказать свое слово, сравнить, подсказать, вспомнить.

Он столь привычен в Новом Порту, в рыбзаводе, Прокопий Яковлевич Чапала, что никто, кажется, и не помнит, что уже десяток лет с лихвой старый добытчик на пенсии. Требуется совет — Чапала прикатит через минуту, на ногу он скор. Характер у человека такой беспокойный или никак от работы отвыкнуть не может? Пожалуй, все вместе. Редкий северянин не построит домик на Большой земле и сразу с пенсионной книжкой начинает оформлять пожиточный контейнер. А Чапала не торопится и домика в родных южноуральских местах, как мечтал когда-то, все еще не выстроил. Здесь, в Новом Порту, на виду прошла его жизнь, четыре рабочих десятка, один пенсионный. Неграмотный крестьянский парень дорос до заместителя директора. Грамоте его по случаю обучил несостоявшийся полудипломированный педагог

Ленька, подавшийся в рыбаки, подальше от алкогольных благ цивилизации. За несколько месяцев в рыбацкой палатке Ленька показал все свои неизрасходованные педагогические способности, и с моря Прокопий вернулся, умея читать и писать. Вот и все университеты. Остальное дала жизнь.

Осенью 1929 года на берег Новопортовской бухты высадились с парусника четыре человека — будущий директор будущего рыбзавода Решетов и трое рабочих. Они поставили брезентовую палатку, а за зиму срубили бревенчатый дом. Так завод начинался. Когда Чапала появился в Порту, по берегу уже жалась кое-какие постройки, можно было принимать и наскоро обрабатывать уловы. В первые годы новопортовцы ловили только осетра крупными сетями — астраханскими аханами. До войны бригадир Чапала излазил всю Обскую губу, весь северный Ямал: искал омуля на острове Шокальском, бил белуху у гыданского берега, ловил навагу в Юрибейском устье на западном Ямале, возглавлял поисковые звенья, которые обшаривали озера на полуострове. Спроси его про любую речку, про озеро — он ответит, и ни один дипломированный ихтиолог не возразит — стоит ли там пытаться счастья, или это занятие бесперспективное.

Не случайно припомнился мне ветеран Чапала. Треть всей тюменской рыбы дает сегодня Ямал, за сотню тысяч центнеров, титул старается не упустить — «деликатесный цех России». Но нынешние успехи не на пустом месте родились — негнущиеся ветераны, такие, как Чапала, опорный венец закладывали.

Сейчас у промысловика и транспорт, и связь, метеопрогнозом он обеспечен. На помощь всегда придут, как шутит Прокопий Яковлевич, «рация да авиация». В стахановские времена труд полярного рыбака был поопаснее.

Чапала дрейфовал четыре раза. Все дрейфы приходились на осень, в это времечко «море» — как здешние рыбаки фамильярно кличут Обскую губу — проявляет свой коварный нрав. Плавал он и один, и с бригадой. А был случай, когда на плавающей льдине оказалось почти полторы сотни добытчиков, три десятка лошадей. Пять суток носило по губе этот «плавзавод».

Но особо врезался в память первый дрейф.

Александр Иванович Решетов взял его, своего племянника Гришу и Ивана Тимохина ставить контрольные сети напротив Нового Порта. На пару саней погрузили снасть, продовольствия на три дня — хлеб, масло, сушки, чай. Как положено — чайник, примус. Рассчитывали и

на улов. Отмахали километров сорок от берега. На контроль поставили девять полномерных аханов.

Ночью тревожно всхрапывали лошади. Поднявшийся раньше других Прокопий, выйдя из палатки, увидел широкую полынью.

— Разводье! — влетел он в палатку.

— Я ж и говорю, торосить начинается, — спокойно отозвался Решетов. Рыбак с Каспия, он еще раньше понял, что произошло. Присказка у него была: «я крыла вас».

— Все спокойно, ребята, я крыла вас, без паники.

Попозже он добавил:

— В относ попалин.— Так это у них на Каспии называлось.

Решетов заставил идти проверять аханы. Но проверять уже было нечего: пять из них заломало торосами, остальные унесло. На улов рассчитывать не приходилось.

— А вот это, я крыла вас, зря.

Погода стояла теплая, льды оторвало южаком. Летели мокрые лапотья снега. Промокла палатка, отяжелела одежда. Лыдина ломалась и ставала. На третий день она уже была не больше двухсот шагов в длину и ширину. Четверо в этот день доедали последние сушки... Кончился керосин. Начинался шторм. Даже невозмутимый дядя Саша временами впадал в задумчивость. Крепчайший ветер понес их на стамуху¹. Они едва успели перескочить на ледяной островок со своим скарбом.

— Размоет шторм ее к черту, дядя Саша.

— Скажи, Прокопий, спасибо, что в рубашке родился. Не прибеи нашу лыдину сюда, пришлось бы дяде Яше на поминки разоряться.

Шторм закончился бураном. А потом наступила тишина и... мороз. Гуси — все четверо были одеты по-ненецки, в меховые малицы и суконные гуси, — заледенели, не согнуться, не разогнуться. Голодные лошади грызли санные ободья. Как на грех, никто не курил, запаса спичек не оказалось: ни обогреться, ни обсушиться. Трое этих суток в памяти — холодный промозглый туман. Ясно только одно помнится: настывающий лед вокруг их ледяного прибежища — это было их спасение, единственный путь к теплему дому.

— Спокойно, ребятки, — квалифицированно заверял Решетов, — через три дня готовьтесь по чарочке выпить. Обычное дело.

Как в комическом фильме вспоминаются эпизоды (хотя тогда смех

покороче был), как они ходили в своих заледеневших одеждах и если кто падал, то уже без помощи подняться не мог.

На седьмые сутки с маниакальной навязчивостью поминутно пробовали лед. Решетов сумрачно сказал:

— Подождем еще.

Они двинулись после обеда. Хотя, конечно, никаким обедом и не пахло, да и во времени определиться было нелегко — полярная ночь уже началась. Осторожно, держась в ряд, шли люди и лошади. Последнее препятствие они преодолели у кромки, где разошлись старый и молодой льды. На саях были доски, и мостик **через** двухметровую полынью для людей устроить было немудрено. Но лошади...

— А к такой-то их!.. — не выдержал Иван Тимохин.

— Ваня, Ванек, — укоризненно покачал головой директор Решетов и достал откуда-то из мешка краюшку застывшего хлеба.

— Напоследок берег...

Он стал с краюхой на береговом припае, ласково подзывая лошадей. Первая кобыла маханула удачно, вторая, обессиленная, только царпнула копытами кромку.

— Ах, язвы ее, — наконец-то ругнулся и Александр Иванович. — Прокопий, кидай вожжи.

Четверо измученных людей тянули из полыньи выбившееся из сил животное. По обреченным глазам лошади было видно, как она хочет жить. Они тоже хотели жить и вытянули лошадь.

В Порт они добрались ночью, Решетов на квартиру не пошел, а направился в контору. К утру он уже собрал бригаду, которая должна была искать пропавшие аханы. (К сетям приделывали специальные маяки, и аханы действительно скоро нашли.) Причем с уловом — десятка два крупных осетров спокойно дрейфовали в них.

Хозяйственный мужик был первый директор завода.

Чапале он сказал:

— Вот теперь, Проша, ты настоящий рыбак, я крыла вас. Сколько тебе?

— Девятнадцать.

— Теперь тебе всю жизнь бояться нечего, богов крестничек. Рыбаль!

КОРАБЛИ В МАНГАЗЕЙСКОМ

М О Р Е

Мы с читателем уже выбрались в Обскую губу, пора завершать наше долгое путешествие. Но как не посмотреть на корабли в Мангазейском море! Посмотрим и закончим.

— У второго причала будет стоять мой теплоход, название у него «Суперлайф», вот на нем и поедем,— объяснял Шанев по телефону.— Подходите ввечеру, к десяти ноль-ноль.

В назначенное время я стоял у второго причала. У швартовой стенки покачивался на ленивой вечерней волне белоснежный теплоход. На спиндеке четко, черным по белому полю было выведено латинскими буквами: «Галс».

«Что-то речники на латынь перешли,— размышлял я,— да уж больно элегантные названия придумывают. Но что это моего «Лайфа» не видно?»

— Старина! — позвал я парня на белоснежном теплоходе.— Здесь должен «Суперлайф» швартоваться. Не видел?

В ответ раздался жизнерадостный молодой хохот. Отсмеявшись, парень крикнул:

— Ходи сюда! Это Геннадий Владимирович нас так кличет, вроде на нашем судне лайф сверх всяческих норм.

По лестнице, ведущей ко второму причалу, спускался плотный, осанистый, в кожаном капитанском плаще рыжеватый человек — сам Шанев.

— Николаич,— нахмурил он брови, не доходя до судна, и голос его был по-капитански зычен,— почему крен на два градуса? Опять двухведерную кастрюлю шей наварил и на левый борт поставил?

В этот момент я окончательно понял, что попал в среду речников, с их вечными подначками и шуточками над сухопутным народом.

«Галс» — речная персональная «Волга» заместителя начальника Обь-Иртышского речного пароходства Геннадия Владимировича Шанева. Вместе с начальником Салехардского порта Иваном Николаевичем Кочергой нам предстояло плыть в Обскую губу, туда, где на траверзе Нового Порта разгружаются морские транспорты, добирающиеся сюда из европейских портов Северным морским путем.

Местоположение Салехарда можно оценить только с реки — удивительный вид открывается, когда стоишь на палубе плавно бегущего судна: речной простор, живописные горные берега Оби, впереди — как бы поднятые рефракцией над водой, летящие острова, а дальше за ними в туманной дымке величественные громады горной гряды Полярного Урала. Понятно, что место для города выбирали именно с реки, потому что более живописных холмов здесь не найдешь. Основатели Салехарда еще и умудрились угодить прямо на Северный полярный круг, сделав крепостицу на долгие века географической уникальностью.

— Урал контрастный — ветер будет, — сказал Кочерга, глядя на горы.

Обычно Полярный Урал смотрится единой массивной громадой, сейчас же четко на фоне «взрослых» вершин рисовались горы-«подростки».

К мнению такого речника, как Иван Николаевич, следовало прислушаться, я предположил, что качка начнется скоро, но прогноз оправдался через сутки, когда мы подходили к месту назначения.

Бывалые путешественники хорошо знают, что самое главное — на долгую дорогу запастись доброй книгой, не такой, которую можно залпом проглотить в момент. Требуется книга, которую, как хорошо выдержанное вино, нужно пить маленькими глоточками.

Моим дорожным «детективом» в этот раз стал старый томик, выпущенный еще в 1936 году Западно-Сибирским краевым издательством — «Северный морской путь и Карские экспедиции». Об одном из авторов — Н. Сибирцеве — мне ничего не было известно, имя другого — Вивван Итин — прочно занесено в литературную летопись Сибири. Поэт, писатель-фантаст, один из зачинателей «Сибирских огней» и одно время главный редактор журнала, руководитель Западно-Сибирского правления СП, он был и неутомимым полярным путешественником.

На покачивающемся столике я выписывал из книги длинные шпалгалки и, наверное, мог бы переписать всю книгу — ибо это была предыстория того, что сейчас делается на северной Оби, от мангазейских времен до первых послереволюционных лет. Не удержусь, чтобы не привести две большие выдержки, которые непосредственно касаются сюжета нашего разговора. Новый Порт окончательно вписали в лоции сибирских капитанов во время Карской экспедиции 1921 года. Вот как это, цитирую книгу, происходило:

«Следует отметить, что решение вопроса о переводе погрузочных работ в «Новый порт» было не так просто, как это может казаться сейчас. Речной флот того времени, жестоко пострадавший в годы войны и интервенции, представлял собой сильно потрепанные, обычные речные колесные пароходы, при постройке ни в коей мере не рассчитанные на полуморские условия плавания в губе. С капитанов речных пароходов слагалась всякая ответственность за благополучный переход. Нужно было принять ответственнейшее решение. Неудача при скверной репутации пути была бы равносильна прекращению внешних сообщений Сибири Северным морским путем на многие годы. Тем не менее решение было принято, приказ отдан, и операция, не имевшая примера в прошлом, была осуществлена без единой аварии».

Однако точку в этом деле на следующий год был вынужден поставить руководитель западносибирских большевиков Роберт Эйхе. Карская экспедиция 1922 года прошла не вполне удачно, сразу появились «ликвидаторы». Они предлагали не рисковать «очень скудными запасами валютных ценностей лишь во имя одной идеи Северного морского пути. От Карских экспедиций, по крайней мере на ближайшие годы, безусловно нужно отказаться».

Эйхе, я цитирую книгу, дал блестящий отпор оппортунистам: «Говорить о недостатке экспортных грузов из Сибири смешно. А лес? Основное назначение Северного морского пути — массовый экспорт малотранспортабельных видов сибирской продукции, в первую очередь леса. Дороговизна пути в первые годы работы — явление естественное, организационные ошибки исправимы, а удешевление перевозок придет вместе с опытом и техникой. О прекращении Карских экспедиций не может быть и речи».

Удивительная вещь книга. Простые слова доносят до тебя колорит эпохи, заставляют почувствовать в обычном деле его революционную суть, услышать переключку эпох.

Ранним утром меня поднял истощенный крик рулевого Вити, того задорного парня, который рассказывал о супере судового лайфа:

— Белухи!

На палубе «Галса» уже стояли все немногочисленные пассажиры, а из воды, широкой здесь, перед самым устьем Оби, там и тут, совсем недалеко от судна появлялось что-то белое, медленно переваливалось и уходило в воду. Их было штук пятнадцать. Белухи ловили рыбу. Похоже, что белухи ныряют фигурно, животами вверх, они этак лениво переваливались, показывая полукруг белого тела.

К корабельному образу жизни надо привыкнуть. Обская губа свои берега показывает редко, и ничего выразительного, при всем желании, на них не заметишь.

Мы идем Мангазейским морем — так в приснопамятные времена русские поморы именовали Обскую и Тазовскую губы. На картах той поры моря Карского еще не было, оно фигурировало под именем Нязомского. Впрочем, на старинной карте мне приходилось читать не совсем ясную надпись: «губа моря Мангазейско». Что имел в виду безымянный автор — то ли морем Мангазейским он именовал Обскую губу вкуче с Тазовской, или название распространялось на все море, которое мы сегодня называем Карским? Ясно одно, что еще в доермаковы времена в Сибирь шли российские поморы, отважно преодолевая коварные воды «моря Мангазейско».

Как ни странно, чем более совершенствовался флот, тем труднее ему приходилось в Обской губе. Если поморским кочам угрожали только штормы, то для современных теплоходов главная опасность — мелли, ходовой фарватер здесь очень ненадежен, южные ветры устраивают такие сгоны, которые чуть ли не обнажают подводные банки. У своего впадения в Обскую губу река сотворила почти непроходимый редут — бар, где караваны могут идти по строго обозначенному ходу, который ежегодно разрабатывается мощными землесосами. Морским судам этот бар преградил дорогу напрочь. Новый Порт — южный рубеж губы, к которому могут подходить суда с морской осадкой. Для речников этот порт — не большая находка, ведь все суда, выходящие в район морского плавания, должны иметь соответствующие допуски. Для моряков — тоже не океанское приволье, надо приравниваться к здешней короткой волне. И, как всякая стыковка, операция «река — море» имеет много организационных и психологических издержек. Но, наверное, на Севере по-другому не бывает. Упрятав в стальных недрах бесчисленные подземные сокровища, природа сделала все, чтобы преградить человеку дорогу к богатствам. Иного не дано, надо приспособливаться к нелегкому норову Мангазейского моря.

Десятки судов в пору Карских экспедиций везли к Новому Порту сибирскую пшеницу, круглый и пиленный лес, графит, асбест, волокно, жмыхи, шерсть, кожи. С кораблей, приходящих из европейских портов, на сибирские речные суда перегружался сельхозинвентарь, медицинское оборудование, цветные металлы, полуфабрикаты, сырье для промышленности. За 15 навигаций во льдах Карского моря погибло только два судна; одно из них, по странному для нас совпадению; называлось

«Обь». 17 октября 1921 года ее капитан, прославленный полярный мореход М. В. Николаев подал сигнал «SOS»: «Терплю бедствие, требую немедленной помощи». «Обь» получила пробойну от мощной льдины, которая саданула ее в левую скулу. На помощь подошел ледокол «Малыгин», экипаж и часть груза были спасены, но сам пароход в тумане ушел в пучину студеных вод у западных берегов Ямала.

В результате Карских товарообменных экспедиций промышленная Сибирь вышла на мировой рынок, а сама получила необходимые товары. Но после десятилетнего оживления Обская губа почти на полвека снова притихла — редкие суда появлялись на траверзе Нового Порта.

В книге Сибирцева и Итина меня особо привлек один фотоснимок — он изображал «Погрузку экспортного пиломатериала в лихтер Карской экспедиции у Могочинского лесозавода».

Я-то вглядывался в снимки потому, что на Могочинском заводе работал мой отец, но только здесь, в уютной каютке «Галса», я узнал, что отцовский завод сыграл в свое время такую значительную роль в экспортных операциях молодого Советского государства. Знали его продукцию в Голландии, Германии, покупали привередливые британцы, разгружали в южноафриканском порту Дурбан. Это рождало законную гордость за земляков, за тех стариков, которых я хорошо помнил и знал. Далекие Карские операции приобретали для меня какой-то личностный оттенок. Вон тот сутулый человек на снимке — не мой ли это отец? Впрочем, при чем здесь сутулость, ведь в те времена он был молодым и стройным.

— Приходилось бывать? — поинтересовался Иван Николаевич, заглядывая в книгу через мое плечо.

Я рассказал.

— Смотри-ка! — удивился он. — У меня ж тоже есть история, связанная с маршрутом Могочино — Салехард.

Ну как тут не скажешь, что в мире все переплетено.

— Я до Новосибирского института инженеров водного транспорта учился в тамошнем речном техникуме, — рассказывал свою историю Кочерга. — После третьего курса — практика. Мы номерки в шапку, тянем жребий. Везет мне в жизни. Вытащил бумажку с названием «СТ-221». Новенький теплоход, игрушечка, превосходная практика. И вот на нем мы в Могочино грузили пиломатериал для Салехарда. Прямо должен сказать про завод — впервые такую культуру производства видел: на бирже штабеля досок, бруса. На каждом штабеле год

указан — с которого сохнет. Мы лично брали из штабеля «1951 г.». Торец доски, комель бруса побелен известкой. Сразу видно — высший класс. В заводском музее нам грамоту с вензелем английской королевы показали — какая-то британская фирма благодарила за лес высшей марки. Ведь Лондон в те годы монопольно все лучшее покупал.

— Да, практика — вещь знатная! — оживился Геннадий Владимирович. — Я ведь тоже на практику попал в Обскую губу. И уж как она сразу научила себя уважать! Попал я из Омской мореходки рулевым-мотористом на «Россию» — тогдашний флагман нашего пароходства. 1800 «лошадей», довоенной германской постройки, попал он, кажется, по репарациям. В августе «Россия» работала в губе, по всем прибрежным факториям — развозили продовольствие, уголь, дрова. Подхода к берегам нет, мы сами на понтонах и вытаскивали этот груз. В Дровяной надо было снять зимовщиков. «Россия» встала милях в пяти от берега, на глубине. Шел накат, ветерок, выплывать на шлюпке опасно. Мы связались с факторией, предупреждаем строго — ни в коем случае в такую погоду не выезжать. Но их-то понять можно, они в ледяной пустыне два года отрубили, им каждая минута невоготу. Взяли зимовщики двенадцативесельный бот и раненько так, с утрачка выехали. А туман, молочная дымка, мы у себя на «России» ничего не знаем, не видим. Их пятнадцать человек, еще жена начальника — роженица, сам начальник и один провожающий. Начальник-то опытный был, прихватил с собой на всякий случай ракетницу. Это их и спасло. Когда волна их бот накрывала и перевертывала, он каким-то чудом умудрился пару раз выстрелить. Наш вахтенный ракеты увидел, и по тревоге мы на двух шлюпках рванули. С милю там было, наверное, минут десять мы шли. Они все за шлюпку ухватились, но смотреть на них уже было тягостно: в воздухе морось и ветер ледяной. Они все ледяной коростой покрылись. У некоторых руки прямо к днищу пристыли, ножом приходилось обкалывать. А волна. Подойти встык невозможно. Выход один — ныряли, подплываешь к перевернутому ялу, оторвешь его осторожненько и транспортируешь к шлюпке. Его принимают, он сам в этом деле никакого участия — ледяная статуя. Я одного доставил, за вторым поплыл. Здоровенный такой парень, за румпель держался, а волной его оторвало и понесло. И он диким таким голосом закричал:

— Ма-ма-а-а!..

Утренняя такая тишина, и вдруг этот голос загробный, с надрывом. В воде и так не Сочи, а тут и вовсе мурашки по телу, чуть не не до судороги. Но поймал я его, доставил. Поднимали их на палубу

«России» грузовой стрелой, сделали оган — две петли специальных из швартовых — и поднимали. Иного не придумаешь. Была на судне у нас хорошая баня паровая, растерли их спиртом, внутрь дали мужикам, только зубы приходилось разжимать.

Часа через четыре только начали отходить. Я своего амбала спрашиваю:

— Помнишь, как маму ревел?

— Я орал? — удивляется.

Все отошли, но роженница только на следующее утро осознавать себя стала. Как там у нее дальше сложилось — не знаю.

По времени мы уже были на подходе к Новому Порту, но кругом, кроме необозримого пространства воды, ничего не виделось. Лишь порой параллельным «Галсу» галсом пробегал или одиночка теплоход, или стайка судов — караван. Тогда рулевой включал переговорную аппаратуру системы «Сейнер», и Шанев начинал деловые разговоры, откуда идут, как вода, кого видели, как дела с планами.

Начинает сбываться штормовой прогноз, тот самый, что связан с контрастностью полярноуральских гор. Волна здесь крутая, и она, этак по-матерински сердясь, поддает «Галсу» в корму, шлепает под горячую руку.

— На сколько ж это баллов тянет? — интересуюсь я.

— Да балла на три, не больше, — отвечает Кочерга.

— А какие здесь штормишки бывают?

— На все двенадцать, — отрывается от селектора Шанев. — Вот в ту практику севернее от этих мест миль на двести, на траверзе мыса Харсё, это по нашему правому борту, попали мы на «Россию» как раз в такой, как вы изволили выразиться, штормишко. На корме был прочно принайтован генератор. Его сорвало. Представляете, торпеда весом в целую тонну бегаёт по палубе как сумасшедшая. Рушила на пути все. Стальные кнехты лопались, как пластмассовые игрушки. Дальше — больше: срывает шлюпки. Через люки начало заливать кают-компанию. У меня до сих пор перед глазами плывущий томик «Трёх мушкетеров» — жемчужина нашей судовой библиотеки. Книжка развернулась, там как раз иллюстрация: д'Артаньян делает выпад шпагой. Не знаю, приходилось ли Дюма испытывать такие приключения. В общем, на палубе сорвало все, что только можно сорвать. Не выдержали заклепки, корпус-то потек, не молоденький. Пора белые рубашки из сундучков доставать. Капитаны договорились: лихтер выкладывает полностью два своих якоря, мы бежим к мысу Трехбугорному отсто-

яться. На лихтере команда выложила свои якорные цепи, а мы действительно нашли спасительный покой под защитой мыса. На третий день видим «Ямал». Представляете, ветер такой силы, что протащил кованный лихтер на двух мощнейших якорях почти двести верст. В общем, мы как подранки, побежали к Салехарду, две недели ремонтировались: погром на судне.

— А как наш «Галс», — осторожно поинтересовался я, — надежное судно?

— Надежное, — рассеял мои сомнения Шанев. — Если волна пойдет боковая, он уляжется этак градусов на 45 и лежит спокойно. Впечатление, понятно, для сухопутного человека неприятное, но зато никаких опасений.

— Корабли! — разносится звонкий голос рулевого, интонация примерно такая же, как у Колумбова вахтенного, оравшего: «Земля!» Что ни говори, а они всегда мечтают о каком-то соседстве — земли ли, другого корабля, — эти люди, обреченные спецификой своей работы на одиночество плаваний. Ожидание таких встреч прорывается в этих вроде нейтральных обозначениях: вижу судно, вижу землю, белухи! И восклицательный знак в конце каждого предложения не просто призывает к вниманию, но и помогает выплеснуть накопившиеся страсти.

Уже не мать, а злющая мачеха шлепает «Галс» в корму, когда мы подходим к судам на Новопортовском рейде. Берег и поселок на нем видятся на горизонте неясной, угадываемой полоской, а весь первый план, как будто надвигается кинокамера, занимает громада морского пакетовоза «Федор Вараксин». Под его бортом болтается плавкран, с краном сшвартована баржа-площадка. Тяжелые трубы для магистральных сибирских газопроводов, уложенные в четыре ряда, или, как выражаются мои спутники, в «четыре шарика», издали смотрятся как ажурные пчелиные соты. К корме нагруженной площадки приткнулся мощный буксир. Толкач, который так внушительно смотрится на речном просторе, на фоне «Вараксина» выглядит безобидным малышом. Пакетовоз, вставший на специальные якоря, загородил речную мелочь от штормового ветра, но пять баллов все равно себя проявляют: толкач прыгает на волне, как расшалившийся мальчуган, баржа танцует, а кран, хотя и стоит под самым бортом «Вараксина», как пацаненок у материнского подола, шатает его, потому что он таскает тяжелые трубы из трюма пакетовоза, крутит своей лебединой шеей и укладывает еще один «шарик» в верхний ряд на барже. Того и гляди, что кто-то

«сядет» на другого, волна-то играет и возносит то одно судно, то другое.

Вот он — порт в открытом море и прелести здешнего труда. Рекомендуются прекращать всякие работы при шести баллах волнения, но не прекращают и при восьми. Дует здесь постоянно.

«Галс» прочно пришвартовался к толкачу, чтобы качаться в унисон. Я отправился на плавкран, потому что там явно заканчивали работы, укладывали последние трубы. Командовал на кране пожилой человек в серо-зеленой прорезиненной робе, плотный приземистый командир по фамилии Кугаевский. Он голой рукой удерживал трос стропы, наверное нарушая все предписания техники безопасности, но кожа на руке у него была, по-моему, продубленнее, чем у современной спец-рукавицы.

— Штормит, Иван Павлович? — не нашелся я что спросить.

— Да мы уж и не помним, когда не штормило, — махнул он рукой.

— Сколько здесь километров труб? Надо посчитать...

Иван Павлович начал загибать мозолистые пальцы.

— На этом «Вараксине» десять километров, на предыдущем — то же самое. Еще тут один большой корабль приходил, там километров 12 набралось. Всего пять судов.

— Выходит, километров полсотни?

— Где-то так.

Раздался могучий, перекрывающий шум моря и работающих моторов крик: «Вира!» Кугаевский торопливо натянул каску, помчался в корму плавкрана.

По штормтрапу подняться на «Вараксина» было немислимо, между верхней площадкой и бортом пакетовоза положили узкий трапик.

Когда я переходил по этим дрожащим дощечкам, вниз старался не глядеть. Вся эта эквилибристика происходила на высоте шестиэтажного дома, а внизу — волнующееся море и металлическая палуба. Я смотрел только на протянутые руки моряков, которые сразу же подхватили меня. Шанев прошел, как будто шествовал по бульвару, и так же спокойно прошагал Иван Николаевич.

Капитан «Вараксина» Юрий Яковлевич Сараев оказался земляком Шанева — омичом, и это сразу определило тон беседы. Шанева особо интересовал вопрос, нельзя ли придумать какое-нибудь приспособление, чтобы исключить «слепую» работу крановщика с плавкрана. Сараев вызвал стармеха, они озабоченно ходили трюмовыми отсеками, оживленно обсуждали технические вопросы. Я взглянул в восемнадцати-

метровой глубины колодец трюма — да, нужна привычка, чтобы работать здесь, не обращая внимания на эти судовые пещеры.

На палубе началась непонятная суматоха, в каюту постучался кто-то из капитанских помощников, что-то пошептал Сараеву на ухо.

— Извините, я на минуточку,— мягко попросил гостей Юрий Яковлевич. А через несколько секунд мы услышали из динамика корабельной связи его твердо-профессиональный голос:

— Палубной команде стоять на швартовке! Завести якоря!

В каюту он вернулся минуты через три и сообщил спокойным, все тем же мягким голосом:

— Шпринг порвало. Сейчас поставят.

Больше он к этому вопросу не возвращался.

Шпринг — канат толщиной этак в две солидных мужских руки. Он лопнул, как хорошо натянутая гитарная струна,— шторм набирал силу. Судно должно было снова стать лагом к волне, чтобы защитить корпусом от волны речных «пациентов».

— Рабочее время кончилось? — спросил Юрий Яковлевич.

— 22 ноль-ноль по Москве, по-нашему уже полночь,— ответил Шанев.

— Значит, уже можно,— улыбнулся капитан и вызвал официантку. На столе появились банки с амстердамским пивом «Хайнекен бир», замысловатая бутылка с нарядной этикеткой водки «Пьер Смирнофф» хартфордского разлива, аргентинская ветчина, голландский сыр, мурманские помидорчики. Настало время традиционного корабельного гостеприимства. Сараев между делом знакомил гостей с судном. Оно приписано к Архангельску, Северное морское пароходство. 747 труб большого диаметра фирмы «Маннесман» они погрузили в трюм и взяли на палубу в Роттердаме.

Чтобы попасть на этот рейд, они прошли морей... давайте подсчитаем — Балтийское, Северное, Норвежское, Баренцево (в Мурманске подзаправлялись), Карское — итого пять. Только в районе Харасавэя в Карском море они увидели льды, и судну пришлось маневрировать. Но оно имеет ледовый класс, и августовский морской лед ему не страшен. По Обской губе до рейда пакетовоз сопровождал ледокол «Капитан Сорокин». Десятидневный рейс средней тяжести. Разгрузившись в Новом Порту, «Вараксин» пробежится до Игарки, где загрузится экспортным пилолесом, Сараев по-свойски назвал его «дровами», и повезет его на Кубу. В Игарку пакетовоз идет не впервые, а вот на рейде Нового Порта — в первый раз.

— Ну, и как у нас? — ревниво интересуется Иван Николаевич.

— Приемлемо, — отвечает Сараев. — Я думаю, что при таких условиях лучше работать невозможно.

— Наверное, это несравнимые вещи — Роттердам и Новый?..

— А зачем сравнивать? — спокойно останавливает Сараев. — Мы же прекрасно понимаем, это Арктика. Боюсь, что хваленых европейцев сюда ни за какие доллары, ни за какие коврижки не заманишь. А наши люди работают и в этом порту.

— Вообще-то я впервые в конце речки, — признается Юрий Яковлевич. — Никогда бы не подумал, что здесь так ветрено и холодно. Настоящая Арктика — вот куда Иртыш-то наш спокойный укатился.

Да, нынешнему ленинградцу, бывшему омичу сегодня привычнее всякие там Мадейры и Багамы, Трапезунды и Ганноверы.

Когда выпит традиционный (запомнил, чье производство) кофе — последняя экскурсия по теплоходу. Гостей особо заинтересовала корабельная навигационная аппаратура спутниковой системы «Магнавокс». Космический «транзит» позволяет определиться в любую погоду в любой точке земного шара.

— Хорошая система, — похвалил Сараев.

— Речников тоже сейчас не обижают, — вставил Шанев. — Мы «сибирские» получаем, стопроцентная автоматика и своя ЭВМ.

На кромке шаткого трапа мы прощаемся с земляком-капитаном.

— А кто за вами следом шел?

— Кажется, «Степан Разин».

— Это из какой серии?

— Полководцы: «Донской», «Суворов», «Кутузов».

— Вот-вот, меня всегда интересовало, как в эту компанию затесался народный вождь, волжский гангстер Стенька Разин?

— История все на свои места расставила, — успокоил его Иван Николаевич.

В каюте капитана Сараева до меня как-то особенно ясно дошла суть международного разделения труда. Ведь что стояло за этими, свободно звучащими в устах капитана названиями — Роттердам, Бремен, Гамбург? Как-то не всегда мы осознаем, как в нашу жизнь входят плоды международной разрядки. И вот простого, скромного, лысеющего капитана Сараева я увидел одним из рядовых процесса разрядки, на морях это более заметно, что ли.

184 Что и говорить, климат Мангазейского моря суров, но развитие здешнего судоходства, как об этом свидетельствует вся его история,

связано в первую очередь с климатом международным. Так было в пору первых Карских экспедиций, так оно остается и сегодня. Говоря языком международных обозревателей, это своего рода барометр — чем больше здесь кораблей, тем мягче обстановка в мире.

В 1979 году морской транспорт «Золотица» привез на Новопортовский рейд первую партию труб — 3 тысячи тонн. На следующий год их было доставлено уже 80 тысяч тонн, через год — вдвое больше. К концу пятилетки планировался объем доставки труб в полмиллиона тонн. Каков рост! За одну пятилетку практически в 150 раз! И такая цифра может создать обманчивое впечатление — это делается легко, малой кровью. Но у каждого роста есть предел. На обустройство газового гиганта калибра Ямбурга требуется несколько миллионов тонн разного оборудования и материалов, приблизительно — миллион тонн в навигацию. Смогут ли моряки осилить такой объем? Сроки-то навигации — неполных три месяца, а количество флота ограничено. Можно ли раздвинуть хотя бы одну из этих жестких рамок? Можно. Вы, конечно, подумали, что можно увеличить число судов, которые будут швартоваться на ямальских траверзах? Нет, это задача трудная, куда проще развернуть рамки полярной навигации. Может, звучит это парадоксально, но только не для северян. И на Ямале, и на Таймыре они уже привыкли, что навигация начинается в самую глухую зимнюю пору, а корабли приходят с севера. Геологи на Харасавэе, это западный берег Ямальского полуострова, основную часть своих грузов получают в феврале — марте на кораблях, которые приводят к ледовому причалу атомные ледоколы. Наверняка скоро и Обская губа станет круглогодичным морским портом.

Он лежал долгие годы, вроде совсем бесхозный пресноводный залив Карского моря, или, если позатейливее, — море Мангазейское. А сейчас за какую проблему развития Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса ни возьмись, она так или иначе будет сопряжена и с транспортным освоением Обской губы.

Ранним утром я вглядывался в просторную, ничем не омраченную даль. Где-то здесь в это время должен был переплывать губу мой московский приятель Дима Сорокин. Он и еще пара парней соорудили какой-то резино-алюминиевый катамаранчик и решили пройти путем древнего сибирского речного люда — от Мангазеи к Обскому устью. В эти дни их «Наташа» должна была форсировать Мангазейское море. Но ровная гладь была пуста, может быть, эту «Наташу» и в телескоп не найдешь на этакой водной громаде.

Дима, узнал я позже, море успешно форсировал, еще разок доказав, что отчаянный народ здесь никогда не переводился и что если уж совершать подвиги, то только в Сибири.

Бросив вызов морю Мангазейскому, покорить его на смертельно крохотной, хрупкой и ненадежной лодочке — да, это подвиг человеческого духа.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПОСТСКРИПТУМ

СПАСЕНИЕ ОБИ — СПАСЕНИЕ

С И Б И Р И

Кто бы мог подумать, что самые последние новости о судьбе Оби мне придется услышать не где-нибудь, а в осенне-октябрьском, но все еще жарком Ташкенте. Проводились дни Тюменской культуры в Узбекистане. Официальную делегацию возглавлял первый секретарь Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомяков¹.

...Книги рождаются долго. Я начинал свое повествование в ту пору, когда над сибирскими реками, в том числе и над любимой Обью, висела угроза частичного переброса стока на юг, в Казахстан и Среднюю Азию. Естественно, мной овладело желание рассказать, как величава и велика, насколько насущно необходима нам всем красавица Обь. Не амбициозным сталинским планам «преобразования» природы должны мы следовать, а ее естественным законам, не вмешиваться в ее жизнь так, что последствия неосторожности человека становятся опасными и глобально непредсказуемыми. Однако потом, как известно, наступил апрель перемен, вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о прекращении работ по проекту переброса северных и сибирских рек. Можно было вздохнуть с облегчением, хотя, конечно, угроза реке существует постоянно — ее представляют не только ретивые «перевосчики», но и те, кто неразумно живет, неграмотно работает на ее берегах. Но «местная» угроза не казалась тотальной и смертельно неотвратимой. Помнится, меня очень удивили слова Сергея Залыгина, с которым тогда удалось встретиться.

— Вы рано ликуете и складываете оружие,— заметил он серьезно.— В правительственном постановлении масса зацепок, с помощью которых можно благополучно похоронить его суть. Минводхоз кровные народные миллиарды так просто не отдаст — он проведет сквозь игльное ушко этих зацепок своего проектного верблюда. Вы порыскайте по сибирским весям — есть немало организаций, которые и не собираются прекращать проектные работы.

Я последовал компетентному совету, но крамольно-подпольных организаций не обнаружил и подумал, что писатель не отошел от азарта борьбы или все еще не верит в победу, для которой сам так много сделал.

Спору нет, ведомственные проектанты свой намазанный маслом кусок хлеба постараются не отдать. Однако по существу это их агония — ведь многомиллиардными тиражами, почти во всех центральных газетах опубликовано партийно-правительственное постановление. Но... Вероятно, стоит больше доверять опыту и интуиции повидавших жизнь писателей. А то ведь был момент, когда я эдак высокомерно посмотривал на зальгинские сомнения. Чудит, мол, старик...

Именно в Ташкенте пришлось убедиться, что борьба не закончена. Понятно, что страдающие от катастрофического безводья республики Средней Азии не перестанут ставить вопрос о перераспределении сибирского речного стока. Когда молят о воде — не задумываются, откуда, когда и как она должна появиться. Моление подразумевает чудо. Такие просьбы, впрочем, понятны и объяснимы. Но слова о перебросе пришлось выслушать из других уст. В Ташкентском обкоме партии проводил пресс-конференцию тюменский партийный секретарь Г. П. Богомяков. Отвечая на вопросы журналистов, он признался, что решительно и однозначно выступает за переброс. Даже уточнил, что Тюменский обком всегда был сторонником проекта, единственным из сибирских обкомов неизменно поддерживал его. (Не думаю, что все члены Тюменского областного комитета КПСС единодушно и безоговорочно поддерживали своего «первого».)

— Вы напали на маньяка, который своего вероисповедания не меняет,— признался партийный лидер откровенно.

— Есть ли у вас единомышленники? — уточнил журналист.

И на сей раз откровенность была полной:

— Единомышленников мало, но ведь умные люди в стране не перевелись.

Так неназойливо и в одночасье все оппоненты проекта были занесены 187

в разряд откровенных «дураков», а учитывая массовость оппозиции перебросу, можно считать, что умных людей в стране совсем, если следовать богомяковской логике, не осталось.

— Мы гоним 15 тонн тюменской нефти в секунду, — аргументировал свои доводы Геннадий Павлович. — Совокупный поверхностный сток тюменских рек в океан превышает 600 кубокилометров, только одна Обь дает более 400. Средняя Азия требует на полив 30—60 кубокилометров. Мы обязаны помочь.

Мне представилось в тот момент, что партийный руководитель действовал по поручению и от имени... Бога. На берегах Оби проживает несколько миллионов человек, в том числе в так называемой зоне изъятия — около двух миллионов. Может, их мнение тоже небезынтересно? И кстати, кто уполномочивал Богомякова говорить от их имени? Референдума, помнится, еще не было. Вообще на той пресс-конференции разошедшийся лидер высказал немало откровений, исходя из собственной концепции «баснословно сказочных богатств» Тюменской области. Сидеть на этих природных щедротах, по его мнению, неразумно. Что с того, что в цивилизованных странах принято торговать плодами труда рук своих — тюменскому руководителю очень нравилось распоряжаться плодами трудов господина Бога. И он не стеснялся себя масштабами: предлагал довести добычу газа до немыслимой цифры в один триллион суточных кубометров, утверждал, что наиболее выгодно торговать сырой нефтью — ведь продает же Гвинея фосфаты, призывал немедленно осваивать сибирские месторождения торфа («вся Европа гоняется за гумусом»), причем считал, что торф — возобновимый, возобновляемый ресурс. Была попутно высказана мысль, что сырьевой Тюменская область пребудет еще долго, едва ли не века.

Как перебросить сибирские воды на несколько тысяч километров? И здесь рассказчик не ведал сомнений: ведь построены же трансконтинентальные нефте- и газопроводы, почему не проложить такие же водопроводы?

— Мне терять нечего, — подвел итог этой части разговора тов. Богомяков (кстати, по первой своей профессии гидрогеолог, что он постоянно подчеркивает), — если меня даже не поддержит бюро обкома, я готов подписать любую бумагу, любой документ. Этот вопрос надо совместно поставить на XXVIII съезде партии.

Возможно, партийному лидеру действительно нечего было терять — его карьера неумолимо продвигалась к закату. Может, ему очень хотелось понравиться гостеприимным хозяевам, возможно, он руководство-

вался какими-то непонятными мне политическими амбициями, но в тот момент стало ясно, что любители устроить свои политические дела за счет природы не переведутся никогда. Еще раз повторюсь: велика тяга торговать трудами господ Бога — водой, нефтью, лесом, газом, торфом. Значит, постоянно будет нависать и угроза над сибирскими реками — ибо нет ничего проще, как найденной тропой повторять ошибки предшественников, считая наиболее примитивный путь решения сложных проблем самым выигрышным.

Здесь можно внести небольшой штришок, характеризующий таких людей. На юге самой Тюменской области есть маловодные и засушливые районы, где на счету каждая капля воды, где из-за засухи частенько недобирают солидную часть урожая. За время своего некороткого (более трех пятилеток) пребывания у власти тюменский лидер не сумел решить этой, казалось бы, ординарной и не такой уж масштабной проблемы. А дело именно в масштабе: чего таким людям тратиться на мелочи, когда можно показать себя на трансконтинентальном уровне! Поймут ли областного руководителя крестьяне тюменского засушливого юга, чьи поля так и не дождались малой толики соседней воды?

Там, в Ташкенте, я побеседовал с двумя специалистами-узбеками из главного управления по комплексному использованию водных ресурсов Госкомводхоза республики и проектного института Средазгипроводхлопок. Надо ли говорить, насколько соблазнителен очередной вариант переброса для узбеков — ведь он позволяет если не кардинально решить, то на время обезболить многие проблемы супержаркой республики. Однако мои собеседники проявили завидную, как понимаю, чисто восточную осторожность, которую я посчитал мудростью.

— Сегодня все внимание сосредоточено на использовании наших внутренних ресурсов, — сказал зам. начальника главка республиканского Госкомводхоза Владимир Валеевич Ханзафаров. — До 2010 года сток Оби ни в какие планы не закладывается, перспективно не просчитывается, мы четко следуем известному правительственному решению.

— Нет, тысячекilометровые трубопроводы нереальны, — после долгого раздумья признал и Умид Валиевич Абдуллаев. — Трудный вариант, — скорректировал он тут же свою позицию, видимо посчитав, что негоже ему отбрасывать такую солидную альтернативу. Но профессионализм переборол патриотические чувства. — Откуда взять такие суммы, это же грандиозные деньги, где их взять? Конечно, любая вода окупится, но это будет золотая вода. Вы видели единственную речку в Ташкенте — Анхор? Она дает 50 кубометров в секунду. Анхор неширок, 189

но если его попытаться заключить в трубу, потребуется не одна труба. А нам ведь нужен поток в 200 раз больше. Это ж сколько сверхдлинных трубопроводов потребуется! Сколько энергозатрат придется нести, чтобы поддерживать давление в трубах? Нет, невозможно...

В этой книжке я, по существу, не обращался к теме переброса обских вод на юг, считая, что она отжила свое. Но после столь памятной для меня пресс-конференции понимаю, что охотники ревизовать правительственные постановления обязательно отыщутся, поэтому к эпопее переброса — хотя бы вкратце — следует вернуться. А для начала, видимо, следует процитировать историческое для судеб Оби Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 16 августа 1986 года «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек»:

«ЦК КПСС и Совет Министров СССР, исходя из необходимости дополнительного изучения экологических и экономических аспектов проблемы переброски части стока северных и сибирских рек, за что выступают и широкие круги общественности, в целях концентрации финансовых и материальных ресурсов на выполнении работ по повышению эффективности использования водных ресурсов и имеющихся мелиорированных земель признали целесообразным прекратить... дальнейшее осуществление проектных проработок, связанных с переброской части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан. Госплану СССР, Госагропрому СССР, Министерству мелиорации и водного хозяйства СССР поручено исключить из планов на 1986—1990 годы задания по выполнению указанных работ».

Кажется, четко и безоговорочно. В чем же увидел умудренный Сергей Залыгин двусмысленные зацепки? Они вот в этом абзаце Постановления: «Госкомитету СССР по науке и технике, Академии наук СССР и ВАСХНИЛу поручено продолжить изучение научных проблем, связанных с региональным перераспределением водных ресурсов, на основе проведения всесторонних экономических и экологических исследований, применения современных экономико-математических методов и технических средств, а также глубокого анализа отечественного и зарубежного опыта в этом деле».

Все отдается на откуп науке. Это правильно и справедливо, правда, при условии, что наука исключительно независима и на нее не может влиять политическая конъюнктура... Кто хотел бы полнее познаться с ролью, скажем, лишь одного академического института водных проблем и его небезызвестного директора Г. А. Воропаева, может

190 почитать книгу С. П. Залыгина «Поворот». Драматизм борьбы с

учеными на корню купленными ведомствами, там вырисован очень ярко.

Углубляясь в историю проекта, было бы справедливым послушать мнение тех специалистов, которые в течение долгих лет вели «диверсионную» работу против великих сибирских рек — Оби, Иртыша и Енисея. Мне доводилось беседовать с ревностным апостолом идеи переброса, главным инженером проекта И. А. Герарди. Я даже взял у него интервью, но так как в те приснопамятные годы задавать неосторожные вопросы на эту тему было не принято, а цензура с соответствующей строгостью блюла запрет, то интервью я опубликовать не смог. Цензурная мгла стояла в те времена столь плотно, что у меня не появилось даже маломальской надежды, что это «историческое» интервью можно будет опубликовать хоть когда-нибудь. Одним словом, я его не сохранил. Но зато нечаянно убереглось интервью с коллегой Герарди Азарием Кузьмичом Кияткиным, титул которого звучит привлекательно — главный инженер проекта схемы комплексного использования и охраны (именно так, охраны.—А. О.) водных ресурсов Оби и Иртыша.

Интервью я брал в 26-этажном здании, в котором в конце семидесятых годов размещался Всесоюзный ордена Трудового Красного Знамени Государственный головной проектно-исследовательский и научно-исследовательский институт по переброске и распределению вод северных и сибирских рек Всесоюзного объединения Союзводпроект. На всех двадцати шести этажах умудренные и бывалые специалисты, последователи известного нам киевского инженера Демченко решали судьбы Печоры, Северной Двины, Иртыша, Оби, Енисея.

Кстати, Азарий Кузьмич начал беседу именно с Демченко, отдав должное его плодотворно-безудержной фантазии, которая впоследствии кормила не одну тысячу водопроектовских специалистов. Был упомянут еще один великий энтузиаст — инженер М. М. Давыдов из института Гидропроект, который в тридцатые советские годы намеревался перебросить в Среднюю Азию и Казахстан 300 кубокilометров сибирских вод, дабы изменить засушливый климат и попутно оросить 35 миллионов гектаров пустынных пространств. Впрочем, расшифруем разговор с магнитной ленты «Репортера».

«Кияткин: Мы в нашем институте ставим вопрос о перебросе совершенно по-иному. Крупных водохранилищ, на которые рассчитывали предшественники, строить не собираемся, да и объем изъятия на несколько порядков ниже: 27 кубокilометров — на первом, обском, этапе, 60 кубокilометров — на этапе втором, когда к Оби подключим Ени-

сей. Забор воды из Оби намечается ниже впадения в нее Иртыша, по системе гидроузлов и системе каналов вода будет подана в район Тобольска, четыре насосных станции подадут ее к Кургану и южнее, а через Тургайскую ложбину вода уже самотеком пойдет в республики Средней Азии и Казахстан.

Автор: Решат ли эти 27 кубокилометров все проблемы Среднего региона или неизбежен второй, енисейский этап?

Кияткин: Видите ли, на юге много земель, которые жаждут орошения. Южный гектар дает продукции в несколько раз больше, чем в Сибири. Поэтому чем больше воды мы подадим, тем больше питательной сельскохозяйственно-садоводческой продукции получит государство. Полагаю, что до 2000-го, может, к 2010 году проблема переброса будет решена. Подача воды из Енисея прорабатывается по двум вариантам: по недостроенному Кас-Кетскому каналу или с помощью тоннелей из Красноярского водохранилища в среднее течение Оби.

Автор: Но многие ученые высказывают по перебросу категорические возражения.

Кияткин: Настоящий ученый категорически никогда не высказывается, он ставит под сомнение непроработанные, неясные аспекты проблемы. Я считаю так. Наши проектные проработки обосновываются научными исследованиями, к мнению ученых мы внимательно прислушиваемся и непременно учитываем. К работе на данный момент подключено 36 научно-исследовательских и 25 проектных институтов.

Автор: Силища! А хотя бы один оппонирующий научный коллектив имеется?

Кияткин: Задача целевая, в ходе исследований, естественно, появляются сомнения. Для того и наука, чтобы сомнения преодолеть, найти вариант, выход. Специально оппонента мы себе не создавали.

Автор: Мне приходилось слышать мнение, что на трассе суперканала есть зоны, которые будут засолять изъятую воду, к местам орошения она придет попросту непригодной. Не безрассудно ли гнать потоки воды, которая на конечном этапе водой может считаться только относительно?

Кияткин: Предварительные прогнозы, а мы подключали к этой проблеме несколько институтов, говорят, что подобного засоления не произойдет. Хотя, понятно, проблема существует, она серьезна. Мы ищем естественные понижения, куда будут сбрасываться грунтовые

Автор: Тюменские геологи считают, что на трассе канала имеется ряд геологических «провалов» — вода попросту не сумеет самотеком дойти до зоны орошения.

Кияткин: Официально нам такие сведения не сообщались, мы ими не располагаем. Геологические изыскания по трассе проведены.

Автор: Сколько воды дойдет до потребителей?

Кияткин: Испарение и фильтрация не превысят десяти процентов, это допустимые нормы для всех видов каналов.

Автор: Как дорого обойдется канал?

Кияткин: В пределах 12 миллиардов рублей. Это стоимость только самого канала. Освоение земель, орошение, как говорится, пойдет по другой смете. Освоение — долговременный и наверняка тяжелый процесс, на него потребуется и времени много, и денег.

Автор: За какой срок канал окупится?

Кияткин: Хотя он и превысит норматив, но окупится относительно быстро, лет за 15. Если это будет крупная всенародная стройка, построить его можно будет за 8 лет. Но, полагаю, более реально выглядит срок в 12 лет.

Автор: Существуют ли такие глобальные проекты в мировой практике?

Кияткин: В Америке перебрасываются большие объемы воды из одного бассейна в другой.

Автор: Насколько живительна сибирская вода для южных такыров?

Кияткин: Каждый гектар орошаемых земель, особенно в хлопковой зоне, дает до 1500 рублей прибыли. Мы собираемся оросить миллионы гектаров. Нетрудно посчитать, какую прибыль это даст государству. Мы облагородим пустыни, улучшим жизнь народов советской Азии, избавим Сибирь от разрушительных паводков. Жизнь станет культурнее, благороднее.

Автор: И все-таки о необратимых экологических последствиях. Немало ученых опасаются гигантизма проекта — он принесет изменения на большую территорию, ведь значительную часть тепловодного стока не получит Карское море, часть Арктики — «кухни всемирной погоды». Изменение режима в Арктике — это эскалация природных изменений на планете. Вас это не страшит?

Кияткин: Не страшит. 10 процентов — чрезвычайно низкий порог изъятия. Существенно сказаться на климате он не может. Когда мы проектировали Каракумский канал, было много противников. Никто их

сегодня не вспоминает, зато туркменские пустыни превратились в оазисы. Люди это видят. Да, мы хотим преобразовать землю, но мы улучшим, а не ухудшим ее. Она расцветет там, где не могла цвести, и станет лучше там, где выглядела уныло и убого. Мы рассматриваем все оппонирующие предложения. Один американский гидролог обратился в ООН. Он предостерегал, если будет осуществлен поворот сибирских и северных рек, а также рек Аляски через Канаду в США и Мексику, то сместится ось вращения земли. Геофизики многих стран, в том числе и наши специалисты, смоделировали ситуацию, провели ряд экспериментов и доказали: северной воды будет забираться столь ничтожно, что никакого смещения земной оси произойти не может.

Автор: Хорошо, для планеты это ничем не грозит, но для зоны изъятия ущерба невозможны?

Кияткин: Сотрудничающие с нами институты, прорабатывающие вопрос последствий для низовий Оби, полагают, что ущерб глобального масштаба для этого района не предполагается».

Добавлю, что первый «апостол» проекта И. А. Герарди в том моем утраченном интервью был столь же «убедителен» и непреклонен...

Вообще мы — страна героев — любим несомневающихся людей. Отечественная проектная школа основана на базе несомненного оптимизма: нашим исследователям чаще всего требуется не изучить, а доказать. Это всегда нетрудно, если видеть одно, не замечая другого. Наши специалисты забывают, что всякий прогноз должен учитывать достигаемый эффект и предполагаемый ущерб. А потом требуются точнейшие политико-экономические весы, на которых нужно взвесить эффект и ущерб. Достоинства наверняка должны в несколько раз превышать недостатки — даже при самом точном моделировании трудно учесть все нюансы. Чем схожи в своих посылах Кияткин и Богомяков? Увлекающиеся антидиалектики, они совершенно ясно видят (и в этом их трудно упрекать) только то, что хотят видеть, что доставит радость и им, и, скажем, дехканам Узбекистана, но не собираются серьезно изучать и замечать глобально-необратимых последствий для Сибири, Севера, того региона, который называется бездушно-нейтрально «зона изъятия».

Не доказываем ли мы своей бездумной, а порой и попросту безумной деятельностью, что человечество — это болезнь планеты, и если планета все еще сильный организм, ей следует поскорее избавиться от этой болезни, то есть от нас с вами?

недалеко от толкучки ВДНХ СССР, почему-то резко врезалась в память. Когда мы разговаривали с уважаемым Азарием Кузьмичом, вдруг шелкнул репродуктор внутреннего радио и бодрый ведомственный голос произнес завлекательную тираду о том, что сегодня священный день получения «заказов», и тоном неумеренного ликования добросовестно перечислялись деликатесы очередного заказа. Что мог подумать я, человек из пресловутой «зоны изъятия», слушая мажорного диктора? Конечно, можно упрекнуть себя за провинциальную мелочность, но подумалось, что для нескольких сотен, если не тысяч (постеснялся поинтересоваться) сотрудников перебросочного института их проект — это их хлеб, и черный хлеб насущный, и «заказной» — наверное, столично-пеклеванный. Разве просто так они смогут отказаться от своего бутерброда с сервелатом?

Азарий Кузьмич досадливо крякнул: некстати... Думаю, действительно некстати,— и меня перебросило от глобальных проблем спасения Оби к мелкопотребительской зависти провинциала.

Но именно в стенах этого института родилась и, наверное, на всю жизнь осталась мысль: этим людям не жаль моей родной Оби. Мне, моим землякам надо понять одно: есть много людей, которым Обь не матушка и даже не мачеха, а попросту нечто отвлеченно географическое, и душа у них не заболит, как она течет, куда течет, и именно для них (а их куда больше, чем тех, кто Обью дорожит) аргументы Азария Кузьмича основательны и безупречны. Им импонирует масштабность замаха, дерзновенность планов, оригинальность и величие решений, они утонут в цифровых доводах, а сердце у них не заболит просто потому, что Оби они никогда не видели и не стремятся увидеть. Это не их река. О ней задушевно не спето, проникновенно не сказано, даже кинокомедия «Обь-Обь» не поставлена.

Что для меня, к примеру, невиданный Нурек, Зея, необозримая Колыма? Наверное, мне не обязательно любить незнакомые реки, но — вот в чем я твердо уверен! — всем нам следует уважать чувства людей, для которых зейские, нурекские, колымские берега — родные и любимые.

Большие ученые — не пылкие влюбленные, они не приучены отвечать однозначно: да, нет. Да, но... Нет, но... В этих кратких формулах многосложность жизни, которую не уложить в подготовленное прокрустово ложе убогой схемы.

Я много встречался с учеными самого разного профиля, так или иначе причастных к проекту переброса. Вспоминать все, пожалуй, не

имеет смысла, хотя корю себя за то, что не вел регулярного дневника этих встреч — почему-то считал, что он не понадобится никому ни ныне, ни завтра, ни во веки предстоящих веков. Еще раз напомню, какой мрак застоя царил в мозгах. Казалось, время брежневых-рашидовых-кунаевых — главных политических инициаторов переброса — будет длиться нескончаемо.

Из своих записей приведу две.

Сибирское отделение Академии наук СССР создало специальную комиссию, на тогдашнем эзоповом языке называвшуюся «комиссией по перераспределению водных ресурсов Сибири». Это факт несомненного гражданского мужества сибирских ученых: не в чести тогда было защищать интересы Сибири, России, оппонировать ученым кунаевско-рашидовского клана. Возглавил комиссию известный геолог, член-корреспондент Академии наук СССР Владимир Николаевич Сакс. Великий скромница, авторитетнейший ученый сделал немыслимое по тем временам: коллективная монография «Влияние перераспределения стока вод на природные условия Сибири» вышла в 1980 году, когда цензура свирепо вырезала все, что хоть отдаленно напоминало критику проекта переброса.

Но имя ответственного редактора монографии — в черной траурной рамке. Книга оказалась последней в творческом наследии В. Н. Сакса. Умер он довольно молодым...

В новосибирском Академгородке я беседовал с Александром Леонидовичем Яншиным, который принял эстафету от коллеги и возглавил комиссию. Выдающийся геолог, дважды лауреат Государственной премии СССР, Яншин своим огромным международным авторитетом подкреплял по существу «крамольные», почти нелегальные исследования комиссии.

Я слышу на магнитной пленке характерный, с трещинкой голос старого геолога:

«Мы выступаем против предложений Гидропроекта о первоочередном изъятии вод Оби в количестве 25 кубокилометров. Это изъятие для Сибири, на наш взгляд, еще безвредно, но ведь оно не несет никакого эффекта. Ирригационные системы Казахстана и Средней Азии теряют на фильтрации в грунт почти в два раза больше. Дешевле да и проще улучшить дырявую ирригационную сеть, чем соорудить канал длиной свыше 2 тысяч километров. До юга воды дойдет не более 15—16 кубокилометров. А это, как говорится, та овчинка, которая и выделки не стоит. «Выделка» же обернется в 10—12 миллиардов рублей. Артель

«напрасный труд». Изобилие водных ресурсов Сибири — иллюзорное, они кажутся безграничными, но это вовсе не так. Сибирь уже сейчас испытывает колоссальный водный дефицит, особенно это касается южных областей. Ведь здесь также существуют огромные площади, которые при развитии поливного земледелия могут давать совсем не меньше, чем Среднеазиатский регион. Если начинать переброс, то первой его целью надо видеть Западно-Сибирский Юг, дальний бросок рискован и, по всем примеркам, малоэффективен. Скажется ли серьезно изъятие 60 кубокилометров на климате сибирского Севера? Да, это всего десятая часть сибирского стока, но на ледовитости Карского моря, всего Северного Ледовитого океана это изъятие отразится несомненно. Море перестанет получать теплые речные воды, это приведет к похолоданию прибрежной зоны. Но изменения на этом не закончатся, они — лишь первое звено в цепи последующих перемен. Хочу напомнить, что именно в этом видел главную опасность проекта мой коллега Владимир Сакс, он писал: «Следует считать одной из самых первоочередных задач, стоящих перед советской наукой, скорейшее всестороннее изучение возможных изменений климата и смещения природных зон. Без учета результатов такого изучения нельзя принимать окончательного решения по перераспределению водных ресурсов Сибири, да и всей нашей страны».

Разговор с другим видным ученым, заведующим лабораторией экологических основ охраны и рационального использования наземных позвоночных Института морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцева, членом-корреспондентом Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. В. И. Ленина, доктором биологических наук Евгением Евгеньевичем Сыроечковским (он, кстати, много путешествовал и занимался исследованиями в междуречье Оби и Енисея) происходил у нас после октябрьского (1984) Пленума ЦК КПСС. На пленуме докладчик, тогдашний премьер Н. А. Тихонов, еще робко, но все же возразил против неотвратимого осуществления скандального проекта: «Сроки строительства канала и связанных с ним объектов еще предстоит обсудить после разработки и утверждения проекта».

— За этой осторожной фразой премьера — титаническая борьба ученых, — пояснил Сыроечковский. Он был привлечен в качестве эксперта проекта и выдерживал тяжелейшие баталлии с оголтелыми сторонниками переброса. — Кунаев и Рашидов несколько утратили свои позиции в Политбюро, но и политическая оппозиция им все еще слаба, интересы России особо защищать некому. Но, слава богу, какая-никакая

оппозиция уже появилась. Нам, экологам, становится легче, к нам прислушиваются, наши рекомендации начинают учитывать.

Евгений Евгеньевич был безусловным противником прокладки канала, но считал, что воду Оби возможно подавать по гигантскому трубопроводу.

— Тогда вода становится продукцией: ее можно продавать и покупать, — приводил он свои аргументы. — В цену воды необходимо заложить все компенсации за те неизбежные потери, которые понесет зона изъятия. Видите, даже психологически — или река Обь повернула к Аралу — это одно, или сибиряки отдают, делятся, продают свои ресурсы — это совершенное другое.

Была ли непоследовательной позиция ученого? Вряд ли... Тогда большую роль играла тактика — во что бы то ни стало следовало задержать начало осуществления проекта. Если бы страна ввязалась в прокладку канала, а именно к этому стремились рьяные его поборники, то выйти из глобально-экологической авантюры она бы попросту не сумела. Выиграть время, оттянуть, хотя бы взглянуть на альтернативный вариант... Ведь именно в те годы в газетах запестрели заметки, в которых с присущей временам застою помпой начинали описывать еще одну грандиозную эпопею. Приведу одну заметку с первой полосы газеты «Тобольская правда»:

«Начались изыскания
для проектирования уникального канала
Западная Сибирь — Средняя Азия.

В прошлом году в Тобольске начала работать комплексная изыскательская экспедиция научно-исследовательского и проектного института Союзгипроводхоз Министерства мелнорации и водного хозяйства СССР. Коллектив ведет изыскания для проектирования уникального канала Западная Сибирь — Казахстан — Средняя Азия протяженностью 2400 километров, который будет судоходным.

Искусственная водная артерия пойдет от Ханты-Мансийска до Тобольска, затем по междуречью Иртыша и Тобола в Тургайский прогиб и далее в республики Средней Азии для орошения засушливых земель. Много проблем возникло при проектировании головного участка канала.

Тобольская экспедиция занимается инженерно-геологическими изысканиями для обоснования вариантов переброски воды из Оби до Тобольска.

— Мы ведем топографические и буровые работы, — рассказывает главный геолог экспедиции Б. П. Исаенко, — производим геологические

и гидрологические исследования. Предстоит выполнить объем изыскательских работ.

Сейчас существует четыре варианта участка головного канала до Тобольска. Предполагается в каждом случае построить на Оби бесплотинный водозабор. Первый вариант — намечается сооружение канала протяженностью 315 километров с двумя мощными насосными станциями, который пройдет по верхним террасам левого берега Иртыша с удалением от реки на 20—70 километров. При втором варианте канал должен идти по левобережной пойме вблизи основного русла.

По третьему варианту предстоит подавать воду до Тобольска по руслу Иртыша. В этом случае предполагается строительство нескольких сложных гидроузлов с плотинами, водосбросами, насосными станциями и судоходными шлюзами. И последний вариант — смешанный. Сначала вода будет подаваться вверх по руслу до села Демьянское, а потом — канал до Тобольска. Какой вариант выберут проектировщики — пока не известно.

Около Тобольска намечается построить большой гидроузел с водохранилищем, обводным каналом и специальными пропусками для рыбы. Сейчас экспедиция определяет место для этого сложного сооружения. Предполагается держать уровень воды в Иртыше на средних многолетних отметках.

Много проблем предстоит решить проектировщикам. Нужно выбрать такой вариант, чтобы не нанести ущерба природе, сохранить рыбные запасы рек. Над решением сложных вопросов работает около 100 проектных и исследовательских организаций. Проектирование канала Западная Сибирь — Средняя Азия должно завершиться в 1986 году».

Привожу обычную газетную заметку полностью, чтобы мы все убедились: угроза приобретала реальные очертания, очередная промышленная эпопея, по размаху соперничающая с БАМом, неотвратимо на двигалась.

Нельзя сказать, что в отечественном ученом мире насчитывалось много защитников северных и сибирских рек. Но они были, ученые крупного калибра, с мировым авторитетом, а главное — дорожащие своей честью, независимостью суждений. И если бы Обь могла помнить, она бы не забыла имена своих защитников, тех, кто отстаивал в общем-то совершенно естественную истину, что река должна течь по руслу, вычерченному искусной природой, а не по чертежу амбициозного фанатика. Кроме В. Н. Сакса и А. Л. Яншина это академики А. Г. Аган-

бегян, Г. И. Петров, Л. С. Понтрягин, академик ВАСХНИЛ В. А. Тихонов и другие — не очень, правда, многочисленный ряд.

К ученым подключились писатели — наверняка не без активного влияния С. П. Залыгина. Декабрьский съезд писателей России (1985 года) назвали «экологическим». Василий Белов, Валентин Распутин, Юрий Бондарев, Виктор Астафьев подняли свой голос против надругательства над реками русского Севера; автоматически под их защиту попадали и Обь, и Иртыш, и Енисей. Пожалуй, съезд стал серьезным началом нового поворота к проблеме — прошу прощения за каламбур — поворота северных и сибирских рек. Логическим завершением общественной акции стало августовское партийно-правительственное постановление.

Некоторые наивные люди вроде меня посчитали, что это финиш борьбы...

Нужно было почти случайно попасть в Ташкент, дабы убедиться, что борьба не закончена. Боюсь, что наступил новый этап, возможно, он будет более ожесточенным.

Мой знакомый Азарий Кияткин напомнил о себе в ноябре 1989 года. «Литературная газета» сообщила:

«28 сентября в Ташкенте прошло очередное заседание Комитета по спасению Арала, на котором присутствовал представитель Минводхоза А. Кияткин. В беседе с корреспондентом ТАСС он однозначно заявил: «Мы не сомневаемся в том, что проект «СибАрал» неминуемо придется возобновить».

Следующее звено в цепи событий вокруг воскресающей на глазах идеи переброски рек — выступление первого секретаря Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомякова в Ташкенте на одном из мероприятий в рамках дней Тюмени в УзССР. 26 октября высокий гость заверил собравшихся, что он отлично понимает жизненную необходимость проекта и делает все возможное для его осуществления. В частности, подчеркнул он, именно об этом я намерен говорить с трибуны XXVIII съезда КПСС.

И наконец, 28 октября на пленуме Ташкентского обкома партии первый секретарь ЦК КПСС Узбекистана И. А. Каримов указал, что прирост населения в республике остается по-прежнему очень высоким и к 2000 году оно превысит 30 миллионов человек. В этих условиях, заключил руководитель республиканской парторганизации, продовольственную программу без сибирской воды не решить».

предполагаемый эффект и ущерб проекта. Сделал это... профессор Западно-Мичиганского университета Филипп П. Миклин. Его обширную системную сводку опубликовал журнал «Мелиорация и водное хозяйство» (2, 1989 г.). Обращение к исследованиям стороннего специалиста плодотворно: мы избежим обвинения в пристрастности.

Какие же последствия ожидают зону изъятия, то есть берега Оби и совокупные с нею земли? Прежде всего — затопление лесов и сельскохозяйственных угодий, площадей с залежами ископаемого топлива, подъем грунтовых вод, изменение слоя вечной мерзлоты, климатические изменения в прибрежной зоне крупных водохранилищ. Прогнозируется ущерб рыбному хозяйству из-за изменения гидробиологического режима рек и их устьев в нижнем бьефе предполагаемых водозаборов. Меняется традиционный жизненный уклад коренных сибиряков, видятся археологический, исторический и культурный ущерб. Среди последствий международного масштаба доктор Филипп Миклин отмечает «изменения в постоянном ледяном покрове арктических морей (особенно — Карского), достаточные для климатических изменений, выходящих за пределы советских границ».

Благоприятным последствием западно-мичиганский профессор считает «улучшение дренажа, ведущее к сокращению болот и заболоченных земель». Но имеется точка зрения советского эколога Федота Шипунова (она получает все большее признание), что легендарные среднеобские болота играют не отрицательную, а сугубо положительную роль для климата не только Западной Сибири, но и всей Земли — они дают свободный, несвязанный кислород в планетарных количествах. Побочным же эффектом тотального осушения может стать более интенсивное, как предсказывают специалисты, самовозгорание торфяников.

Все положительные результаты переброса, по мнению доктора Миклина, получает исключительно Средняя Азия. Единственный, на его взгляд, минус — соединение южной и северной речной флоры может привести к нежелательным биологическим новообразованиям.

В корректном анализе американского исследователя недостает одного: он изначально полагает, что в Казахстан и Среднюю Азию пойдет чистая обская вода. Но такой воды сегодня в природе попросту не существует. Я достаточно много рассказывал, как загрязнена Обь. Ее воду намечается брать у Белогорья, то есть там, где слились Обь и Иртыш, там, где Обь прошла самый грязный нефтяной «транзит», — после Самотлора, Сургута, Нефтеюганска, других городов и поселков Среднего Приобья.

Надо задаться вопросом: годится ли для казахских арбузов, узбекского хлопка, таджикских абрикосов вода, отличающаяся от принятых норм в десятки раз?

Я мог бы привести многочисленные факты того, как остервенело продолжается загрязнение великой реки, но остановлюсь только на двух. Собкор «Известий» М. Кургаллина в заметках «Залпы по Оби» сообщила о том, что в Барнауле в результате аварии на канализационных очистных сооружениях в Обь сброшены хозяйственно-фекальные стоки. «За пределами гласности остались оглушающие цифры загрязненности реки в течение почти недели продолжавшихся аварийных выбросов. Пресловутая ПДК была превышена в десятки тысяч раз (предлагаю попутно, по случаю девальвации понятия, сменить его на какое-нибудь иное, скажем ЗНК — запредельно недопустимую концентрацию). Да что «гласные цифры»: потянешь за ниточку — такой клубок начнет разматываться. Узнаешь, к примеру, что и до аварии на КОС-2 с самого дня принятия госкомиссией ни единого раза не работала хлораторная. Означает это, что из трех этапов обработки стоки проходили только два и попадали, неdezинфицированные, в Обь. На вид — совершенно прозрачные, а по сути — густонаселенные всякой микробной заразой».

Гласность приоткрывает страшные тайны. Томская партийная газета «Красное знамя» сообщила о том, что неподалеку от Томска вот уже три десятилетия действуют две атомные станции. Томь — «атомный» приток Оби. Следы радиоактивности высокого уровня отмечены не только в низовьях Томи, но и в Оби, вплоть до города Колпашева. Это почти триста километров.

Радиоактивный речной «транзит» проходит, таким образом, и мимо моего родного Могочина. В детстве с соседскими пацанами мы очень любили ходить на рыбалку с ночевой на Беломольские пески. Завидовали товарищу, радовались сами, когда удавалось выудить приличного подъязка, солидного чебака, верткого ельца, не говоря уж о том, когда мальчишечий самолет нечаянно подцеплял заветную стерлядку. Ее, чуть присолив, можно было есть тут же. С куском материнского хлеба вкусна она была невыразимо... И никто из моих сверстников не предполагал, что таюшая во рту рыбешка уже наглоталась радиоактивных отходов.

И этот обский Чернобыль тихо-мирно продолжается уже четвертый десяток лет. Страшно!!!

Это в верховьях реки.

А вот сообщение с низовий. Заместитель председателя президиума Ханты-Мансийского окружного совета общества охраны природы А. Тарханова в газете «Красный Север» приводит печальный перечень итогов завершившейся экологической экспедиции «За чистоту вод Обь-Иртышского бассейна»:

«Работы по гидронамыву, осуществляемые трестом Нижневартовск-трансгидромеханизация, привели к обмелению и замыву протоки Ленгепасская, гибели в ней рыбы, исчезновению нерестилищ. Основным загрязнителем малых рек и озер Аганского, Северо-Покурского, Ватинского, Мегионского месторождений является НГДУ Мегионнефть. Графики рекультивации шламовых амбаров они не соблюдают. Обваловку дренажных емкостей не делают.

Древесной забита заливная пойма реки Конды — от Урая до низовий. Речка Оева завалена грунтом. А в поселках Нялино и Селянрово Ханты-Мансийского района додумались «укреплять» берега навозом, ежегодно складировав его здесь в огромном количестве.

На Ватинском месторождении после аварии трубопровода нефтью поражено более двух гектаров территории. На кустовой площадке № 56 нефтью залиты близлежащие леса и ручьи, питающие речку Ватинский Еган. В середине июня по речке толстым слоем текла нефть, а из нее прямо в Обь. Такие же нефтяные ручьи стекают в Аган, Сайму, Мегу, Малый Еган».

А. Тарханова делает вывод: «Обь тяжело больна, она требует от нас экстренных, конкретных мер помощи».

«Лечаше доктора» вроде А. Княткина или Г. Богомякова, наверное, тут же предложат срочный и безупречный рецепт: повернуть эту нефтенавозную жижу на юг.

Миклин не детализировал, к чему могут привести изменения режима вечной мерзлоты. Специалисты из МГУ на основе предварительных исследований подсчитали, что в зоне изъятия речного стока среднегодовое похолодание достигнет двух градусов. Это означает, что Обь будет вскрываться позже, замерзает раньше, а также, что мерзлота значительно продвинется на юг. На нынешнем ее «пороге» построены мощные газовые и нефтяные промыслы, проложена не одна нитка магистральных газопроводов. Подобное холодное «наступление» приведет к серьезнейшим промышленным авариям, для ликвидации их последствий придется тратить дополнительные миллионы. Сибирская тайга падет по всему фронту похолодания, ибо два лишних среднегодовых градуса выморозят ее корневую систему.

Природа — слишком сложная модель, чтобы втискивать ее в упрощенно-глобальные схемы.

В статье Филиппа П. Миклина мы найдем и реальную стоимость переброса — в рублях это, по здравым отечественным прикидкам, — от 30 до 100 миллиардов рублей, по его оценкам — 50—60 млрд. долларов. Это далеко не кияткинские 10—12 миллиардов (бывший член Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачев в интервью Тюменскому телевидению подтвердил тогда цифру — 100 млрд. руб.). Кого-то большая цифра, естественно, напугает, особенно, наверное, тех, кто распоряжается скудными финансами нашего государства. Но у медали есть обратная сторона. Цены растут. И у кого-то обильно текут слюнки. Сто ли миллиардов рублей, 60 ли миллиардов долларов, — куш солидный, привлекательный, притягательный. В эпоху совместных предприятий в авантюру можно вовлечь международные концерны. Кто-то из них не прочь погреть руки на среднеазиатской беде и сибирской трагедии.

Всех, кто живет в Сибири, наверняка не может не обескураживать югоцентрическая направленность проекта: Сибирь как-то неназойливо выводится за скобки, вообще представляется как край, непригодный для проживания. Вроде единственное оправдание его существования — то, что она делится неисчислимыми богатствами с другими краями. А как же тот первый русский восторг? — воздух здрав и реки прекрасные зело, воды сладчайшие, дебрь, плодovitая на жатву, сладкопесневые птицы, многообразные травяные цветы?

Сибирь — страна будущего. И это не просто красивый образ великого Хансена. Это подлинно так. И наверное, ни у кого не может быть права оставлять великую страну без будущего.

Филипп П. Миклин считает положительным эффектом создание новых рабочих мест для местных жителей в ходе строительства. Весьма возможно, что в штате Мичиган это действительно можно считать привлекательным. Пример Тюмени показывает обратное. Сюда пришли нефтяники и практически оставляют без работы коренное население Северной Сибири — охотников, рыбаков, оленеводов. Нефтяники бездумно выкачают нефть — что, надо искать работу для них? Лесорубы беспощадно, не думая о будущем, вырубят леса — надо приискать работу для трудяг лесорубов. Загадили реки — надо искать работу для рыбаков. Хорошо, на какое-то время трудоустроим строителей, но продолжат они канал или систему суперводопроводов — какое очередное грандиозное занятие им искать? К тому времени, наверное, не останется

204 **ся** ничего, что можно было бы погубить... Может, все-таки заниматься

комплексным и достаточно естественным освоением края, а не насильем над ним? Пора бы браться за ум, а не просто за топор и лопату.

Да, в Средней Азии и Казахстане серьезные проблемы. Прочитную еще раз Миклина, его слова, произнесенные на шестом Международном конгрессе по водным ресурсам (IVRA) в конце мая 1988 года в Оттаве (Канада): «Советское правительство, возможно, будет вынуждено вернуться к проекту в 90-х годах не только по водохозяйственным соображениям, но и по политическим и социальным причинам».

Сибирь сегодня, честно говоря, довольно нищий, развивающийся регион. То же самое можно сказать о республиках Средней Азии. Далеко им даже до развитых стран третьего мира. И здесь напрашивается такое соображение. Если богатый поделится с нищим — мы будем иметь двух обеспеченных. Если нищий поделится с нищим — два нищих и останутся. Перекачка воды — это как раз «братское» разделение ресурсов двух нищих, оно никого не обогатит и если приглушит проблемы, то только на ничтожно короткий срок. Сибири надо развивать свой потенциал, который до сих пор, по существу, остается первобытно, колониально-сырьевым. Нужда заставляет тружеников Средней Азии, ученых искать самые совершенные, самые необычные, самые эффективные методы возделывания земли. Это путь трудный, но наиболее перспективный и плодотворный. Экстенсивная экономика, застойное мышление приводят только к новым проблемам, усилению напряженности. Соблазн велик. Но простое решение проблемы — это иллюзия дела. Надо думать наперед, рассчитывать на себя, а не на соседа.

Подача сибирской воды считается «чистым стимулом» экономического роста и развития, но опять же односторонне — для Средней Азии. Кто же и когда подумает о Сибири, о сибирской России, которая пока неступленно трудится на страну и все еще не собралась уделить внимания себе?

Трудно успевать за событиями.

Мой неспешный рассказ поневоле лихорадит. Когда я пишу эти строки, газеты печатают сообщение о заседании Политбюро ЦК КПСС. На заседании ведется речь о строительстве нефтехимических комплексов в Тюменской области. И вновь мы встречаем уже знакомое имя экологического «демона» Западной Сибири Г. П. Богомякова. Пообещав перебросить воды Иртыша и Оби в Узбекистан, он обосновывает строительство каскада нефтехимических комплексов в Обь-Иртышском бассейне — Тобольского, Сургутского и Новоуренгойского. Как сочетаются 205

идея переброса и строительство гигантов нефтехимии, как увязываются? Как одной рукой загрязнять воду, а другой перебрасывать эту грязную, вонючую жидкость? Когда мы осознаем, что существуют границы человеческого вмешательства в дела природы?

Отстоять Обь, отстоять сибирские реки — это значит отстоять будущее Сибири, дать возможность и нашим потомкам не быть рабами обстоятельств, а действовать на основе новых знаний и мудрости грядущего тысячелетия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Великий дар	5	Подвиг лодии	90
Имя для реки	8	Мастерская окнами на Обь	95
Сказочный исток	11	«Взмыленные спины рек»	99
Где находится Лукоморье?	14	Языческий балет	105
Секрет Петра Первого	18	Забывтое открытие	109
Угрюм-река	21	Неиловые прожекторы	114
Поток времени	28	Речная душа	122
Великая сибирячка	32	Загадочные следы	126
Вольные берега	37	Окно в Европу	128
«Такой езды я не видел...»	42	«Соперница Рейна»	132
«Радельник переселенцев»	45	«Од прамену к океану»	137
Трагедии Сибири	49	Корни рыбного «дерева»	140
По волнам памяти	54	Мертвая вода?	145
«На реке навигация...»	57	Пятак... на экологию	151
Укрощение строптивой	61	Гибель «Луизы»	159
Капитанская вахта	68	Эстафета эпох	161
Могочинский бор	73	Солон рыбацкий пот	168
Зимние причалы	77	Корабли в Мангазейском море	174
Зарево над берегами	82	Обязательный постскриптум: спасение	
На диком бреге	86	Оби — спасение Сибири	186

Омельчук А. К.

О-57 Ее величество Обь: По сибирской реке — в пространстве и во времени.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991.— 208 с., 32 с. вкл.

ISBN 5—7529—0332—7

3 р. 10 000 экз.

Многие из книг Анатолия Омельчука, изданных Средне-Уральским книжным издательством, посвящены Сибири. Не составляет исключения и та, которая сейчас перед вами.

И все-таки она — особенная. В ней автор, родившийся на берегу Оби, не только воплощает давнюю творческую задумку, но и выполняет нравственный долг публициста. Это не просто путешествие по великой сибирской реке от истоков до устья. В книге наряду с путевыми зарисовками — страницы глубоких и неравнодушных размышлений об острых, подчас болезненных проблемах Западной Сибири, огромного края с самобытной историей и таким непрым настоящим и будущим.

Книга адресована широкому кругу читателей.

О 4700000000-029
М 158(03)-91 76-91

ББК 26.22

Омельчук
Анатолий Константинович

**ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ОБЬ**

Редактор А. И. Акимов
Художник О. И. Журавлева
Художественный редактор М. М. Кошелева
Технические редакторы Н. Н. Заузолкова,
Т. Н. Черепанова
Корректоры И. А. Тарская, М. А. Казанцева

ИБ № 1998

Сдано в набор 16.11.90.

Подписано в печать 04.04.91.

Формат 70×75¹/₁₆. Бумага типогр. № 1.

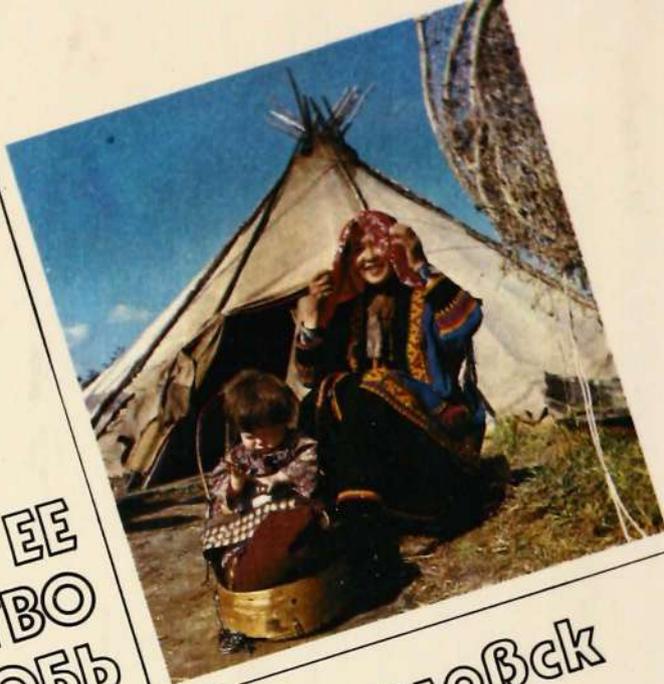
Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 14,55. Усл. кр.-отт. 20,91.

Уч.-изд. л. 15,1. Тираж 10 000.

Заказ 446. Цена 3 р.

Средне-Уральское книжное издательство,
620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.



ЕЕ
ВЕЛИЧЕСТВО
ОБЬ

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство

1991

...И вот в небе проявляется парящий орёл.
Он, как неуловимо недостающее слово
в поэтической строчке, как завершающе
точный мазок на живописном полотне,
делает полной картину вечного речного
простора.
Его высочество — орёл.
Его сиятельство — солнце.
А река, по которой я проплыл?
Конечно же — ее величество.

